ГАБУСНАМЭ

ФОНД
ГЕЙДАРА АЛИЕВА

«Габуснамэ». Баку, Азербайджан. 2014 год. 256 стр.

Редактор:	Руслан Садыхов
Консультант:	Фарид Алекперли
Художник:	Эльчин Джаббаров
Дизайнер:	Эльшан Гаджимамедов
Компьютерная графика:	Абдулали Самедов
Корректор:	Эльнара Бабаева

Данное издание книги посвещается десятилетию Фонда Гейдара Алиева

«Габуснамэ» – этико-дидактическое произведение, охватывающее важные вопросы воспитания и этики. Произведение, написанное в жанре наставления, простое по стилю, но вместе с тем, состоит из живо и занимательно изложенных рассказов, мудрых изречений автора. Оно было написано в 1082 – 1083 гг. падишахом Гиланского государства, находящегося в южном Азербайджане, ныне на севере Иранского государства, Унсуралмаали Кейкавусом для воспитания своего сына Гиланшаха.

«Габуснамэ» является одним из наиболее известных и популярных произведений не только в Азербайджане, но и во многих странах Востока. В средние века эта книга хранилась в доме почти каждого грамотного и культурного человека. Азербайджанские правители, вельможи, священнослужители, ученые и учителя считали это произведение своей настольной книгой. Особенно большое значение придавалось «Габуснамэ» в деле воспитания подрастающего поколения. Мудрые советы «Габуснамэ» остаются актуальными на протяжении многих столетий.

Это произведение было переведено с персидского языка ученым-востоковедом Азербайджана Рагимом Султановым.

ISBN: 978-9952-483-69-7

© Фонд Гейдара Алиева

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Глава 1. О познании пути всевышнего Аллаха 16
Глава 2. Превознесение и восхваление пророков 19
Глава 3. О благодарности к подателю благ 22
Глава 4. Об умножении служения по мере возможности 26
Глава 5. О почитании отца и матери 30
Глава 6. О смирении и умножении знания 33
Глава 7. О стремлении к умножению красноречия 45
Глава 8. С упоминанием советов Нуширавана Справедливого 54
Глава 9. О распорядке [дней] в старости и юности 59
Глава 10. О воздержанности и распорядке в пище и обычаях [приема] ее 65
Глава 11. О распорядке питья вина и необходимых для этого условиях 68
Глава 12. О приеме гостей и езде в гости и необходимых условиях этого 72
Глава 13. О шутке, нардах, шахматах и необходимых для этого условиях 77
Глава 14. О любовных делах и обычаях их 80
Глава 15. О правилах имтимной связи 85
Глава 16. О правилах хождения в баню 87
Глава 17. О сне и отдыхе 89
Глава 18. Относительно охоты 93
Глава 19. Об игре в човган 95
Глава 20. О том, как воевать 98

Глава 21. О порядке накопления богатств 102
Глава 22. О соблюдении доверенного 106
Глава 23. О покупке рабов и ее правилах 109
Глава 24. О покупке домов и земель 116
Глава 25. О покупке коня 119
Глава 26. О женитьбе 124
Глава 27. О воспитании детей и распорядке его 127
Глава 28. О выборе друзей и обычаях, с этим связанных 133
Глава 29. О том, как надо опасаться врага 137
Глава 30. О порядке наказывания и прощения 144
Глава 31. О богословии и законоведении 148
Глава 32. О торговле 157
Глава 33. О распорядке науки врачевания 165
Глава 34. О науке о звездах и геометрии 173
Глава 35. О правилах поэзии 178
Глава 36. Об обычаях музыкантов 182
Глава 37. О службе падишаху 187
Глава 38. О правилах состояния надимом 192
Глава 39. О правилах для писца и условиях письмоводительства 196
Глава 40. Об условиях везирства при падишахе 204
Глава 41. Об условиях и обычаях сипахсаларства 210
Глава 42. Об обычаях и условиях царствования 213
Глава 43. О правах и обычаях дихканства и всякого другого дела, которое ты умеешь 224
Глава 44. Об обычаях джавонмарди 227
Примечания 244

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Габуснамэ» является одним из наиболее известных и популярных на средневековом Востоке произведений. В средние века эта книга хранилась в доме каждого грамотного и культурного человека. Особенно большое значение придавалось «Габуснамэ» в деле воспитания подрастающего поколения, его мудрые советы были актуальными и востребованными в Азербайджане на протяжении многих столетий и они остаются актуальными по сей день.

«Габуснамэ» – этико-дидактическое произведение, написанное в жанре наставления, воспитания.

Произведение, простое по стилю, но вместе с тем, состоит из живо и занимательно изложенных рассказов, мудрых изречений автора.

Произведение было написано в 1082-1083 гг. Унсуралмаали Кейкавусом для воспитания своего сына Гиланшаха. Деятельность этого правителя не ограничивалась только сферой политики. Это был человек высокой духовной культуры, энциклопедической эрудиции, глубокого философского склада ума. Автор «Габуснамэ» – выходец из Гилана (южного побережья Каспийского моря) был тесно связан с культурным кругом Саманидов (суннитская феодальная династия в Средней Азии (819-999 гг.)). Он оставил литературное наследие, в котором универсальная образованность, широта интересов, оригинальность и острота мысли сочетаются с внутренним теплом и темпераментом, ведь он обращается к сыну, которого хочет видеть добрым и милостивым, справедливым и нравственным. Кей-

кавус был мыслителем и поэтом. И, думается, что даже не будь его выдающегося правления, он одним только своим сочинением обеспечил бы себе право на внимание и интерес потомков. «Счастливейший человек тот, чье мышление и действия согласованны», - писал Кейкавус. В своем произведении он обращался к прошлому, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее. В рассказе, озаглавленном «О том, как надо опасаться врага», есть такие строки: «Так слыхал я, что Зулкарнейн обошел весь мир, всю вселенную себе покорил, а тогда повернул назад и направился домой. Когда приехал в Дамган, преставился. Завещал он: «Положите меня в гроб, а в гробу сделайте отверстия и руки мои просуньте в эти отверстия, с раскрытыми ладонями, и так несите, чтобы люди видели, что захватили мы весь мир, а уходим с пустыми руками»». Секрет необыкновенной по популярности «Габуснамэ» состоит еще и в том, что материал

в нем излагается простым и доступным языком: мягкий юмор и нежность по отношению к сыну пронизывают все произведение и придают ему интимный тон, создают иллюзию личной беседы с автором. Читая эту книгу, ты словно проникаешься этими взаимоотношениями и внемлешь автору – его поучениям, наставлениям и предостережениям. «Молодиться в старости – это трубить в рог во время бегства…»; «Любви, пока можешь, остерегайся, ибо влюбленность – дело, несущее беды… Ведь целый год блаженства свидания не стоит однодневного страдания разлуки, ведь влюбленность с начала до конца – страдания и муки сердца, и бедствие, хотя это и сладостная боль» - эти строки, написанные автором назиданий Унсуралмаали почти десять веков назад, не обманут нас. В центре внимания автора – добрые дела: подача милостыни «нескудной», забота о сиротах и вдовах, трудолюбие и осуждение лености, восхва-

ление справедливости, смирения и воздержанности, прославление знания и ученых. В этой книге, нравственные ценности и наставления доводятся до читателя различными рассказами и примерами семейных традиций. Порою рассказы перемежаются стихами, подтверждающими ту или иную мысль. «Габуснамэ» наставляет нас на общественность, семейные отношения, получение образования, изучение науки и искусства, и на традиции.

«Габуснамэ» отражает передовую мысль эпохи, потому что гуманизм и нравственная чистота пронизывают это произведение. Оно занимает совершенно особое место в литературе средневекового Востока. После Унсуралмаали этот жанр совершенствовался и развивался в творчестве великого азербайджанского поэта Низами в поэме «Семь красавиц» (XII в.), в «Месневи» Джалаладдина Руми, в произведениях поэтов Джами, Ахмада Дониша. Наряду с «Габуснамэ» во многих

поэтических произведениях приводились нравоучительные рассказы, притчи воспитательного и философского характера. Особенно стоит упомянуть «Эхлаги-Насири» («Мораль Насира») Насреддина Туси (1201-1274 гг.), «Сиясетнамэ» («Книга о политике») Низам аль-Мулька (XI в.) и т.д.

Мудрые советы «Габуснамэ» оказали большое влияние на мыслителей средневекового Востока и мы надеемся, что читатель по достоинству оценит этот выдающийся памятник философской мысли Азербайджана.

Книга была написана на персидском, т.к. этот язык на Востоке был эталоном образованности, его даже называли «Латынью Востока». На нем издавались произведения философии и поэзии, писались пособия по этике и врачеванию, велись переговоры между правителями, скреплялись или расторгались договора, шли переписи между философами и мыслителями.

«Габуснамэ» и многие другие книги были переведены с персидского языка ученым-востоковедом Азербайджана Рагимом Султановым.

Сегодня Азербайджан – независимая страна и хочет представить русскоязычному читателю свою культуру, историю, философию, которая неразрывно связана с Востоком. И «Габуснамэ» является блестящим примером этой преемственности.

Слава владыке миров и достохвальное будущее праведным, и да не будет неправосудия иначе, как для притеснителей, и благословение и мир [да почиют] на лучшем из созданных им – Мухаммеде его роде и сподвижниках, благороднейших, всех вместе.

А затем так говорит составитель этой книги, эмир Унсуралмаали Кейкавус ибн Искендер ибн Габус ибн Вашмгир ибн Зияр, клиент повелителя правоверных, сыну своему Гиланшаху: «Знай, о сын, что состарился я. Старость и немощь овладели мной. Вижу я, что указ об отставке от жизни начертан волосами моими на лице моем и начертание это не сможет стереть никакое ухищрение. Потому, о сын, так как увидел я имя свое в перечне отошедших [от жизни], счел я за благо, прежде чем дойдет до меня указ об отставке, сложить книгу в осуждение времени и об умении добиться большей доли от доброй славы, дабы досталась она тебе в удел. [Сделал я это] по причине отцовской любви, дабы прежде чем растопчет тебя рука времени, ты сам взглянул разумным оком на слова мои, получил прибыток и добился доброй славы в обоих мирах. Пусть только не отвращается твое сердце от повиновения [советам] этой книги! Тогда мною будет сделано то, что обязательно для любящих отцов. Если же ты не будешь искать доброго удела из речей моих – то есть и другие люди, которые пользуются случаем послушать [добрые речи] и повиноваться им.

И хотя время сложилось так, что ни один сын не повинуется советам отца своего и разгорелось в душе у юношей пламя, заставляющее их по небрежению и самообольщению считать свое знание более высоким, чем знание стариков; хотя мне это было известно, но

любовь и нежность отеческие не позволили мне промолчать. Потому все, что я сообразно природе своей получил, о всяком разделе я собрал несколько слов и написал в этой книге сколько возможно уместнее и короче. Если ты будешь повиноваться, то этого и достаточно, если же нет, то, что требовалось от отца, я выполнил, ведь говорят же: «Дело говорящего сказать да и только, а если слушатель не принимает, незачем обижаться».

Знай, о сын, что природа у людей такова: суетятся они, дабы то, что досталось им в мире, оставить тому, кто им дороже всех. Теперь удел мой от этого мира – эти речи, а дороже всего для меня – ты. Собрался я в отъезд и послал тебе то, что досталось мне в удел, дабы не был ты самовлюбленным, недостойных дел остерегался и так жил, как это подобает чистому роду твоему.

И знай, о сын, что род и племя твое – велики и славны. С обеих сторон ты благородного происхождения и сродни правителям-миродержцам. Дед твой – Шамсилмаали Габус ибн Вашмгир, внук [Аргиша сына Фархадванда, а Аргиш сын Фархадванда был] правителем Гилана в дни Кейхосрова и Абулмуайяда Балхи. О делах его поминает в своем «Шахнаме» Фирдовси. Шахство Гиланское осталось дедам твоим на память о нем. Бабка же твоя, мать моя, дочь Марзбан ибн Рустам ибн Шервина, который был составителем «Марзбаннаме», а тринадцатый предок ее – Кевус ибн Губад, брат шаха Нуширавана Справедливого. Мать твоя – дочь правителя – воина за веру султана Махмуда сына Насреддина, а моя бабка – дочь Фирузана, правителя дейлемитов.

Итак, о сын, будь разумным и знай цену своему роду и не относи себя к ничтожным. Хотя я вижу в тебе признаки добра и удачливости, но все же нужно повторять эти речи, и знай, о сын, что близок тот день, когда мне придется уйти, а скоро и ты пойдешь следом за мной; и сегодня, пока ты в этом бренном мире, нужно, чтобы ты занялся делом и получил воспитание, которое пригодилось бы и для мира вечного. Ведь этот мир, как поле – что посеешь, то и пожнешь. Из того доброго и злого, что пожнешь, никто ничего не съест на поле,

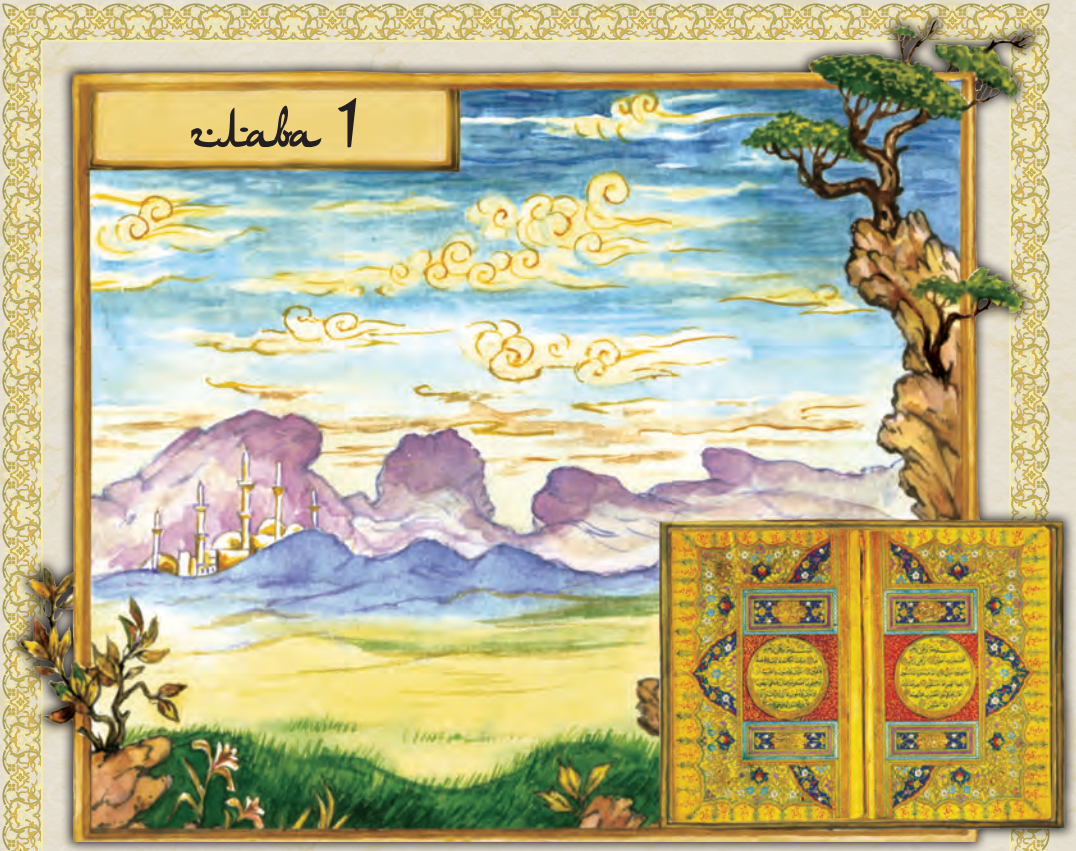
ибо то, что пожато, остается в вечном мире. А добрые люди в этом мире имеют помыслы львов, злые же действуют как собаки. Собака, где дичь поймает, там и съест, а лев, когда добудет дичину, ест ее в другом месте. Место охоты – этот бренный мир, а дичь твоя – добрые дела. Поэтому не нужно тебе охотиться здесь, дабы было тебе легко в вечном мире, когда будешь проедать [добытое]. Путь в тот мир для рабов – покорность Аллаху, преславному и великому. Тот, кто ищет пути Аллаха и покорности господу всевышнему, – словно огонь: если ты даже разожжешь его перевернутым вниз, он все же стремится взвиться вверх. Тот же, кто отклоняется от пути Аллаха, – словно вода: как ни поднимай ее вверх, она все стремится спуститься вниз.

Потому-то, дорогой мой, считай обязательным для себя познать путь к господу, преславному и всевышнему, да возвеличится слава его, да распространятся на всех дары его и да возрастет сан его, и вступить на истинный путь, да возвысится и прославится господь наш, старательно и с полным сознанием, подобно тому, как мужественные борцы за истину и благодарные путники на этом пути шли, голову делая ногами, более того, отрекаясь от головы и утрачивая себя самих, поправ и бренный и вечный миры, махнув на них рукой ища и стремясь в мире тайн и единства найти только единого и единственного. В этом странствии сгорали и тонули они, добровольно и страстно жертвовали жизнью. Сколь велико счастье того раба, которому достанется эта удача, и будет он возвеличен и прославлен халатом и славной почестью этой степени и стоянки.

О вечный, о тот, кому поклоняемся мы, пожалуй милостиво всем верующим мужам и женам, всем мусульманам и мусульманкам вспомоществование [для нахождения] прямого пути. А если мятежный бедняга от небрежения и невежества упустит из рук повода воли и невольно пройдет несколько шагов по бездорожью, повинуясь шайтану и страстям повелевающей творить зло души и сойдет с пути шариата и тариката Мухаммеда, да благословит Аллах его, и дом его, и всех сподвижников его, праведных и чистых, по милости и благости бесподобной своей подай тому несчастному слабому

рабу избавление от заблуждения и бездорожья и капканов отвергнутого и проклятого шайтана. На благо [да будет это], о щедрейший из щедрых и милосерднейший из милосердных.

А затем, знай [о сын, что эту книгу] назиданий и это славное благодатное сочинение я составил в сорока четырех главах. Надеюсь я, что будет она благодатной и принесет счастье сочинителю, читателю, переписчику и слушателю, если захочет Аллах, и преславен он, он единый всемогущ.



О познании пути всевышнего Аллаха

Знай, о сын: нет ничего из того, что свершится или не свершится или могло бы свершиться, что не было бы познано человеком, каково оно есть, кроме преславного творца, к познанию которого пути нет. Кроме ж того, все познано. Ибо познающим всевышнего ты станешь тогда, когда перестанешь познавать.

Познаваемое словно выгравированное, а познающий как гравер, и если на данном материале нельзя себе представить гравировки, никакой гравер не станет на нем гравировать. Разве ты не видишь,

что, так как воск легче принимает рисунок, чем камень, из воска делают печати, а из камня не делают. Следовательно, все познанное доступно познанию, а творец не доступен. Ты же взирай на себя, а на творца не взирай. Смотри на созданное и познавай создающего. Смотри, что длительность созданного не дает тебе пути к создающему, ибо длительность от времени, а время – преходяще и преходящее имеет начало и конец.

Этот мир, который ты видишь сочлененным, не считай его связи благом, не будь лишенным совершенства, ибо связи его не останутся не развязанными. Помышляй о свойствах и дарах творца, а о самом творце не размышляй, ибо сильнее всего сбивается с пути тот, кто ищет пути там, где его нет. Как сказал пророк, да благословит его Аллах: «Помышляйте о свойствах Аллаха, но не помышляйте о сущности его». И если бы наш создатель не дал своим рабам устами господина шариата дерзновение познать себя и познать пути к себе, ни у кого не хватило бы смелости сказать хоть слово о познании пути ко всевышнему, ибо каким бы именем ты ни назвал господа, какое бы свойство к нему ни приложил, знай, что это имя и свойство проистекают от твоей слабости и беспомощности, не от божественности и господства, ибо Аллаха ты никогда не сможешь восхвалить достойным образом, как же ты сможешь познать его?

Если ты хочешь истинного единобожия, знай, что все, что для тебя невозможно, в господе истинно. Как, например, единство. Ибо кто понял единое по существу, освободился от самого многобожия. Один по существу – это Аллах преславный, а кроме него, все – два. Ибо все, что по свойствам распадается на два, у того или состав – два, как тело, или по расчленению оно два, как число, или по суммированию оно два, как свойства, или по форме два, как два протянутых начертания, или два по соединению, как субстанция и акциденция, или по производству оно два, как ум и душа, или по равновесию оно два, как природа и форма, или вещь два по противоположности, как

сходное и подобное, или по строению вещь два, как элемент и материя, или по числу два, как пространство и признак, или по возможности вещь бывает два, как качество, или с точки зрения количества как бытие и небытие. Все это – не он, как бы противоположное и противное. И все, что таково, имеет признак двойственности, и ничто поистине нельзя назвать единым. Называть единым по существу можно только преславного господа. А так как таковы те вещи, признак которых двойственность, то они не Аллах. Истинное единобожие – познать, что все, возникающее в твоем сердце, не Аллах, но Аллах творец всего этого, свободный от равных и подобных, да будет он превознесен.

Превознесение и восхваление пророков

Знай, о сын, что Аллах всевышний сотворил мир по желанию своему. Сотворил он его не понапрасну, а сотворил и украсил по справедливости и мудрости, так как знал, что бытие лучше небытия, порядок лучше разрухи, избыток лучше недостатка, прекрасное лучше безобразного. Он мог сотворить и то, и другое, ведал он и то, и другое, но сделал то, что было лучше и не поступил против своего знания. И то, что существует на основании справедливости, основой того не может быть невежество и случай. Таким образом,

основой мира стала мудрость, так, как было прекраснее, так он и начертал.

Конечно, мог он дать свет без солнца, дождь без тучи, тело без составных частей и оказывать на мир доброе ли, злое ли влияние без звезд, но так как дело покоилось на мудрости, он не создал ничего без посредствующих причин и сделал посредствующие причины основанием для бытия и разрухи. Ибо, если исчезнет посредствующая причина, исчезнет распорядок, а если нет распорядка и сана, нет упорядоченности, а действию упорядоченность необходима.

Он создал посредствующие причины и для того, чтобы один был властвующим, другой – подвластным, один – питающим, другой – питаемым, и эта двойственность доказует единство господа всевышнего и преславного. Так как ты видишь посредствующую причину, а цели не видишь, то смотри, не придавай значения причине и не считай ее чем-либо иным, кроме посредствующего звена, помни, что это посредствующая причина, созданная господом. Если земля не даст плодов и звезда не даст справедливости, не считай их ответственными, ибо звезды столько же знают о воздаянии справедливости, сколько земля о принесении плодов. Как у земли нет такой способности принести ядовитый плод, когда ты посеешь сладкие зерна, так и звезда добрая не может быть злой. Так как он украсил землю мудростью, то украшенное не может не давать плода и не быть прекрасным.

Поэтому гляди на этот мир и созерцай его украшения, как растения, животных, пищу, одежду и разные блага. Это все украшения, созданные творцом на основании мудрости. Как он говорит в своем непреходящем откровении: «Мы сотворили небеса и землю и то, что между ними, не напрасно, и сотворили мы их не иначе, как – премудро».

Раз ты знаешь, что господь всевышний не сотворил в мире ни одного блага понапрасну, то пойми, что было бы бесполезно, если бы справедливые блага и хлеб насущный остались не данными никому. И справедливый хлеб насущный это то, что ты даешь получающим [от тебя], чтобы они питались. Следовательно, таково тво-

рение: он сотворил людей, дабы они ели хлеб насущный, а раз он создал людей, то все блага принадлежат им.

Люди не могут обойтись без государственного устройства и порядка, а государственное устройство и порядок без вождя несовершенны, ибо всякий питающийся, проедающий свой хлеб без порядка и справедливости, не знает благодарности к подателю хлеба. А это уже недостаток подателя, что он дал хлеб невеждам и неблагодарным. Но так как податель не знает недостатков, то он не оставил питаемого в невежестве. Как он упоминает в откровении: «Научил человека тому, чего тот не знал». А к людям он послал пророков, чтобы они научили их справедливости и знанию и распорядку получения хлеба насущного и благодарности к подателю его, дабы сотворение мира покоилось на справедливости. Завершение справедливости – в мудрости, а завершение мудрости – в благе, завершение блага – в получающем пропитание, а завершение получающих пропитание – в пророках-водителях. И из этого распорядка нельзя ничего убавить, иначе он не приведет к истине. Пророки-водители имеют ряд преимуществ перед получающими пропитание. Получающим пропитание он на основании пропитания и блага сделал обязательным признавать право своих водителей и чувствовать признательность к своему подателю пропитания и признавать правоту его посланников, держаться за них, считать всех пророков чис-тыми от Адама до Мухаммеда, благословение Аллаха на него, быть покорным в религии, не делать упущений в благодарности за благодеяния, соблюдать обязательные предписания религии, чтобы добыть доброе имя и стать достойным хвалы.

О благодарности к подателю благ

Знай, о сын, что благодарность к подателю благ обязательна для всякой твари на основании веления его, не по причине того, что он заслужил это, ибо, если кто-нибудь всего себя отдал на благодарение, он все же не смог воздать и тысячной доли благодарности соразмерно велению.

Хотя он и будет обладателем многих милостей, но мера воздаяния благодарности и служения в мусульманской вере сводится только к пяти [обязанностям]: из них две предписаны только зажиточным, а

три – всем людям. Из них одна – признание Аллаха устами и подтверждение сердцем, другая – пятикратная молитва, третья – тридцатидневный пост.

Вероисповедная формула – доказательство отрицания всего, кроме истинного Аллаха, молитвы доказывают погрешность словесного признания в истинном служении, а пост – признание в истине словесного свидетельства о могуществе Аллаха. Раз ты сказал: «Я раб» нужно быть в оковах рабства. Раз ты сказал, что он – господь, нужно повиноваться приказу господина. Если ты хочешь, чтобы раб служил тебе, не беги от своего господина. Если ты убежишь, не жди покорности от своего раба, ибо твоя милость к своему рабу все же не больше милости господина всевышнего к тебе. Не будь непокорным рабом, ибо непокорный раб стремится стать господином, а стремящийся стать господином раб скоро погибает.

Рабу подобает перерезать горло,
Если стремится он к власти.

И знай, что молитва и пост принадлежат самому Аллаху и не допускай в них оплошностей, ибо если ты допустишь оплошность в том, что принадлежит самому Аллаху, то не достанется тебе то, что обще всему миру. И знай, что молитву господин шариата нашего причислил к совокупности веры и [сказал так]: всякий, кто откажется от молитвы, подобен тому, кто совсем отказался от веры. А неверующего в этом мире полагается убивать и предавать позору, в будущем же мире его постигнет кара всевышнего Аллаха.

Берегись, о сын, не привязывайся сердцем к пустякам и не говори, что опущения в молитве дозволены. Если не изучишь ты ее по предписанию веры, то изучи хоть на основании здравого смысла, ибо молитва дает много выгод. Первое то, что всякий, кто выполняет пять обязательных молитв, у того всегда тело и платье будут чистые, а чистота во всяком случае лучше грязи. Второе то, что молящийся далек от осуждения [других] и гордыни, ибо суть молитвы положена в смирении, а коль скоро ты приучишь природу к смирению, тело тоже последует за природой. А затем мудрецам известно, что кто хочет уподобиться каким-нибудь людям, тому надо с ними

видеться. Если кто-нибудь хочет стать несчастным и грешником, он будет видеться со злыми людьми, а тот, кто ищет счастья и успеха, будет повиноваться обладателю власти, а кто хочет стать несчастным, тому надо водиться с несчастными. По признанию всех разумных мужей, нет власти и мощи сильнее мощи ислама и нет веления действительнее велений его. Следовательно, если хочешь всегда быть мощным и счастливым, ищи общество обладателя власти и будь покорен им и не ищи сопротивления ему, дабы не стать несчастным и грешником.

И берегись, о сын, не относись легкомысленно к молитве и не насмехайся над неполнотой поясных и земных поклонов: шутить над молитвой – привычка, ведущая к гибели и мира, и веры.

И знай, о сын, что пост – служение, которое за целый год бывает лишь один раз, было бы низко уклоняться от него. Разумные люди не считают такое упущение для себя дозволенным и ты тоже не уклоняйся. Но не будь привержен и к крайностям, ибо в месяце поста не обходится без крайности. Ты же в соблюдении поста и разговений не прибегай к крайностям. Если узнаешь, что пять достойных доверия праведных вероученых начали поститься, постись с ними, с ними и разговляйся и не слушай речей глупцов, а знай, что Аллах всевышний не нуждается ни в сытости, ни в голоде твоем, а цель поста – печать Аллаха на имуществе своем, и печать эта накладывается не на какую-нибудь отдельную часть тела, а на все тело в целом: и на руки, и ноги, и глаза, и уши, и язык, и желудок, и наготу. Все это надо запечатать, чтобы как следует удержать части тела от разврата и неподобных дел. Только так ты воздашь должное печати поста.

И знай, что величайшее дело в посте, когда ты откладываешь дневной хлеб свой на ночное время, этот дневной надел свой отдавай нуждающимся. Так будет польза от труда твоего, и труд этот на то и нужен, чтобы польза от него досталась достойному. И смотри, в этих трех видах служения, общих всему миру, не позволяй себе опущений, ибо опущению, подобному опущению этих трех обязанностей, нет и нет ему прощения. Что же касается двух видов служения, предписанных лишь богатым, то там опущение при наличии

оправдывающих обстоятельств допустимо. Но говорить об этом надо много и было помянуто только то, что необходимо.

Об умножении служения по мере возможности

Знай, о сын, что господь всевышний наложил две обязанности на имущих и избранных рабов своих, а именно хадж и зякат, и приказал, чтобы всякий, у кого есть нужные средства, поклонился дому его. Тем же, у кого средств нет, он этого не приказывал. Разве ты не видишь, что в этом мире доступ ко двору царскому тоже имеют только люди с достатком?

А затем условие возможности совершения хаджа – наличие средств для путешествия, неимущим же пускаться в путешествие неразумно, ибо путешествие без средств опасно.

Если же у тебя есть средства, а ты не поедешь путешествовать, ты не получишь полного удовольствия и услады от богатства. Полнота удовольствия и услада от богатств этого мира в том, чтобы повидать невиданное и поесть ранее нееденное и найти ранее ненайденное, а это все возможно только в путешествии. Люди, путешествовавшие и повидавшие мир, опытны, удачливы и мудры, так как они видали невиданное и слыхали неслыханное. Ведь сказано, что слышать рассказ не то, что видеть своими глазами. И говорят:

Видавших мир с невидавшими,
Не равняли заслуживающие уважения мужи.

Потому-то творец и предписал богатым людям путешествовать, дабы они воздали должное богатству, извлекли из него пользу и выполнили приказ господа всевышнего и поклонились дому его. Нищему же, не имеющему достатка и дорожных припасов, он этого не приказал. Как я об этом говорю:

Если друг меня не звал и с собой не сажал
И по нищете моей так меня унижал,
То достоин он извинения, ибо творец обоих миров
Нищих в дом свой не звал.

Ведь если нищий совершает хадж, он подвергает себя опасности, ибо нищий, совершающий дело богатых, подобен больному, совершающему дело здорового, и рассказ о нем точь-в-точь похож на рассказ о тех двух хаджи, одном богатом, другом бедном.

Рассказ. Слыхал я, что однажды правитель Бухары задумал посетить дом Аллаха. Человек он был крепко богатый и в караване том не было никого его богаче. Больше ста верблюдов было под его вьюками, а [сам] он сидел в носилках и ехал по пустыне, покачиваясь и нежась, со всеми припасами [и утварью, что бывают и дома]. Много народу, нищих и богатых, шло вместе с ним.

Когда доехал он до Арафата, попался ему навстречу нищий дервиш, босоногий, терзаемый жаждой и голодом. Все ноги у

него были покрыты пузырями. Увидел он правителя Бухары в такой неге и довольстве, обратился к нему и сказал: «В день воздаяния будет награда мне и тебе одна и та же, ты же едешь в таком богатстве, а я в таких мучениях».

Правитель Бухары ответил ему: «Избави Аллах, чтобы награда моя была равна твоей награде! Если бы я знал, что меня и тебя сравняют, никогда не выехал бы я в пустыню».

Дервиш спросил: «Почему?»

Тот ответил: «Я выполняю приказ господа всевышнего, а ты нарушаешь его. Меня звали и я – гость, а ты прихлебатель. Разве может сравниться прихлебатель с почетом званого гостя? Господь всевышний пригласил богачей, а беднякам сказал: «И не ввергайте себя своими руками в опасности». Ты без приказа господа в нищете и голоде пришел в пустыню, подверг себя опасности и не послушался приказа Аллаха. Зачем же ты хочешь равняться с послушными приказу?»

Всякий, кто имеет достаток, пусть от достатка совершит хадж. Так он воздаст должное богатству и выполнит веление господа всевышнего. Итак, о сын, если будут у тебя средства на хадж, не допускай оплошности в служении Аллаху.

А для хаджа нужно наличие пяти условий: власть, богатство, свободное время, почет и безопасность, спокойствие. Если это все достанется тебе в удел, старайся о полноте [служения Аллаху].

Знай, что хадж такое служение Аллаху, что, когда у тебя есть нужные средства, если ты отложишь решение [ехать] на будущий год, греха на тебе не будет, но зякат – это такое служение Аллаху, что, если только есть возможность, не давать его непростительно. Господь всевышний плательщиков зяката всегда называет приближенными своими.

Платящие зякат люди посреди других людей подобны правителю посреди подданных. Он дает хлеб насущный, а другие только получают его.

Господь всевышний предопределил, чтобы одни были нищими, другие богатыми. Ведь он мог всех сотворить богатыми, но все же создал два разряда из них, чтобы выявился сан и почет рабов [Аллаха] и высшие отделились от низших.

Так и правитель сделает слугу кормильцем какого-нибудь народа, а если тот слуга сам будет кормиться, а им не даст, не уйти ему от гнева правителя.

Зякат в год дается раз, и это обязательное предписание. Милостыня же, хоть и не обязательна, но подается по благородству и человечности. Если только можешь, подавай и не плошай, ибо податель милостыни всегда под защитой Аллаха, а защиту Аллаха нужно признавать великим счастьем.

Берегись, о сын, и по поводу хаджа и зяката не позволяй сомнениям появляться в сердце, не думай и не говори: зачем бегать да раздеваться и не стричь ногтей и волос? Зачем мне давать полдинара с двадцати динаров и что это за зякат? Зачем зякат с овец да верблюдов? Зачем мне приносить в жертву баранов? Во всем этом соблюдай чистоту сердца. Не полагай, что то, чего ты не знаешь, не благо. Занимайся выполнением велений господа всевышнего, а как да почему, не твое дело. А когда выполнишь этот приказ, знай, что почитать отца твоего – веление господа всевышнего.

О почитании отца и матери

Знай, о сын, что так как творец наш, да возвысится он, захотел, чтобы мир оставался устроенным, он создал продолжение рода и сделал животную страсть причиной его. Следовательно, как на основании разумных соображений сыну обязательно уважать и почитать [причину] бытия своего, так же обязательно ему и уважать род свой и почитать его, род же его – это отец и мать. Смотри же, не говори: «Какие у отца с матерью права на меня, их цель была страсть, не меня они имели в виду». Хотя целью и была страсть, но

страсть-то выкупается нежностью их, тем, что ради тебя они и на смерть готовы пойти.

Наименьшая причина уважения к отцу и матери уже хотя бы то, что они оба – посредники между тобой и творцом твоим. Поскольку ты уважаешь творца своего, соответственно тому нужно уважать и посредников.

Тот сын, которым постоянно руководит разум, никогда не будет пренебрегать правами отца и матери и любовью к ним. И господь наш, да прославится он, говорит в преславном слове своем: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и повелителю вашему». Этот стих толковали на несколько ладов, и в одном предании я читал так, что повелитель – это отец и мать, ибо [слово] амр по-арабски [имеет] два [значения]: дело или приказ; повелитель – тот, у кого и приказ, и власть. А отцу и матери дана власть вскормить и приказ научить добру.

Смотри, о сын, не терзай сердца родителей, не презирай их сердечные муки, ибо творец за сердечные муки их сильно наказывает и [в преславном Коране] говорит: «И не говори им тьфу и не отталкивай их, а говори им почтительное слово».

Передают, что у повелителя правоверных Али, да возрадуется Аллах, спросили: «Каковы права отца и матери над сыном и сколько их?» Он ответил: «Это правило поведения господь всевышний показал при смерти родителей пророка. Ибо если бы они дожили до времени пророчества его, пророку было бы обязательно считать их выше всех [смиряться и унижаться перед ними и вести себя как подобает сыну]. Тогда слабым оказалось бы то слово, которое он, да благословит Аллах его и род его, сказал: «Я господин сынов Адама и нет в том гордыни».

Итак, если ты не будешь рассматривать право родителей с точки зрения веры, смотри с точки зрения разума и человечности. Отец и мать твои – причина добра и основа взращивания тебя самого. Если ты допустишь оплошность в отношении их, то это покажется так, словно ты не достоин никакого добра. Ибо тот, кто не ценит основного блага, не знает цены и благу производному. Делать неблаго-

дарным добро – темнота. Ты же не ищи темноты и поступай с отцом и матерью так, как ты хочешь, чтобы с тобой поступали твои собственные дети. Ведь тот, кто родится от тебя, будет желать того же, что желал тот, от кого ты родился.

Человек – словно плод, а отец и мать – как дерево. Чем больше ты будешь заботиться о дереве, чем лучше и прекраснее будешь уважать и любить отца и мать, тем доходчивее будут их молитвы и благословения над тобой и ты будешь ближе к благоволению Аллаха и благоволению их.

Смотри, не желай смерти родителей ради наследства, ибо и без смерти их достанется тебе то, что тебе назначено в удел. Ведь уделы распределены на всех, и каждому достанется то, что назначено ему. Ты не терзайся особенно из-за удела, он от стараний не умножится. Ведь сказано: «Живи усердием, а не усилиями».

Если хочешь из-за удела быть довольным господом всевышним, не смотри на тех, у кого положение лучше, смотри на тех, положение которых хуже твоего, чтобы всегда быть довольным господом всевышним.

А если оскудеешь имуществом, старайся разбогатеть разумом, ибо богатство разумом лучше, чем богатство добром. Ведь разумом можно добыть богатство, а богатством разума не накопишь. Невежда живо обнищает, а разум ни вор не может унести, ни вода, ни огонь не могут загубить.

Итак, если есть у тебя разум, учись чему-нибудь, ибо разум без умения – тело без платья или человек без лица. Ведь сказали: «Образование – лицо разума».

О смирении и умножении знания

Знай и будь осведомлен, сын, что люди без умения всегда остаются без выгоды, как мугелон, который ствол имеет, а тени не имеет, ни себе пользы не приносит, ни другим. Люди благородные и именитые, если у них и нет умения, все же по причине рода и племени не лишаются известного почета у других. Хуже бывает тем, у кого ни рода, ни умения. Старайся же, хотя у тебя и есть род и знатность происхождения, все же приобрести и личную знатность, ибо личная знатность лучше унаследованной. Как сказано: «Почет за ум да

за образованность, не за род да происхождение». Величие в разуме и знаний, не в роде и происхождении. Не довольствуйся той славой, которую тебе дали родители, это ведь только внешний знак, доброе же то, что ты добудешь себе умением, когда ты от имени «Зейд» и «Джафар» или «дядя» и «дяденька» перейдешь к прозванию «мастер» [устод] и «литератор» [адиб] и мудрец.

Ведь если у человека, кроме наследственного благородства, нет благородства иного, он никому в обществе не годится. Если же ты у кого-нибудь найдешь эти благородства, хватайся за него и не выпускай из рук, ибо он нужен всем.

И знай, что из всех способностей лучшая – дар речи. Творец наш, да прославится он, из всех своих творений лучше всех сотворил человека, и человек перед всеми остальными животными получил преимущество в виде десяти чувств в его теле – пять внутри и пять снаружи. Пять скрытых: мышление, память, воображение, различение и речь, и пять явных – слух, зрение, обоняние, вкус и осязание. Из всех этих чувств то, что есть у других животных, не таково, как у человека. По этой-то причине человек – царь и повелитель над другими животными.

И вот, раз ты это узнал, изучи речь хорошенько и поискуснее, имей привычку быть всегда красноречивым, чтобы язык твой всегда говорил то самое, что ты его заставляешь говорить, и это вошло бы у тебя в привычку. Ведь говорят: «У кого речь слаще, у того и благожелателей больше».

Но при всем умении старайся говорить слово к месту, ибо неуместное слово, если ты его даже и хорошо скажешь, покажется безобразным. Избегай ненужных слов, ибо бесполезное слово – только вред. Слово, отдающее ложью и не отдающее умением, пусть лучше останется несказанным, ибо мудрецы сравнивают слово с вином: от него и головная боль и от него же и лекарство от этой головной боли.

Когда тебя не спрашивают, не говори. Пока не спросят, никому совета не давай и не увещевай, в особенности таких людей, которые все равно увещанию не поддадутся, такой и сам свалится. При по-

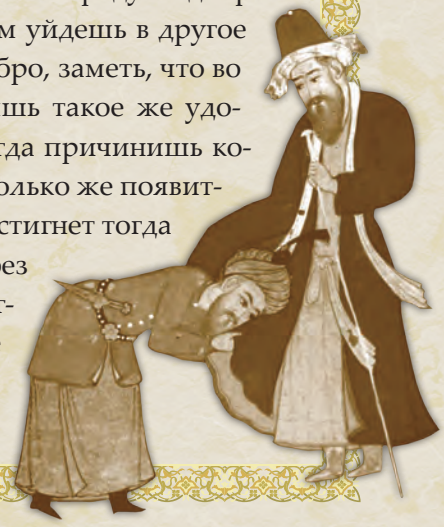
сторонних никому ничего не советуй, ибо сказано: «Совет при посторонних – попрек».

Если кто-нибудь сбивается с пути, не старайся направить его, все равно не сможешь. Ведь если дерево выросло криво и криво пустило ветви и поднялось, то выпрямить его можно только спилив и обстругав.

И как ты не будешь скупиться на хорошее слово, не скупись, если будет возможность, и на вещественные дары: люди скорее обольщаются деньгами, чем словами. Остерегайся подозрительных мест, избегай зломыслящего и подстрекающего на злое друга. Не впадай в ошибку и помещай себя в такие места, где, если тебя будут искать и найдут, тебе не придется стыдиться.

Деньги свои ищи там, где ты их положил, чтобы получить обратно. Не радуйся горю людей, чтобы люди не стали радоваться твоему горю. Будь справедлив, и к тебе будут справедливы. Отзывайся хорошо, и сам услышишь хороший отзыв. На солончаке ничего не сей, все равно не взойдет, только труд пропадет даром, т. е. делать добро низким людям – все равно, что сеять что-либо на солончаке. Но тому, кто заслуживает добра, в добре не отказывай и всегда учи добру, ибо пророк, мир с ним, сказал: «Кто учит добру, как бы сам его делает». Твори добро и повелевай творить добро, ибо это два брата, связь которых не рвется.

Не жалей о том, что сделал доброе дело, ибо награду за добро и зло получишь еще в этом мире, прежде чем уйдешь в другое место. А когда будешь делать кому-нибудь добро, заметь, что во время совершения доброго дела сам получишь такое же удовольствие, какое получит и тот человек. А когда причинишь кому-нибудь зло, сколько муки постигнет его, столько же появится в твоем сердце стеснения и тяжести и не постигнет тогда от тебя кого-либо зло. И раз, действительно, без неприятного чувства никого от тебя не постигнет зло, а без удовольствия твоего никому не будет добра, становится ясным, что воздаяние за добро и зло ты получаешь в этом же мире,



до того, как уйдешь в тот мир. Эти слова мои никто не сможет отрицать, ибо всякий, кто за всю свою жизнь хоть раз причинил кому-нибудь зло или сделал добро, если хорошенько подумать, увидит, что я прав в этом утверждении и признает его правильность. Итак, пока можешь, никому не отказывай в добре, ибо добро со временем принесет плод.

Рассказ. Слыхал я, что у Мутаваккиля был раб по имени Фатх, очень красивый с лица и удачливый, изучивший все науки и искусства. Мутаваккиль его усыновил и дорожил им больше, чем родными детьми. Этот Фатх захотел научиться плавать. Привели корабельщиков и стали его учить плавать в Тигре. А Фатх этот был еще ребенок и плаванием как следует не овладел, но все же по ребяческому обычаю делал вид, что я, мол, плавать научился.

Как-то раз тайком от учителя пошел он на Тигр и прыгнул в воду, а вода шла очень сильно. Фатха закружило. Когда Фатх понял, что ему с водой не справиться, он отдался воде и плыл по воде, пока не скрылся из глаз людских. Протащило его по воде некоторое расстояние. А на берегу Тигра были ямы. Когда он доплыл до ямы на краю воды, он сделал усилие, забил руками, бросился в эту яму, сел там и сказал себе: «Что-то Аллах захочет... но теперь я из этой кровожадной воды выбрался». Семь дней он там оставался.

В первый же день, как только Мутаваккилю дали знать, что Фатх прыгнул в воду и утонул, он сошел с трона, сел на [голую] землю, позвал корабельщиков и сказал: «Всякому, кто доставит мне Фатха мертвым или живым, я дам тысячу динаров». И поклялся он, что не буду, мол, я есть пищу, пока не принесут мне его в том состоянии, в каком он [сейчас] находится.

Корабельщики пошли на Тигр, и ныряли и искали повсюду, пока к концу седьмого дня один из них случайно попал в ту яму, увидел Фатха, обрадовался и сказал: «Оставайся здесь, я сейчас приведу челнок».

Ушел он оттуда, пришел к Мутаваккилю и сказал: «О повелитель правоверных, что ты мне дашь, если я привезу тебе Фатха живым?» Тот ответил: «Пять тысяч динаров дам». Корабельщик

сказал: «Я нашел Фатха живым». Привели челнок и повезли Фатха. Мутаваккиль приказал, чтобы корабельщику сейчас же выдали то, что он обещал. Он повелел везиру: «Ступай в мою сокровищницу и из всего, что там есть, половину дай нищим». Потом крикнул: «Несите пищу, ведь он же за семь дней изголодался». Фатх сказал: «О повелитель правоверных, я сыт». Мутаваккиль спросил: «Что же ты, водой Тигра напитался?» Фатх ответил: «Нет, я все эти семь дней не был голоден. Каждый день по воде проплывало двадцать лепешек на блюде. Я ловчился, две-три из этих лепешек схватывал и тем хлебом питался. А на каждой лепешке было написано: Мухаммед ибн аль-Хусейн аль-Аскаф.

Мутаваккиль приказал: провозгласить по городу, кто тот человек, который кидает хлеб в Тигр, и сказать, чтобы он пришел, что повелитель правоверных ему окажет добро, чтобы он не боялся.

Глашатаи провозгласили это. На другой день пришел человек и сказал: «Это – я». Мутаваккиль спросил: «А в чем доказательство?» Ответил: «Доказательство то, что на каждой лепешке было написано мое имя—Мухаммед ибн аль-Хусейн аль-Аскаф.» Мутаваккиль сказал: «Доказательство правильное, но сколько же времени ты бросаешь лепешки в Тигр?» Мухаммед ибн аль-Хусайн ответил: «Вот уже год». Мутаваккиль спросил: «А какова же цель твоя при этом?» [Тот ответил]: «Слышал я [поговорку]: сделай добро и брось в воду, со временем принесет оно плод. А в моих руках другого добра не было. То, что мог, то я и делал, и говорил себе: «Какой-нибудь это принесет плод...»

Мутаваккиль сказал: «То, что ты слышал, то и сделал, и получил плод того, что сделал». Мутаваккиль дал ему в Багдаде имение в пять деревень. Разбогател он и стал уважаемым. Потомки его и посейчас еще в Багдаде. Во времена Аль-Каима би-амриллахи я ездил в хадж. Господь всевышний сподобил меня посетить дом Аллаха, и [тогда] я и видел его сыновей и слышал этот рассказ от стариков и старожилов Багдада.

Следовательно, пока можешь, не покладая рук, твори добрые дела. Людям себя показывай как человека доброде-

тельного и, показав себя таким, не будь иным на деле. Не говори языком одно, когда на сердце у тебя другое, дабы не стать торговцем, который показывает пшеницу, а продает ячмень.

И во всех делах будь сам справедлив, ибо кто сам справедлив, тому и судья не нужен.

Если будет у тебя печаль или радость, то тому о них говори, кого печали и радости твои могут озаботить. Перед людьми признаков печали и радости не проявляй и каждой хорошей, и каждой дурной вещи тотчас же не радуйся и не печалься, ибо это поступок детский. Старайся ради [достижения] невозможного положение свое не менять, ибо великие мужи ни ради истины, ни ради лжи не сдвигаются со своего места.

Такую радость, которая приводит к печали, радостью не считай, и такую печаль, которая приводит к радости, не считай печалью. В момент безнадежности не теряй надежды, знай, что безнадежность связана с надеждой, а надежда с безнадежностью.

Знай, что судьба всех дел мира – прийти и исчезнуть. Пока живешь, не отрицай истины, если кто-либо начнет с тобой спорить, прекрати его спор молчанием. Знай, что ответ дуракам – молчание.

Ничьего труда понапрасну не губи, за каждым признавай его права, в особенности за родней своей. Сколь только можешь, оказывай им добро и старцев своего рода уважай. Ведь пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, сказал: «Старец в роду своем – как пророк в общине своей». Но не будь к ним слишком пристрастным, дабы различать их недостатки так же ясно, как ты видишь их добродетели.

Если от чужого ты не чувствуешь себя в безопасности, то поскорее постарайся обезопасить себя сообразно [степени] небезопасности. И если подозреваешь кого-либо в дурных замыслах, не будь беспечен, это все равно, что подозревать в питье отраву и все же его пить, это неразумно. Не ослепляйся своими добродетелями. Если сможешь раздобыть себе хлеб неразумием и бесталанностью, будь неразумным и бесталанным. Если же нет научись чему-нибудь. Учиться и слушать добрые речи не стыдись, чтобы потом избавиться от стыда.

Хорошенько приглядись к доброму и злому, недостаткам и добродетелям людским, и установи, откуда их выгода и польза и в чем их доход и убыток, а тогда уже из всего этого ищи свою выгоду. Доискивайся того, какие вещи приближают людей к ущербу, и держись от них подальше, будь поближе к тому, что приближает человека к выгоде. Тело свое покоряй приобретением учености и добродетели. Тому, чего не знаешь, поучись, и это дастся тебе двумя вещами: или применением на деле того, что ты знаешь, или же изучением того, чего не знаешь.

Сократ сказал: «Нет сокровищницы лучше знания, и нет врага хуже дурного человека. Нет почета величавее, чем знание, и нет украшения лучше стыда. И потому, сынок, старайся научиться мудрости. В каком бы положении ты ни был, веди себя так, чтобы не прошло у тебя и часа без приобретения мудрости; ведь мудрости надо учиться и у невежд. Ибо если ты посмотришь на неуча оком сердца и устремишь на него зрение разума, то будешь знать: то, что в нем тебе не нравится, то и не надо делать. Как говорил Искендер: «Я выгоду получаю не только от всех друзей, но даже и от врагов. Если у меня был какой-либо дурной поступок, друзья по снисхождению стремятся его скрыть, чтобы я не знал, а враг по причине вражды говорит, чтобы мне это стало известно. Тогда я это дурное дело от себя удаляю и, следовательно, выгоду эту получаю от врага, не от друга». И ты тоже учись этой мудрости и у невежды, не только у мудреца.

И для всех людей, великих ли, малых ли, обязательно учиться добродетели и знанию, ибо подняться над своими сверстниками можно путем совершенства и добродетелей. Когда ты видишь в себе добродетель, которой в подобных себе не видишь, то всегда считаешь себя выше их и люди тебя признают более высоким, чем твои сверстники, по ценности. А когда разумный человек видит, что его начинают ценить выше сверстников за совершенства и добродетели, он стремится стать еще совершеннее и еще добродетельнее.

Следовательно, когда люди так делают, не долго приходится [ждать], чтобы возвыситься над всем. Искать знания – значит ис-

кать возвышения над сверстниками своими. А отказываться от совершенства и добродетели – признак удовлетворенности неизменяемым положением.

Учиться добродетели и наказывать тело за леность – очень полезно, ибо сказано: «Леность – порча тела». Если тело тебе не повинуется, смотри, как бы не попасть тебе в беду, ибо тело не повинуется тебе от лености и любви к удобству. Ведь движение не есть нечто природное для нашего тела, всякое движение, которое тело совершает, оно совершает по приказу, не по своему желанию, ибо никогда, пока ты не захочешь и не прикажешь, твое тело не пожелает совершить какое-либо действие. Поэтому принуждением сделай свое тело покорным и намеренно приучай его к послушанию. Ведь всякий, кто не сможет покорить свое тело, не сможет покорить себе и тело других людей. И когда ты покоришь себе свое тело, изучением доб-родетели найди благо обоих миров. Ибо благо двух миров в добродетели, а основа всякого блага в знании и образованности, в особенности в обуздании души, смирении и праведности, правдивости, набожности, невинности, терпеливости и стыдливости.

Но хоть в хадисе и сказано насчет стыдливости, что «стыдливость [принадлежит] к вере», все же зачастую стыд приносит людям вред. Не будь настолько стыдливым, чтобы от застенчивости сделать оплошность в своих делах и допустить ущерб своим предприятиям. Очень часто надо поступать бесстыдно, чтобы добиться осуществления цели. Стыдись невоздержанности, ругани и лжи, а [прямой] речи и правильных дел не стыдись, ибо многие от стыдливости не могли добиться своих целей.

Как стыдливость – плод веры, так нищета – плод стыдливости, [потому] нужно знать и то, и другое, когда нужна стыдливость и когда бесстыдство, и поступать так, чтобы приблизиться к благу, ибо сказали: «Предпосылка блага – стыд, предпосылка зла – тоже стыд».

Невежду не считай человеком, а мудрого, но лишенного добродетели, не считай мудрецом, осторожного, но лишенного знаний, не признавай аскетом, а с невеждами не общайся, особенно с теми невеждами, которые себя считают мудрецами и удовлетворены сво-

им невежеством. Общайся только с разумными, ибо от общения с добрыми люди приобретают добрую славу. Разве ты не видишь, что масло, хотя и добывается из кунжута, но если ты смешаешь кунжутное масло с фиалкой или розой, от смешения масла с розой или фиалкой, от благодати общения с добрыми, его уже не называют кунжутным маслом, а маслом розовым или фиалковым.

Не будь неблагодарен за общение с добрыми и [их] добрые дела и не забывай [этого]. Того, кто в тебе нуждается, не отталкивай, ибо от этого отталкивания страдания и нужда [твои] увеличатся. Старайся быть добронравным и человечным, удаляйся от непохвальных нравов и не будь расточителен, ибо плод расточительности – забота, а плод заботы – нужда, а плод нужды – унижение. Старайся, чтобы тебя хвалили разумные, и смотри, чтобы тебя не стали хвалить невежды, ибо тот, кого хвалит чернь, порицается вельможами, как слышал я.

Рассказ. Говорят, что как-то раз Афлатун сидел с вельможами того города. Пришел к нему на поклон какой-то человек, сел и повел разные речи. Посреди речей он сказал: «О мудрец, сегодня я видел такого-то, и говорил он о тебе и прославлял и славословил тебя – Афлатун, мол, очень великий мудрец и никогда не было и не будет ему подобного. Я хотел передать тебе его восхваления».

Мудрец Афлатун, услышав эти слова, поник головой зарыдал и очень опечалился. Этот человек спросил: «О мудрец, какую обиду я тебе причинил, что ты так опечалился?» Мудрец Афлатун ответил: «Ты меня не обидел, о ходжа, но может ли быть бедствие больше того, что меня хвалит невежда и дела мои кажутся ему достойными одобрения? Не знаю я, что за глупость я сделал, которая пришлась ему по нраву и доставила удовольствие так, что он похвалил меня, а то я раскаялся бы в таком поступке. Печаль моя от того, что я еще невежда, ибо те, кого хвалят невежды, сами невежды».

И вспомнился [мне] еще один рассказ в этом смысле.

Рассказ. Слыхал я, что Мухаммед Закарийя ар-Рази шел со своими учениками. Повстречался ему бесноватый, ни на кого не посмотрел, кроме Мухаммеда Закарийя, но к нему пригляделся и

рассмеялся ему в лицо. Мухаммед повернул назад, пошел домой, приказал сварить тимьяна* и съел. Ученики спросили: «О каким, почему ты ел это варево в это время?» Ответил: «По причине смеха того бесноватого, ибо если бы он в черной немочи своей, кроме нее, ничего во мне не увидел, он не посмеялся бы надо мной, ибо говорят, каждая птица летает с той, которая подобна ей по облику».

А затем не приучайся к резкости и пылкости и сохраняй кротость. Но все же не будь таким мягким, чтобы тебя по сладости и мягкости могли проглотить, но и не будь столь грубым, чтобы до тебя не касались рукой. Со всеми будь в ладу, ибо путем слаженности можно добиться осуществления желания и от друга, и от врага. Никого не учи злым делам, ибо учить злу все равно, что делать зло. Если тебя даже безвинно кто-либо обидит, ты старайся его не обижать, ибо дом незлобивости [стоит] на улице человечности, и говорят, что основа человечности в том, чтобы не обижать.

А затем поступай с людьми хорошо, ибо люди должны глядеть в зеркало; если вид его [лица] хорош, то надлежит, чтобы и поведение его было подобно виду его, ибо безобразие красивому не идет, и нельзя, чтобы из пшеницы рос ячмень, а из ячменя пшеница. И в этом смысле у меня есть четверостишие:

Мне, о кумир, ты подносишь зло,
Отчего ты от меня надеешься на добро?
Ступай, ступай, душа [моя], ты заблуждаешься!
Нельзя жать пшеницу, коли сеешь ячмень...

Но если взглянешь в зеркало и увидишь, что лицо твое безобразно, все равно надлежит творить добро, ибо, если ты будешь делать зло, ко злу прибавишь зло, а это очень нехорошо и безобразно – два безобразия вместе.

От искренних, слушающих советы и испытанных друзей выслушивай [и сам] советы и с советниками своими всегда совещайся наедине, ибо польза тебе от них будет [именно] наедине, и когда прочтешь слова, что я помянул, и будешь знать [их], то возгордишься своим совершенством. Но не полагайся на свои совершенства и добродетели, не давай себя этим опутать. Когда все изучишь и узна-

ешь, причисли себя к невеждам, ибо мудрецом будешь тогда, когда познаешь свою невежественность.

Так рассказывают.

Рассказ. Слыхал я, что во времена Хосрова при везире Бузурджмихр хакиме приехал посол из Рума. Кисра сел [на трон], как было принято у царей персидских, и дал послу прием. И должен он был дать послу приемную грамоту через Бузурджмихра, т. е. что есть у меня такой везир. Сказал он перед послом Бузурджмихру: «О такой-то, ты знаешь все, что есть в мире...», и хотел, чтобы тот ответил: «Знаю», но Бузурджмихр сказал: «Нет, о господин». Хосров от этого расстроился и устыдился посла. Спросил: «Кто же знает все?» Ответил: «Все знает совокупность [всех людей], а совокупность еще не родилась от матери».

Потому, сын мой, не причисляй себя к более мудрым, ибо, когда ты признаешь себя невеждой, тогда станешь мудрецом, ведь очень мудр тот, кто знает, что он невежда.

Сократ, при всем своем величии, сказал: «Если бы не боялся я, что после меня великие люди и мудрецы попрекнут меня, скажут, что Сократ притязал на всю мудрость мира сразу, то я утверждал бы, что ничего не знаю и бессилен, но нельзя [этого] сказать, так как это было бы большое притязание с моей стороны».

Абу-Шукур Балхи восхваляет себя за мудрость в одном бейте, и бейт этот таков:

Достигло знание мое того, что знаю я, что я невежда.

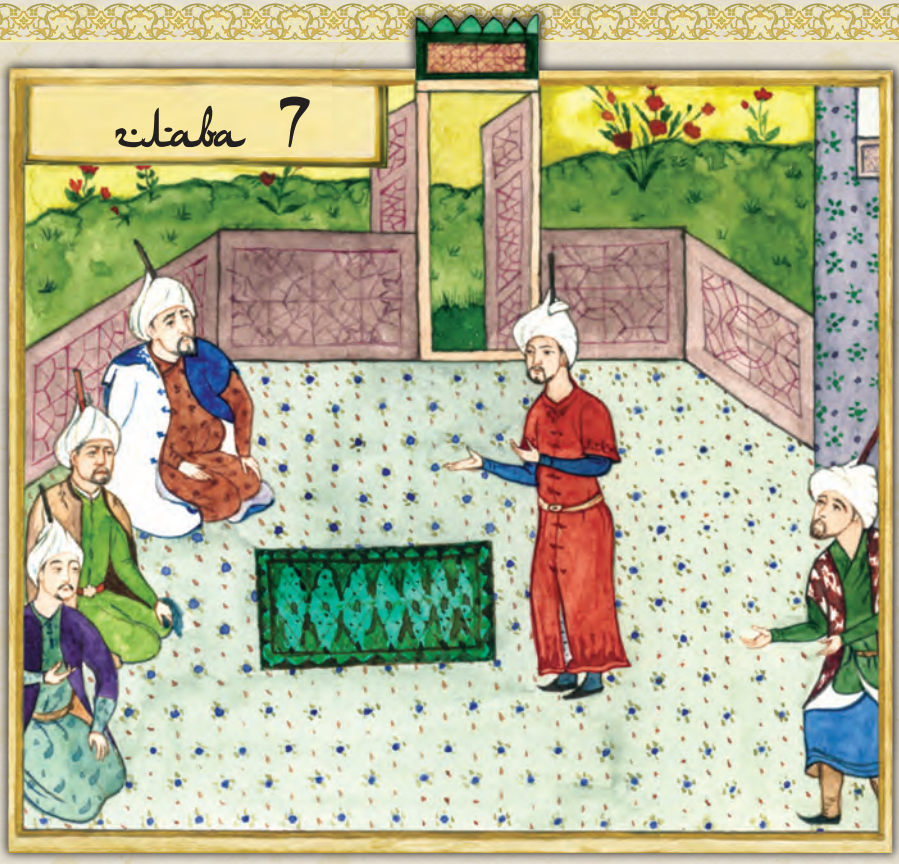
Потому-то, мой сын, не ослепляйся своим знанием и если встретится тебе дело, то, хотя бы были у тебя способности разрешать его, ты в мнении своем не упорствуй. Всякий, кто упорствует в своем мнении, всегда пожалеет об этом. И советоваться позором не считай советуйся с мудрыми старцами и искренними друзьями. Ведь Мухаммеду, избраннику, при [его] мудрости и пророческом даре, хотя учителем и устроителем дел его был [сам] господь всевышний, все же [Аллах] на это не дал согласия и сказал: «И совещайся с ними в деле», сказал: «О Мухаммед, с этими избранными и друзьями своими советуйся, ибо замыслы от вас, а одоление от меня, господа [твоего]».

И знай, что мнение двух человек – не то, что мнение одного, ибо нельзя увидеть одним глазом то, что [видно] двум глазам. Разве ты не видишь, что врач, когда заболеет и болезнь его станет сильной и трудной, не прибегает к собственному лечению. Он приводит другого врача и, расспросив его, лечит себя, если даже он очень мудрый врач.

И если встретится у ближнего твоего дело, ты во что бы то ни стало старайся, пока есть у тебя душа, не жалей ни труда тела, ни денег своих, даже если бы это был враг и завистник твой. Ибо, если он не останется [без помощи] в этом деле, то что ты ему помог, умножит любовь его, и, может быть, станет тот враг другом.

А людей, слагающих слова и красноречивых, которые приходят к тебе на салам, уважай и будь к ним милостив, чтобы они жаднее стремились к тебе на салам. Самый жалкий из людей тот, к кому на салам не идут, если бы он даже был совершенен по знаниям.

И с красноречивыми людьми длинно не разглагольствуй, ибо многословие людям не идет. Ведь ученый человек, если он многоречив, то ученость его не похожа на ученость, а в словах его нет блеска. Итак, знай, каковы условия произнесения речи и в чем они, и да поможет тебе Аллах.



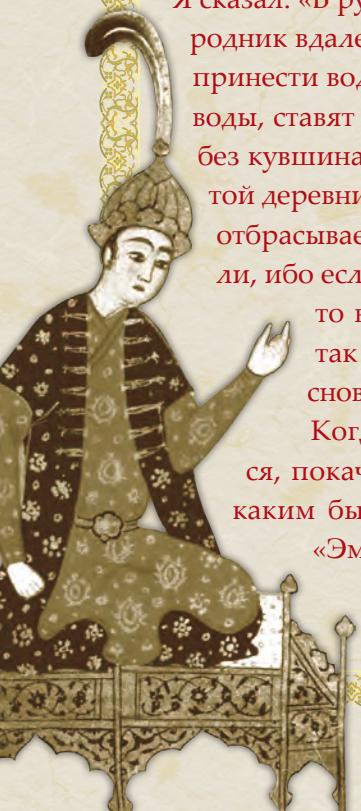
О стремлении к умножению красноречия

О сын, нужно, чтобы люди были красноречивы и умели говорить, а от злых [людей] слова оберегали. Но ты, сын мой, говори правдивые речи, лжецом не будь и стань известным правдивостью, чтобы, если в случае необходимости от тебя услышат ложь, приняли [и поверили]. Все, что говоришь, говори правдиво, но похожей на ложь правды не говори, ибо ложь, похожая на правду, лучше, чем правда, похожая на ложь, ибо та ложь приемлема, а та правда – неприемлема. Потому остерегайся говорить неприемлемую правду, что-

бы не случилось так, как было у меня с эмиром Бус-Суваром Гази Шапур ибн Фазлем*, да помилует его Аллах.

Рассказ. Знай, сын мой, что я во время эмира Бус-Сувара в тот год, когда вернулся из хаджа, пошел на священную войну в Гянджу. Ибо я много ходил на священную войну в Индию и хотел, чтобы осуществилась и священная война в Руме. А эмир Бус-Сувар был царь великий, и муж стойкий, разумный и красноречивый, и ученый, чистый верой и предусмотрительный, какими бывают правоверные цари. Был он всегда серьезен, без шуток.

Когда он увидел меня, почтил он меня весьма и вступил в беседу, и говорил обо всем, а я слушал и давал ответ. Слова мои пришлись ему по нраву, осыпал он меня многими щедротами и не позволил уехать обратно. Столько милостей оказал мне, что и я склонился сердцем и несколько лет оставался в Гяндже. Постоянно бывал я на маджлисах его за едой и вином, и он расспрашивал меня обо всяких вещах и о положении древних царей мира спрашивал. Как-то раз зашла речь о нашей области и говорили о диковинах разных стран. Я сказал: «В рустаке Гурган есть деревня у подножия горы. Там есть родник вдалеке от деревни и женщины собираются вместе, чтобы принести воды. Каждая [идет] с кувшином, берут из того родника воды, ставят кувшин на голову и возвращаются. Одна из них идет без кувшина [перед ними] и смотрит на дорогу. И есть на землях той деревни зеленый червь. Где бы она ни увидела того червя, она отбрасывает его в сторону, чтобы женщины на него не наступили, ибо если одна из них наступит на того червя и червь сдохнет, то вода, которая у них в кувшине, тотчас же протухнет, так что придется вылить, возвратиться, вымыть кувшин и снова набрать воды».



Когда я сказал эти слова, эмир Бус-Сувар нахмурился, покачал головой и несколько дней был ко мне не таким, каким был до того, пока Пирузан Дейлеми не сказал [мне]: «Эмир жаловался на тебя, говорил, что такой-то – человек уравновешенный, зачем ему было говорить мне такие слова, как малым детям; такому человеку пе-

ред таким, как я, зачем лгать?» Я тотчас выслал гонца из Гянджи в Гурган и приказал составить свидетельские показания, удостоверенные кази, раисом, хатибом и всеми верными людьми, улемами, вельможами Гургана, о том, что деревня эта стоит на своем месте и с червем дело обстоит именно так. И в четыре месяца справил я это дело и положил показания перед эмиром Бус-Суваром. Увидел он, прочитал, улыбнулся и сказал: «Я и сам знаю, что от такого, как ты, лжи не быть, особенно передо мной. Но зачем говорить такую правду, что нужно потратить четыре месяца времени и показания [собрать] и свидетельство двухсот верных людей, чтобы этой правде твоей поверили?»

Знай же, что речь бывает четырех видов: то, что не следует знать и не следует говорить; то, что следует знать и говорить; то, что надо говорить, но не знать; и то, что надо знать, но не говорить.

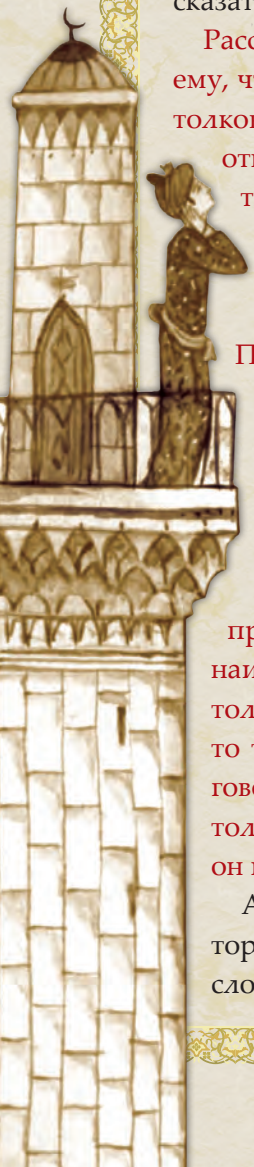
Не говорить и не знать надо слов, приносящих ущерб вере. То, что надо говорить, но не надо знать, – слова, которые есть в книге господа всевышнего и известиях о пророке, мир над ним, и в книгах ученых и богословских, ибо толкование [этих слов] – подражание, а без надлежащего глубокого понимания [в них] противоречия и трудности, подобно одному виду ниспослания [откровения] и тому подобное. Потому, если кто-либо привяжется сердцем к глубокому толкованию их, господь всевышний взыщет с него за это.

То, что нужно и знать, и говорить, – слова, с которыми связано благо веры и мира, и которые полезны в обоих мирах. От произнесения и слушания их польза и говорящему, и слушающему.

То, что нужно знать, но не говорить, подобно тому, когда тебе известен порок какого-либо вельможи или друга так, что путем ли рассуждения, или по сравнению с мирскими делами тебе покажется, что оно не совместимо с шариатом. Если скажешь – или добьешься гнева того вельможи, или вреда тому другу, или будет для тебя опасность смуты и волнения черни. Потому эти слова нужно знать, но не говорить.

Но из этих четырех видов речей, о которых я сказал, лучший тот, который нужно и знать, и говорить. У каждого

из этих четырех видов речей две стороны: одна прекрасная, другая безобразная. Слова, которые говоришь перед людьми, говори как можно лучше, чтобы они были приемлемы и люди познали свое достоинство, ведь великих и мудрых [людей] узнают по речам, а не речи по людям, ибо люди скрыты под своими речами. Как говорит повелитель правоверных Али, да возрадуется ему Аллах: «Муж сокрыт под языком его». Бывают слова, которые говорят в таких выражениях, что от них освежается душа, но те же слова можно сказать и в других выражениях так, что душа от них помутится.



Рассказ. Слыхал я, что Харун ар-Рашид* видел сон, и приснилось ему, что все зубы выпали у него изо рта сразу. Наутро приз-вал он толкователя и спросил: «Каково толкование этого сна?» Толкователь ответил: «Да продлится жизнь повелителя правоверных! Вся твоя родня умрет прежде тебя, так что никого не останется». Харун ар-Рашид сказал: «Дайте этому толкователю сто палок, зачем он мне в лицо сказал такие горестные слова. Если все мои родные умрут прежде меня, я-то тогда кем буду?» Приказал он призвать другого толкователя и рассказал ему этот сон. Толкователь сказал: «Сон, который видел повелитель правоверных, означает, что повелитель правоверных будет долговечнее всей родни своей». Харун ар-Рашид сказал: «Указания разума едины». Толкование от того [прежнего] не отошло, но выражение [от тех выражений] сильно отличается. Этому человеку он пожаловал сто динаров. ...надо соблюдать правильное выражение слов и что бы ни сказал, говорить наилучшим образом, чтобы быть и красноречивым, и знающим толк в словах. А если ты слова говоришь и их не понимаешь, то ты что та птица, которую называют попугаем, он ведь тоже говорящий, а слов не понимает. А красноречивый и знающий толк в словах тот, кто, что бы он ни сказал, сразу станет ясно, что он из мудрых людей. Если же это не так, он скотина, не человек.

А слово цени, ведь с небес пришло слово. И всякое слово, о котором знаешь, что оно к месту, того слова не жалей, а не к месту слов не трать, чтобы не чинить насилия над мудростью. И что бы

ты ни говорил, говори правду – бессмысленных притязаний не делай. Во всех притязаниях доказательство считай меньшим, а притязания большим. Наукой, которой не знаешь, не похваляйся и хлеба от нее не ищи, ибо от той науки и того минбара* цели своей не добьешься, а добьешься от той науки, которую знаешь; с тем же, чего не знаешь, ничего не добьешься.

Рассказ. Слыхал я, что в дни Хосрова пришла к Бузурджмихру женщина и спросила его о чем-то. Случайно в то время Бузурджмихру было не до того. Сказал он: «О женщина, того, о чем ты спрашиваешь, я не знаю». Женщина воскликнула: «Если ты этого не знаешь, чего же ты зря пользуешься милостями нашего господина?»

Бузурджмихр ответил: «За то, что я знаю, и падишах мне дает кое-что, а за то, чего не знаю, ничего не дает. Если же не веришь, пойдем, спроси у самого царя, дает ли он мне что-нибудь за то, чего я не знаю или нет».

Но в делах не превышай меры и считай неумеренность вредной. Во всяком деле держись середины, ибо господин шариата нашего сказал: «Лучшее из дел – среднее из них».

В речах и выполнении дела придерживайся медлительности. Если тебя будут порицать за медлительность и неторопливость, я это предпочту тому, чтобы тебя хвалили за легкомыслие и поспешность.

Не склоняйся узнать тайну, не имеющую отношения к добру и злу твоему, и не доверяй тайны никому, кроме себя [самого]. Хотя бы внутренняя сторона слова и была доброй, с внешней заподозрят ее в безобразности, ибо люди большей частью подозревают друг друга в злых делах. Во всяком деле слово, заботу и положение соразмеряй со средствами, и что бы ты ни говорил, говори так, чтобы засвидетельствовали правдивость твоих слов.

Хотя бы среди красноречивых людей считали тебя верным человеком, но если не хочешь пострадать, ни в каком деле свидетелем не будь. Если же будешь, то, давая свидетельство, остерегайся, и когда будешь давать показания, не давай их пристрастно.

Всякое слово, которое скажут, слушай, но следовать ему не спеши. Все, что говоришь, говори обдуманно и обдумывание предпосылай своей речи, чтобы не пожалеть о сказанном, ибо предусмотрительность – другая сторона дельности.

Без скуки слушай любое слово, полезно ли оно тебе или нет, дабы врата славы пред тобой не закрылись и польза речи от тебя не ускользнула. Не будь холодным в речах, ибо холодное слово – подобно семени, из которого вырастает вражда. Если бы даже был ты мудрецом, считай себя невеждой, чтобы раскрылись пред тобой врата поучения. Никакой речи не прерывай и не перебивай, чтобы сначала тебе стали ясны недостатки и достоинства речи. [Сам] речи веди, как подобает, с вельможами как с вельможами, с простыми людьми как с простыми, дабы не выйти за пределы мудрости и не стать докукой для слушателя, за исключением того случая, когда речей твоих хотят для доказательства и обоснований. И если где-нибудь от тебя хотят доказательства речей твоих, говори сообразно желанию их, дабы благополучно выйти из их среды.

Если ты даже красноречив, показывай это меньше, чем можешь, чтобы не оказаться немым [не попасть впросак] посреди речи. Будь многознающим, но малоговорящим, а не малознающим, но многоговорящим, ибо сказано: «Молчание – та же безопасность, а многословие – то же неразумие, ибо многословного человека, хотя он и был разумным, люди причисляют к неразумным, а неразумный человек, если он только молчит, люди считают, что молчание его проистекает от ума». Даже если бы ты был очень чистым и праведным, себя не превозноси, ибо твое свидетельство в свою пользу никто не послушает, старайся [лучше], чтобы [другие] люди тебя хвалили, а не сам ты себя. Если бы ты даже и много знал, говори только то, что нужно, чтобы это слово твое не принесло тебе беды, как случилось с неким алидом из Зангана.

Рассказ. Слышал я, что во времена Сахиба* был один старик в Зангане, законовед и уважаемый человек из сподвижников [имама] Шафии, да помилует его Аллах. Был он муфти*, проповедником и

сборщиком зяката в Зангане. И был один юноша, алид, сын раиса Зангана, тоже законовед и проповедник. Постоянно эти двое разоблачали друг друга и корили друг друга с минбара.

Этот алид как-то раз обозвал с минбара того старца неверным. Сообщили об этом шейху, он тоже обозвал с кафедры того алида незаконнорожденным. Об этом сообщили алиду, он сильно расстроился. Тотчас поднялся он, отправился в город Рей и пожаловался Сахибу на того старца. Он плакал и говорил: «Не подобает, чтобы в твое время кто-либо обзывал потомка пророка незаконнорожденным».

Сахиб разгневался на старца, послал гонца, старца привели в Рей, и Сахиб сел разбирать жалобу с законоведами и сеидами. Приказал привести старца и сказал: «Шейх, ты муж из числа шафиитских имамов [да помилует его Аллах], человек ты ученый, стоишь на краю могилы. Годится ли, чтобы ты обзывал потомка пророка незаконнорожденным? Теперь доложи истинность того, что ты сказал, если же не сможешь, я тебя покараю самой сильной карой, как это положено и по шариату, чтобы люди поучились на твоем примере и никто не смел поступать так невоспитанно и непочтительно».

Старец сказал: «Свидетель правильности моих слов – сам же этот алид, не ищи против него свидетеля лучше его самого.

По моим словам, он законнорожденный и чист, по собственным его словам – незаконнорожденный». Сахиб спросил: «Чем докажешь?» Старец ответил: «Весь Занган знает, что брак его отца с его матерью скрепил я, а он на кафедре назвал меня неверным. Если он эти слова сказал по убеждению, то брак, скрепленный неверным, – недействителен, тогда он, по его же собственным словам, незаконнорожденный. Если же он сказал это не по убеждению, он лжец и необходима ему кара». Потом старец добавил: «Как бы там ни было, или он лжец, или незаконнорожденный, а потомок пророка лжецом быть не может, зовите же его, как хотите!»

Тогда алид очень устыдился и никакого ответа не нашел. Сказал он эти слова необдуманно, вот и стали они ему бедой.

Потому-то, о сын, будь красноречивым, но не пустословом, ибо пустословие – то же безумие. С кем бы ни говорил, смотри, покупатель ли он твоих речей или нет. Если увидишь, что охотно покупает, продавай, если же нет, оставь эти речи и говори то, что может ему прийтись по нраву, дабы стал он твоим покупателем.

Однако с людьми веди себя по-людски, с человеком – по-человечески, ибо одно дело – люди, другое – человек. И всякий, кто проснулся от сна пренебрежения, будет жить с людьми так, как сказал я.

Пока можешь, не отвращайся от того, чтобы послушать, ибо люди приобретают дар речи путем слушания речей. А доказательство этому то, что, если удалят ребенка от матери и снесут в подземелье, и будут кормить молоком, и там же воспитывать и ни мать, ни кормилица не будут с ним говорить и ласкать его, и он ничьих речей не услышит, то вырастет он немым. И когда с течением времени послушает и научится, приобретет дар речи.

Другое доказательство: всякий, кто рождается от матери глухим, бывает немым. Разве ты не видишь, что немые глухи? Потому-то слушай речи, запоминай и принимай, особенно назидательные речи из изречений правителей и мудрецов. Говорят: «Выслушивание советов мудрецов и правителей увеличивает силу очей разума, ибо сурьма и тутия* для глаз разума – мудрость». Потому-то все, что я сказал, надо слушать ушами сердца и верить этому.

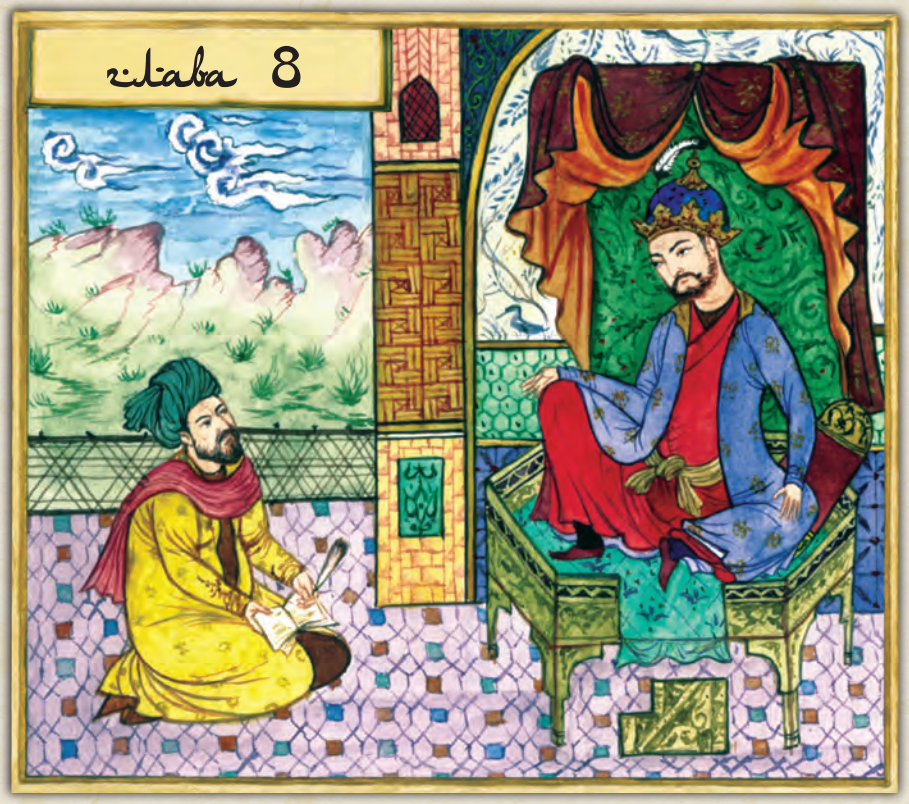
Из таких речей в это время вспомнилось мне несколько хороших слов и редкостных речей, передаваемых от Нуширавана Справедливого*, шахиншаха персов, и помянул я их в этой книге, чтобы и ты прочитал и знал, и запомнил, и следовал им. А следовать этим речам и советам того государя для нас особенно необходимо, ибо мы – из рода тех падишахов.

И знай, что так я читал в известиях про древних халифов, что халиф Мамун*, да помилует его Аллах, поехал на гробницу Нуширавана. Там, где была его дахма*, нашел он его останки на прогнившем троне, обратившимися в прах.

На стене дахмы было написано золотом несколько слов на языке пехлеви. Мамун приказал вызвать переводчиков с пехлеви. Над-

пись эту прочитали и перевели на арабский, и этот арабский [перевод] стал среди арабов известен. Прежде всего было сказано: «Пока я жив был, все рабы Аллаха имели удел от моей справедливости и никто ко мне не приходил, не получив удела от моего милосердия. Теперь, когда настало время бессилия, не нашел я другого выхода кроме того, чтобы написать эти слова на стене с тем, что, если кто-нибудь когда-нибудь придет ко мне на поклон, прочитает он эти слова и будет знать их, и тогда и он не окажется лишенным доли от меня, и будут эти слова и речи мои наградой за труды тому человеку».

Вот, что он написал, а вспомоществование от Аллаха.



С упоминанием советов Нуширавана Справедливого

Сначала он сказал: «Пока день и ночь приходят и уходят, превратности судеб не дивись».

И сказал: «Почему людям раскаиваться в деле, в котором они уже один раз раскаялись?»

Сказал: «Почему спит спокойно тот, кто знаком с падишахом?»

Сказал: «Почему считает себя живым тот, жизнь которого сложилась не по его желанию?»

Потом сказал: «Того, кто без вины [с твоей стороны] скажет о тебе дурное, скорее прости, чем того, кто тебе об этом донесет».

Потом сказал: «Тому, кто выслушивает направленные к нему соболезнования, не будет столько докуки, как тому, кто слушает без пользы».

Потом сказал: «По сравнению с человеком, потерпевшим большие убытки, несущим еще большие убытки считай того, у кого зрение глаза с ущербом».

Потом сказал: «Всякого раба, которого покупают и продают, считай более свободным, чем того, кто раб своей глотки».

Потом сказал: «Как бы человек ни был учен, но если наградой [за] это ему не будет разум, знания его – беда для него».

Потом сказал: «Кого время не обучило, на обучение того никому не надо тратить усилий, ибо усилия эти пропадут понапрасну».

Потом сказал: «Уберечь все от невежды легче, чем его самого от него же самого».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы люди о тебе хорошо говорили, говори сам хорошо о людях».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы твои труды для людей не пропали напрасно, смотри, чтобы труды людей для тебя напрасно не пропадали».

Потом сказал: «Если не хочешь иметь мало друзей, не питай вражды».

Потом сказал: «Если не хочешь быть крайне опечаленным, не будь завистливым».

И еще сказал: «Если хочешь избежать обиды, не гони то, что не идет».

Потом сказал: «Если ты хочешь провести жизнь легко, приноравливай свое поведение к делу».

Потом сказал: «Если ты не хочешь, чтобы тебя считали безумцем, не ищи того, что нельзя найти».

Потом сказал: «Если не хочешь обмануться, не считай несделанное дело сделанным».

И еще сказал: «Если ты не хочешь, чтобы твои тайны разгласили, не разглашай чужих тайн».

Потом сказал: «Если не хочешь, чтобы у тебя за спиной смеялись, будь милостив к подчиненным».

И еще сказал: «Если хочешь избежать длительного раскаяния, не поступай по желаниям сердца».

Потом сказал: «Если хочешь быть проницательным, разгляди свое лицо в зеркале чужих».

Потом сказал: «Если хочешь не знать страха, не чини зла».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы тебя ценили по заслугам, сам цени других людей».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы душа следовала твоим словам, следуй своим словам сам».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы люди тебя одобряли, умному человеку своей тайны не открывай».

Потом сказал: «Если хочешь возвыситься над людьми, будь хлебосолен».

Потом сказал: «Почему ты не назовешь врагом человека, который видит свою доблесть в причинении обиды людям?»

Потом сказал: «Почему ты зовешь другом того, кто враждует с твоими друзьями?»

Потом сказал: «С людьми бесталанными не дружи, бесталанные люди ни в друзья не годятся, ни во враги».

Потом сказал: «Берегись невежды, который себя считает ученым».

Потом сказал: «Будь справедлив сам, чтобы не нуждаться в справедливом судье».

Потом сказал: «Хоть истина и горька, а слушать ее надо».

Потом сказал: «Если не хочешь, чтобы твою тайну узнал враг, не доверяй ее другу».

Потом сказал: «Не замечай мелочи и не говори громких слов».

Потом сказал: «Людей, лишенных достоинств, не считай живыми».

Потом сказал: «Если хочешь без труда стать богатым, будь нетребователен».

Потом сказал: «Не покупай понапрасну, чтобы не пришлось продавать понапрасну».

Потом сказал: «Лучше смерть, чем нужда в помощи равных себе».

Потом сказал: «Лучше умереть от голода, чем насыщаться хлебом, добытым в унижении».

Потом сказал: «Во всяком предположении, которое у тебя возникает, на недостойных доверия не полагайся, а от достойных доверия доверия не отнимай».

Потом сказал: «Нуждаться в том, кто ниже тебя, – великое бедствие, ибо лучше умереть в воде, чем просить пощады у лягушки».

Потом сказал: «Развратник, но скромный, довольствующийся только этим миром, – лучше, чем набожный человек, заносчивый и ищущий того мира».

Потом сказал: «Нет глупее тех людей, которые на человека, от ничтожества добравшегося до величия, по-прежнему смотрят как на ничтожного».

Потом сказал: «Нет хуже того стыда, как настаивать на чем-нибудь, чего не знаешь, и потом оказаться лжецом».

Потом сказал: «Нет человека, более обманувшегося, чем тот, кто найденное отдает за ненайденное».

Потом сказал: «Нет в мире подлее того человека, к которому у кого-нибудь есть нужда, если он может ее выполнить и все же не выполняет».

Потом сказал: «Если хочешь считаться справедливым, старайся насколько можешь, чтобы подданным твоим жилось хорошо».

Потом сказал: «Если хочешь считаться благородным, не допускай к себе алчности и не давай ей места в сердце».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы на тебя не пало порицание простых людей, хвали их дела».

Потом сказал: «Если хочешь быть любимцем всех сердец и не вызывать ни у кого неприязни, говори так, как другим этого хочется».

Потом сказал: «Если хочешь быть лучшим и наиболее достойным похвалы у всех людей, не одобряй для других того, чего не одобряешь для себя».

Потом сказал: «Если хочешь быть лучшим из людей, ничего для них не жалей».

Потом сказал: «Если хочешь, чтобы язык твой был длинным, пусть руки твои будут короткими».

Вот это и есть речи и советы Нуширавана Справедливого. Когда прочтешь их, о сын, не относись с презрением, ибо от этих слов исходит аромат мудрости, а также и аромат шахства. Ибо ведь это речи мудрецов и, в то же время, речи падишахов. Все их уясни себе и теперь же заучи, пока молод, ибо, когда состаришься, не будешь заниматься слушанием, так как старики знают то, чего молодость не знает, а Аллах лучше ведает правильный путь.

О распорядке [дней] в старости и юности

О сын, хоть ты и молод, а будь старцем по разуму! Не говорю я, что не поступай, как юноша, но будь юношей сдержанным и не принадлежи к числу юношей увядших. Хорош проворный и ловкий юноша. Как сказал мудрец Аристотель: «Юность некий вид безумия». И не будь из числа неразумных юношей, ибо от проворства беды не бывает, а от неразумия беда бывает. Пользуйся юностью, насколько можешь, когда состаришься, этого уже не сможешь.

Как сказал тот старец: «Сколько лет я понапрасну горевал о том, что когда состарюсь я, красавицы меня не захотят. Теперь, когда я состарился, я и сам их не хочу».

Великий Аллах, в юности и в дни страсти
День и ночь была у меня только одна забота,
Что в старости я никому не буду нужен.
А состарился я, и самому мне [уже] никто не нужен.

Но хоть ты и молод, а господа всевышнего не забывай никогда и от смерти себя в безопасности не считай, ибо смерть зависит не от старости и не от молодости. Как сказал Асджади*:

Если бы смерть зависела от старости и юности,
Старец умирал бы, юноша жил.

И знай, что кто рождается, тот несомненно и умрет. Как я слышал.

Рассказ. Был в одном городе портной. Мастерская у него была у самых ворот города возле кладбища. Он повесил кувшин на гвоздь, и была у него такая привычка, что всякий раз, когда из ворот города выносили покойника, он бросал в тот кувшин камень.

Каждый месяц он подсчитывал эти камни, сколько человек вынесли, и опустошал кувшин, а затем снова бросал камни. Прошло некоторое время и сам портной помер. Пришел к портному человек, который не слыхал про его смерть. Увидел он, что двери его мастерской заперты, и спросил у его соседа: «Где же это портной, что его нет?» Сосед ответил: «Портной тоже попал в кувшин».

Но, о сын, будь трезв и молодостью не обольщайся. И в покорности и в непокорности, в каком бы ты состоянии ни был, бойся господа всевышнего, проси у него прощения и страшись смерти, чтобы не упасть, как тот портной, внезапно в кувшин вместе с бременем прегрешений.

И не водись только с одними юношами, общайся также и со стариками и товарищей и собеседников имей смешанных, и старых, и молодых. Потому что, если юноша в юности сделает что-либо ненадлежащее, старец воспрепятствует ему делать это ненадлежащее, ибо старцы знают многое, чего юноши не знают.

Хотя и есть такой обычай у юношей измываться над стариками из-за того, что те нуждаются в молодости, но не подобает юношам по

этой причине величаться над стариками и не уважать их, ибо если старики жаждут молодости, то юноши тоже несомненно жаждут старости. Старец-то своего желания добился и плоды его пожал, а юноше хуже: может быть, он добьется этого желания, а может быть и нет. А как хорошенько поглядишь, оба друг другом довольны.

Хотя юноша себя и считает самым ученым из всех людей, но ты из числа таких юношей не будь, стариков уважай, им лишнего не говори, ибо, если грубить старикам, отвечать придется.

Рассказ. Слышал я, что был один столетний старец. Согнулся он пополам и шел, опираясь на посох. Юноша в насмешку сказал ему: «Эй, шейх, за сколько ты этот лук купил, я себе тоже такой куплю». Старик ответил: «Если доживешь да подождешь, так и даром тебе подарят».

Хотя бы ты был достойным и искусным, но с легкомысленными стариками не водись, ибо общество рассудительных юношей лучше, чем общество легкомысленных стариков.

Пока ты молод, будь молод, а когда состаришься, веди себя как старик. Как я говорю об этом в дубейте*:

Я сказал: закрой двери дома на цепь,
Посиди со мной, повластвуй над моим сердцем.
Она ответила: сделай свои седины черными, как смоль,
Зачем терзаешься страстью, раз состарился,
то и будь стариком!

В старости не годится вести себя как юноша, как и юношам стареть не подходит. Молодиться в старости – это трубить в рог во время бегства. Как я сказал в книге «Зухдийят»:

Словно трубить в рог во время бегства,
Когда человек молодится в старые годы.

И не кокетничай, ибо сказано, что кокетливый старик бывает хуже, остерегайся кокетливых и нечистых стариков. И к старости будь справедливее, чем к молодости, ибо у юношей есть надежда на старость, а у стариков нет иной надежды, кроме смерти, и трудно ему на что-либо иное надеяться. Ибо если пшеница созрела, если не снимут, она осыплется, как и плод, когда созреет, если не сорвут, сам опадет. Как я сказал:

Если поставишь ты подножие своего трона на луну,
Если будешь, как Сулейман, по мощи и счастью,
Когда созреет твоя жизнь, соберешь ты пожитки,
Ибо созревший плод опадает с дерева.

И повелитель правоверных Али тоже сказал, да благословит его Аллах:

Когда кончилось дело, приблизился недостаток его,
Ожидай убыли, когда скажут: кончено.

И знай, что не позволят тебе [далее] существовать, когда чувства твои сдадут в работе и врата зрения, и речи, и слуха, и обоняния, осязания и вкуса перед тобой закроются. Ни ты [тогда] не будешь рад своей жизни, ни другие люди твоей жизни, и станешь ты для людей бременем. И вот смерть лучше такой жизни.

Но когда состаришься, удаляйся от юношеских нелепостей, ибо чем ближе смерть, тем больше нужно удаляться от юношеских нелепостей. Ведь жизнь человеческая подобна солнцу: солнце юношей на восточном горизонте, а солнце стариков на горизонте западном, и знай, что солнце, которое находится на западном горизонте, уже садится. Как я говорю:

Властитель мира, ослабев в руках старости,
Подумай об уходе, ибо, когда исполнилось шестьдесят,
День твой вступил в другую молитву, а всегда,
Когда пришла «другая молитва», скоро придет и ночь.

И потому-то старик по уму и делам не должен уподобляться юношам. И к старикам всегда будь сострадателен, ибо старость – болезнь, при которой никто не приходит навестить больного, старость – недуг, лекарство для которого не уготовит ни один врач, кроме смерти, ибо от мук старости не найдет старик успокоения, пока не умрет. Каждый день можно надеяться на улучшение, только не в болезни старости, там каждый день все хуже и надежды на улучшение не бывает, ибо я читал в одной книге, что человек до тридцати четырех лет каждый день прибывает в силе и сложении, после тридцати четырех до сорока остается при том же [уровне], не увеличиваясь и не уменьшаясь, как солнце, которое, дойдя до середины неба, замед-

ляет ход, пока не начнет склоняться. От сорока лет до пятидесяти каждый год видит он у себя недостаток, которого прошлый год не видел, а от пятидесяти до шестидесяти каждый месяц видит в себе недостаток, который прошлый месяц не видел, а от шестидесяти до семидесяти каждую неделю видит у себя недостаток, который неделей раньше не видел, а от семидесяти до восьмидесяти каждый день видит недостаток, который вчера не видел.

Если же он и за восемьдесят переживет, то каждый час будет видеть в себе недостаток, боль, страдание, которого часом ранее не видел. И предел жизни – сорок лет, как лестница в сорок ступенек, дальше идти пути не найдешь, как поднялся, так, конечно, придется и спускаться, и с той стороны, с которой поднялся, с той придется и спускаться. Доволен же человек, когда каждый час постигает его новая боль и новое страдание, которого часом ранее не было! И вот, о сын, затянул я перед тобой эту жалобу на старость, так как сильно на нее жалуется человек, и не диво это, ведь старость – враг, а на врага всегда жалобы. Как я сказал:

Если жалуюсь я на нее, не дивись на меня,
Ибо это беда моя, а от беды и жалоба.
А ты, сынок, для меня милее всех,
Жалуются же на врагов друзьям.

Надеюсь я на Аллаха всевышнего, что эти жалобы от тебя услышат дети твоих детей. И по этому поводу есть у меня дубейт:

Ох, кому мне пожаловаться на старость,
Ведь от этой болезни нет у меня другого лекарства, кроме тебя.
Иди же, старик, пожалуюсь я хоть тебе,
Ибо юноши об этом ничего не ведают.

О том, что страдания старости никто не знает лучше стариков, [есть такой] рассказ. Был среди хаджибов* моего отца один хаджиб. Звали его хаджиб Камиль. Был он старик, переваливший за восемьдесят. Захотел он купить лошадь. Объездчик привел ему коня, жирного, хорошей масти, крепкого на ноги. Хаджиб посмотрел коня, одобрил и предложил даже цену, но посмотрел зубы, [видит] лошадь – старая и не купил. Купил кто-то другой. Я ему сказал: «О хаджиб, почему ты

не купил этого коня, которого купил другой?» Ответил: «Он человек молодой, про недуги старости ничего не знает, а лошадь на вид величава. Если он этим пленился, это понятно, но я о страданиях и бедах старости осведомлен, и о слабостях и горестях ее хорошо знаю. Меня нельзя было бы простить, если бы я купил старого коня».

Но, сынок, старайся в старости поселиться в одном месте, ибо путешествовать в старости – неразумно, особенно же человеку неимущему, ведь старость – враг, да и нужда – враг. Потому не путешествуй с двумя врагами, этим ты удалишься от мудрости. Но если придется по случайности ли или по необходимости пуститься в путь, если Аллах всевышний смилуется над тобой на чужбине и даст тебе добрый путь, лучше чем было бы дома, то не тоскуй по своему дому и не стремись на Родину. Там, где ты увидишь, дела твои идут хорошо, там же и оставайся и считай это место Родиной, чтобы тебе было хорошо. Хоть и сказали: «Родина – вторая мать, но ты этим не увлекайся и следи за расцветом твоих дел, ибо сказано: «Счастливых само благо ищет, а несчастных – Родина». И когда увидишь, что дела твои процветают и добился ты выгодного занятия, старайся упрочить это занятие свое и укрепить его, а когда в занятии упрочишься, большего не ищи, чтобы в погоне за умножением не оказаться в убытке. Ведь сказали: «вещь, которую хорошо положили, лучше не клади, чтобы, погнавшись за невозможным, не попасть на худшее». Но не будь беспорядочным во времяпрепровождении. Если хочешь быть цепным в глазах друга и врага, нужно, чтобы происхождение и сан твой были явны для простого люда. Впустую не живи и соблюдай свой распорядок с умеренностью.

О воздержанности и распорядке в пище и обычаях [приема] ее

Знай, о сын, что у простого люда в их занятиях распорядка и определенного времени нет: не смотрят они на то, время сейчас или не время. Но разумные мужи и вельможи для каждого дела своего знают определенное время. Двадцать четыре часа суток они распределяют для своих дел. Между всяким делом положен промежуток, предел и мера, чтобы дела их друг с другом не смешивались. И служителям их тоже известно, в какое время каким делом надлежит заниматься, чтобы все их занятия были упорядочены.

Но прежде всего речь насчет вкушения пищи. Знай, что у базарных людей такой обычай: есть пищу больше по вечерам, а это очень вредно, всегда у них [от этого] несварение желудка. У людей военных обычай такой, что они не смотрят, время или не время, как получат, так и поедят, а это обычай домашнего скота, он тоже, как получит сена, так и поест. Люди же достойные и вельможи едят в сутки раз. Это путь воздержанности, но человек от этого слабеет и теряет силы. Поэтому надо устраивать так, чтобы уважаемый человек поутру [слегка закусывал] наедине, и уже затем выходил и занимался своими хозяйственными делами до первой молитвы, и когда настанет этот назначенный для пищи час, прикажи позвать тех, кто ест с тобой вместе, чтобы они поели с тобой.

Но, когда ешь, не торопись, будь медлительным. За столом беседуй с людьми, как это полагается в исламе, но голову наклоняй вперед и на кусок других не смотри.

Рассказ. Слыхал я, что как-то раз Сахиб-Аббад* ел вместе со своей родней и сотрапезниками. Кто-то достал кусок из касы*, на котором был волос. Сахиб увидел и сказал: «Сними этот волос с куска». Человек отложил кусок, встал и ушел. Сахиб приказал: «Верните его!» Сахиб спросил: «О такой-то, почему ты встал, не поев?» Тот ответил: «Не подобает мне есть хлеб того человека, который видит волос на моем куске». Сахиб сильно устыдился от таких слов.

Но займись собой и сначала помедли, вкушая чего-либо кислого. Затем уже, после этого, прикажи подать касу. У знатных людей обычай бывает двоякий: некоторые сначала приказывают подать свою касу, а потом уже для других, некоторые же сначала ставят касу других, а затем уже свою. Это – путь великодушия, а то – путь политики.

И касы приказывают ставить разные: одну кислую и одну сладкую. Устрой так, чтобы, когда из-за стола встанут, и едящие много, и едящие мало все были сыты. А если у тебя пищи еще останется, а у других ее не будет, от себя пошли другим. За едой не делай кислого лица и со стольником понапрасну не пререкайся, что то, мол, блюдо хорошо, а это плохо. Эти слова надо говорить в другое время.

Когда выяснен распорядок еды, узнай распорядок питья вина, ибо и здесь тоже есть особые обычаи и правила, чтобы и это дело было упорядочено.

О распорядке питья вина и необходимых для этого условиях

Насчет питья вина не скажу я – не пей, но и не скажу – пей. Ведь юноши по совету других все равно от юношеских поступков не откажутся. Мне тоже часто говорили, да я не слушал, а вот после пятидесяти лет оказал мне господь всевышний милость и пожаловал отказ от вина.

Если не будешь пить, будет тебе выгода в обоих мирах и доволен будет тобой господь, великий и славный, от упреков людских избавишься, и от нравов и обычаев людей неразумных, и от нехоро-

ших дел избавишься, и в хозяйстве большой прибыток получишь. И вот по этим-то причинам очень мне будет приятно, если ты не проявишь склонности к питью вина.

Но только молод ты, и знаю я, что не позволят тебе товарищи не пить. Потому-то и сказано, что одиночество лучше, чем плохой товарищ. Если же будешь пить, то знаю я, что сердце твое будет склоняться к отказу и будешь раскаиваться в своих поступках.

Но во всяком случае, если уж будешь пить вино, надо, чтобы ты знал, как пить. Ибо, если не будешь уметь пить, оно – яд, а если будешь уметь пить – противоядие. И, поистине, всякая пища и питье, если есть и пить без распорядка и обычая, – не на пользу. Как сказали:

Ведь и противоядие становится ядом, когда его много,
Когда оно из меры своей выходит.

И вот нужно, чтобы ты, закончив еду, сразу же за вино не принимался. Пусть три часа пройдет, чтобы тебе три раза пить захотелось и ты воды попил. А если пить не захочется, все равно три часа подожди. Потому что желудок, если он сильный и здоровый, хотя бы ты даже чрезмерно наелся, в семь часов переварит: три часа переваривает, еще три часа извлекает соки из той пищи и доставляет в печень, чтобы печень распределила по всем внутренностям человека. Потому что распределитель-то она. И еще час то тяжелое, что останется, она посылает в кишки. На восьмом часу желудок должен опорожниться. А всякий желудок, который не таков, – прогнившая тыква, а не желудок.

Потому я и сказал, пей вино, когда пройдет три часа после еды, чтобы пища в твоем желудке переваривалась, и все четыре состава твои получили свой удел от пищи. Тогда и пей, ибо тогда и от вина пользу получишь и от пищи.

Пить вино начинай к другой молитве, чтобы, когда наступит окончание, ночь тебя уже застигла, и люди опьянения твоего не видели. В опьянении с места на место не передвигайся, ибо передвижение [в это время] не похвально. В степь и в сад пить вино не езди, а если поедешь – до опьянения вина не пей. Вернись домой и там напейся,

ибо то, что можно делать под крышей дома, под открытым небом делать нельзя, ведь тень крыши дома лучше и больше укрывает, чем деревья. Люди у себя в доме, как падишах в своем шахстве, а в степи они как странник на чужбине. Хоть и благородный это странник, но видно становится, куда хватает рука у благородного.

И всегда с вином будь настолько осторожен, чтобы еще для двух-трех кубков место оставалось. Остерегайся и кубка страсти, и кубка опьянения, ведь страсть и опьянение не во всем вине и всей пище, пресыщение в последнем глотке, так же как опьянение в последнем кубке. Потому-то ешь глотком меньше и пей кубком вина меньше, чтобы быть в безопасности от превышения и в том, и в другом.

И старайся не быть всегда опьяненным, ибо плод у питья вина двоякий: или болезнь, или безумие. Зачем же пленяться таким делом, плодом которого бывают такие вещи. И я знаю, что на основании этих слов ты от вина не откажешься и ничьих слов слушать не будешь.

Так вот, если сможешь, не делай себе привычкой постоянно пить вино на заре. А если случайно и выпьешь поутру, делай это изредка, ибо разумные люди утреннее питье вина не одобряли.

Первая беда от утренней попойки та, что пропадет твоя утренняя молитва. А затем, не успеет еще вчерашнее похмелье уйти из твоего мозга, как уже сегодняшние пары к нему присоединятся, и результатом этого может быть только меланхолия, ибо вред двух носителей вреда – больше, чем одного носителя.

А затем, когда люди спать будут, ты будешь бодрствовать, а когда люди проснутся, тебе поневоле придется заснуть. А если ты весь день будешь спать, то, конечно, всю ночь будешь бодрствовать, и на другой день тело у тебя будет более усталым и больным и от действия вина, и от действия бессонницы.

И редко бывает, чтобы за утренней попойкой не произошло драки или неразумных поступков, от которых произойдет раскаяние или же расход будет произведен ненадлежащий. Если как-нибудь случайно и выпьешь вина утром, то, по достаточным основаниям, это можно, но все же лучше не делать [этого], дурная это привычка.

И если ты к вину будешь жаден, не делай себе привычкой пить в ночь под пятницу. Ни в ночь под пятницу, ни в ночь под субботу не нужно пить вино ни в какое время, в ночь под пятницу – по причине завтрашнего собрания и пятничной молитвы. И если ты одну ночь под пятницу не будешь пить, то целую неделю пьянства для сердца людей делаешь сладкой, и уста простого люда о себе закроешь и в хозяйстве будет прибыток. Ибо в году пятьдесят пятниц, будет тебе прибыль от неимения пятидесяти [лишних] расходов, да и тело, и душа, и разум, и дух твой отдохнут, ибо за неделю мозг и жилы твои от паров устанут, а в ту одну ночь отдохнут и опустошатся в отдыхе этой одной ночи, для тела будет здоровье и покой, в деньгах прибыток. Потому и надо держаться обычая, от которого проистекает пять [таких] выгод.

О приеме гостей и езде в гости и необходимых условиях этого

А чужих людей каждый день в гости не принимай, ибо каждый день гостя по чести принять нельзя. Посмотри, сколько раз в месяц ты сможешь принять, и, если сможешь принять три раза, один раз прими и израсходуй на него все эти три раза, чтобы стол твой был лишен всякого недостатка и придирчивым рот был бы заткнут.

И когда гость приедет к тебе в дом, всех высылай навстречу и всячески приветствуй и заботься о каждом по достоинству его. Как говорит Абу-Шукур:

Друг ли будет гость или не друг,
Но денно и нощно заботиться о госте – хорошо.

Если фрукты есть, перед едой подай фрукты, чтобы поели, потом подожди немного и тогда неси еду. И ты не садись, пока гости не попросят один раз и два раза, что садись, мол. Тогда прими участие и ешь с ними, но садись ниже всех. Разве только, что гость будет великим, тогда уже садиться нельзя.

И перед гостями не извиняйся, ибо извиняться – это привычка простых людей и базарных торговцев, и не говори каждый час: «О такой-то, хорошенько покушай, ты, мол, ничего не кушаешь, не стыдись, что я для тебя ничего не смог устроить, даст Аллах, потом это исправлю». Такие слова не для знатных людей, это такие слова, как у торговцев, которые за несколько лет раз могут принять гостя. От таких слов люди стесняются, не могут есть и встают из-за стола твоего полуголодные. А ведь у нас в Гилане обычаи добрые: когда гостя в дом введут, расстилают хан*, приносят кувшины с водой, а хозяин и все его люди уходят, только кто-нибудь один остается стоять поодаль, чтобы принести касы. Тогда гость может поесть так, как хочет, а потом уже идет к хозяину. И у арабов тоже обычай такой.

Когда гости поедят, после омовения рук, прикажи принести розовой воды и ароматов. О слугах и рабах гостя тоже заботься, ибо добрую или дурную славу разносят они. И во время бесед прикажи побольше разложить сладостей и ароматных трав [испаргам] и хороших музыкантов прикажи привести. И пока хорошего вина не будет, гостей не зови, потому что едят-то люди и так каждый день. Нужно, чтобы вино и пища были хороши, тогда если на столе и в касах твоих и будет какой-нибудь недостаток, то твой проступок покроют. Ведь пить вино – грех, так не делай же грехов без приправы.

И когда ты сделаешь все это, что я тебе сказал, то помни о правах гостя и считай обязательным для себя охранять их право.

Рассказ. Так слыхал я, что Ибн Мукла поручил Наср ибн Мансуру Тамими* управление Басрой. На следующий год его отозвали и потребовали отчет, а был он человек богатый, и халиф позарился на его [деньги]. Когда сделали расчет, оказался за ним большой оста-

ток. Сын Муклы сказал: «Подавай эти деньги или ступай в тюрьму». Наср ответил: «О мавлана, деньги у меня есть, только здесь их с собой нет, дай мне отсрочку на один месяц, чтобы из-за такого пустяка мне не надо было идти в тюрьму». Сын Муклы понял, что у такого человека есть возможность [дать] эти деньги и он говорит правду. Сказал он: «От повелителя правоверных нет приказа, чтобы ты уезжал куда-нибудь, пока не выплатишь этих денег. Здесь же в моем дворце поселись в комнате и этот месяц будь моим гостем». Наср ответил: «Слушаюсь», и поселился заключенным во дворце Ибн Мук-лы. А было это случайно в начале месяца рамазана. Когда настал вечер, Ибн Мукла сказал: «Приведите такого-то, чтобы он разговелся с нами». В общем этот Наср весь месяц рамазан ел вместе с ним. Когда настал праздник и прошло несколько дней, сын Муклы послал кого-то [сказать]: «Что-то долго везут эти деньги, как помочь в этом деле?» Наср ответил: «Я дал золото». Сын Муклы спросил: «Кому дал?» Ответил: «Тебе дал». Сын Муклы удивился, позвал Насра и сказал: «О ходжа, когда ты дал мне это золото?» Наср ответил: «Я золота не давал, а весь этот месяц бесплатно ел твой хлеб, месяц за твоим столом разговлялся и был твоим гостем. Теперь, когда пришел праздник, разве можешь ты по праву требовать от меня золота?» Сын Муклы рассмеялся и сказал: «Бери расписку и ступай с миром, эти деньги я дарю тебе, как подарок гостю [дандонмузд], и я это золото за тебя уплачу». Так Наср избавился от обложения.

Потому цени, когда тебе делают одолжение и будь приветлив.

Но попусту не смейся, вина пей поменьше и перед гостями не напивайся. Когда заметишь, что гости опьянели, покажи свое проворство, помяни людей и пей за здоровье их и будь к гостям приветлив и ласков. Попусту не смейся, ибо смех впустую – то же безумие.

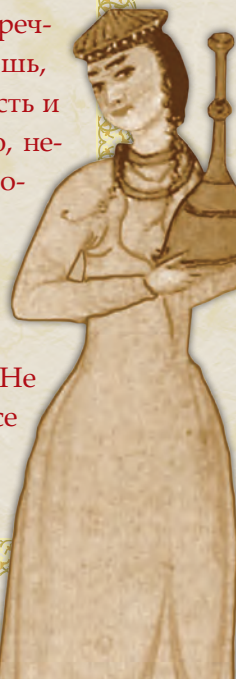
Когда гость опьянеет и захочет уйти, ты один-два раза попроси [остаться], унижайся и не пускай уходить. На третий раз уже отпусти. Если твои рабы совершат проступок, ты не обращай внимания, перед гостями их не брани, не делай кислого лица и их не бей, что, мол, это – нехорошо, а то – хорошо. А если случится что-либо не заслуживающее твоего одобрения,

прикажи, чтобы другой раз так не делали, а этот раз стерпи. Если же гость твой тысячу раз сделает нелепость и скажет [что-либо неподходящее], ты все ему прощай и уважай права гостя на твои услуги.

Рассказ. Так слышал я, что раз халиф Мутасим* приказал отрубить голову преступнику в своем присутствии. Тот сказал: «О повелитель правоверных, ради господа, великого и славного, дай мне глоток воды, угости меня, как гостя, а там делай, что хочешь, ибо я очень страдаю от жажды». Мутасим дал клятву и приказал дать ему воды. Когда ему дали воды, он по арабскому обычаю сказал: «Да умножит Аллах тебе милости, о повелитель правоверных, я был твоим гостем на этот глоток воды. Теперь, по человеколюбию, убивать гостя нельзя, не приказывай убивать меня, а прости, чтобы я перед тобой мог принести покаяние». Мутасим сказал: «Правду ты сказал, у гостя великие права, я простил тебя, больше не греши, ибо права гостя надо охранять».

Но охранять права гостя стоит, когда он сам человек понимающий, а не то, чтобы ты первого попавшегося или голытьбу тащил к себе в дом, а потом оказал почет и уважение, что это, мол, мой гость. Нужно понимать, перед кем следует заискивать и кого обласкать.

Раздел. А затем, [если сам] поедешь в гости, к первому встречному не езди, ибо это наносит ущерб сановитости. А когда едешь, голодным не езди, но и сытым тоже не езди, чтобы ты мог поесть и хозяин не обиделся. Пей и вино, но, если выпьешь чрезмерно, нехорошо будет. И когда приедешь к хозяину, садись на место, которое тебе подобает, хотя бы это было в доме у знакомых или у тебя были права распоряжаться в этом доме.



И в том доме за едой и вином за пределы своих прав не выходи и слугам хозяина не говори, что эй такой-то, это блюдо сюда, а ту касу туда поставь, что я, мол, тоже из этого дома. Не будь гостем, сующимся не в свое дело, и приноравливайся к касе и скатерти других людей. И своим слугам кусков не давай, ибо говорят: «Взять что-либо из дома хозяина – позор». До бес-

чувствия не напивайся. Сделай так, что, когда поедешь по дороге, никто бы твоего опьянения не заметил, и не напивайся так, чтобы нужно было отворачиваться от людей. Напивайся только дома. Если, к примеру, выпьешь один кубок вина и слуги твои совершат сто проступков, наказывать не вели, хотя они и заслужили наказания, потому что никто это не посчитает за наказание. Скажут что это он просто от вина буянит. Все, что захочешь, делай, не пив вина, тогда поймут, что это сознательно, а у пьяного все считают бессознательным. Говорят: «Ал-джунун фунун», существуют разные виды возбуждения от вина: и много в ладоши хлопать, и ногами топать, и смеяться, и плакать, и петь, и есть сладости, и [слишком много] разговаривать, и молчать, и подлещиваться, и прислуживаться – все это [разные виды] пьяного возбуждения или безумия.

Итак, всего, что я здесь перечислил, остерегайся и перед посторонними до бесчувствия не напивайся, а разве перед своими домашними и рабами. И если от музыкантов музыки потребуешь, не требуй только легких напевов, чтобы не обвиняли тебя в сладострастии и пьянстве. Хотя юношам легкая музыка нравится и требуют они ее, и сами играют, и приказывают играть.

О шутке, нардах, шахматах и необходимых для этого условиях

Знай, о сын, что говорят, что шутка – вступление ко злу, т. е. шутка предшествует всякого рода бедам. Пока можешь, остерегайся неразумных шуток, а если уж шутишь – не делай этого в пьяном виде, ибо получится зло и беда. Стыдись также нехороших шуток и непристойных слов и в пьяном, и в трезвом виде, особенно за нардами и шахматами, потому что при этих двух занятиях люди бывают раздражительны и шутки плохо переносят.

И много играть в нарды и шахматы не привыкай. Если играешь, играй редко и играй не иначе, как на птицу или барана, или на угощение, или на какую-либо последнюю безделку. В долг не играй и на деньги не играй, ибо играть на деньги – невоспитанность и азартная игра.

Если умеешь хорошо играть, не играй с тем, кто известен как азартный игрок, а то и ты станешь известным как игрок. А если играешь, то играй с более известными и почетными людьми, чем ты сам.

В нардах и шахматах есть правила приличия. Нужно, чтобы ты первым руками за шашки не хватался, пусть сначала соперник выберет, что хочет. А если играешь в нарды, сначала дай кости сопернику и в шахматы первую руку дай ему.

А со склочниками, слугами, женами, детьми и людьми тяжелого нрава в долг не играй, а то раздор будет. Из-за числа очков на костях с соперником не спорь и клятв не давай, что ты, мол, бросил столько-то очков, хотя бы уверения твои и были правильными, люди все равно решат, что это ложь.

Но источник всякого зла и склоки – шутка, и остерегайся шутить, хотя шутить – не порок и не грех, потому что даже пророк шутил.

Была старуха в доме у Аиши. Однажды она спросила у пророка: «О посланник Аллаха, мое лицо – лицо райских жителей или адских?», т. е. «в рай я пойду или в ад?» И говорят, что посланник Аллаха шутил, но говорил только правду. Пророк ответил старухе в виде шутки: «В том мире ни одной старухи в раю не будет». Старуха опечалилась и заплакала. Посланник Аллаха тогда улыбнулся и сказал: «Не плачь, ведь слова мои

не противоречат [твоим желаниям]. Я сказал правду, что стариков в раю не будет, потому что в день воскресения все люди встанут из могил молодыми». Старуха утешилась.

Шутить можно, но сквернословить не годится. Потому, если и скажешь скверное слово, то говори реже и когда необходимость будет. И что скажешь, говори своим сверстникам, если и ответят, беды не будет.

Но всякую остроту говори только соединенной с серьезным словом и остерегайся сквернословия. Хотя шуток без острословия не бывает, но нужно [знать] предел. Шутка унижает всякое достоинство. Что бы ты ни сказал, поневоле то же и услышишь, от людей жди того же, что получают от тебя люди.

Но ни с кем не ссорься, ибо ссориться – не дело для мужей, это дело для жен и детей. Потому если случайно поссоришься, не говори все, что знаешь и что можешь сказать. Ссорься настолько, чтобы еще оставалось место для примирения, и не пустословь и не становись сразу бесстыдным. И из обычаев низких людей самый плохой обычай – пустословие и бесстыдство и лучший обычай – скромность, ибо скромность – милость Аллаха, ей ведь никто не завидует.

И на каждом слове не говори: «эй муж!», ибо всякий, кто говорит это без основания, мужчину лишает его мужественности.

Но пить вино, шутить и играть в любовь – это все дела для юношей. Если ты будешь соблюдать меру в делах, прекраснейшим образом это можно делать так, чтобы люди не очень корили. Раз уже сказано несколько слов о питье вина, шутках, нардах, шахматах, поневоле придется сказать несколько слов и о любви, и объяснении ее, и условиях ее, вспомоществование от Аллаха.

О любовных делах и обычаях их

Старайся, о сын, не влюбляться ни под старость, ни в юности. Но если случится, сердцем к этому не привязывайся и не занимай сердце постоянно любовной игрой, ибо повиноваться страсти – не дело разумных. Любви, пока можешь, остерегайся, ибо влюбленность – дело, несущее беды, в особенности в старости и во время нищеты. Ведь целый год блаженства свидания не стоит однодневного страдания разлуки, ведь влюбленность с начала до конца – страдания и муки сердца и бедствие, хотя это и сладостная боль. Если ты в раз-

луке, ты в страдании, а если ты с подругой, но возлюбленная твоя с норовом, из-за мук, [причиненных] ее кокетством и норовом, ты не заметишь и блаженства свидания. Если даже возлюбленная твоя будет подобна приближенному к Аллаху ангелу, все же ты никогда не избавишься от попреков людских. Люди будут постоянно сплетничать про тебя и порицать твою возлюбленную, ибо таков уж обычай у людей.

Поэтому соблюдай себя и остерегайся влюбленности, ибо разум-ные люди могут остерегаться такого дела. Невозможно ведь, чтобы кто-нибудь влюбился в кого-либо с одного взгляда. Сначала глаз видит, потом сердце одобряет, когда сердце одобрит, природа к ней начинает склоняться и тогда уже требует свидания с ней. Если ты приложишь всю страсть к сердцу и подчинишь сердце страсти, то ты придумаешь, как еще раз повидать ее. Когда повидаешь вторично, [склонность] природы к ней удвоится, томление сердца станет более мощным, и ты будешь искать третьей встречи. Когда третий раз повидаешь и она заговорит, скажет слово и услышишь ответ, тогда... осел убежал и веревку унес, пропала петля!

После этого, если и захочешь себя соблюсти, не сможешь, ибо это уже не в твоей власти. С каждым днем страдания любви все увеличиваются, и тебе приходится подчиняться сердцу. Но если ты сбережешь себя с первой же встречи, когда сердце начнет требовать, будешь следить за сердцем, перестанешь поминать ее имя и займешься чем-нибудь, иным способом утолишь свою страсть и закроешь глаза от дальнейших встреч, то всех страданий будет на одну неделю, и больше она тебе даже не придет на память, ты скоро сможешь от нее освободиться.

Но, конечно, это дело не для всякого, тут нужно человека с совершенным разумом, он это сможет сделать. И если человек совершенен и разумен, то с ним ведь этого и вообще не случится, а если случайно внезапно и произойдет, то он разумом сможет отвратить это, ибо любовь – это болезнь. Как об этом говорит Мухаммед Закарийя* в «Классификации болезней», относительно болезни люб-

ви и лекарств от нее, как постоянный пост, переноска больших тяжестей, переходы на длинные расстояния, постоянная работа и развлечение и тому подобное.

Но если ты кого-нибудь любишь так, что от близости и свидания с ним ты чувствуешь покой, я это считаю дозволительным, ибо шейх Абусаид-и-Бул Хайр* говорит, что для человека неизбежны четыре вещи: во-первых, кусок хлеба, во-вторых, рубище, в-третьих, развалина, в-четвертых, возлюбленный друг. И каждому это нужно по мере и степени его, дозволенным или недозволенным образом. Но дружба – одно, а влюбленность – другое, при влюбленности ни у кого не бывает счастливой минуты, хотя бы тот влюбленный и говорил стихи [вроде]:

Этот огонь любви твоей – сладость,
о похитительница сердца,
Видала ли ты когда-либо сладостным жгучий огонь?

Знай, что в дружбе люди всегда счастливы, а в любви постоянно несчастны. Если ты захочешь в юности забавляться любовью, у тебя все же будет извинение. Всякий, кто взглянет и заметит, извинит, скажет: молод-де. Старайся только не влюбиться под старость, ибо для старика никакого извинения нет. Если бы ты еще был из числа простых людей, то дело было бы легче, но если ты – государь, да и старик, берегись, не задумывай таких дел и явно сердцем ни к кому не привязывайся, ибо для старого правителя играть в любовь – очень трудное дело.

Рассказ. Во времена деда моего Шамсалмаали* сообщили, что в Бухаре у одного купца есть гулям, цена ему – две тысячи динаров. Ахмад Согди рассказал это перед эмиром и сказал ему: «Надо вам послать кого-нибудь, чтобы купил этого гуляма». Эмир молвил: «Тебя надо послать». Вот Ахмад Согди приехал в Бухару, повидал работорговца, сказал, чтобы привели гуляма, купил его за тысячу двести динаров и привез в Гурган. Эмир посмотрел, одобрил и сделал этого гуляма держателем полотенца. Когда он мыл руки, тот подавал ему полотенце – вытереть руки. Прошло некоторое время. Как-то раз эмир вымыл руки. Этот гулям подал ему полотенце.

Эмир, вытирая руки, смотрел на гуляма. Когда руки были уже совсем сухие, он все продолжал тереть руки о полотенце и смотреть на гуляма. Верно, ему приятно было смотреть на него.

Он отдал полотенце и когда прошло некоторое время, сказал Абул-Аббас Ганиму: «Я освободил этого гуляма и подарил ему такую-то деревню. Напиши грамоту и посватай за него в городе дочь какого-нибудь горожанина, чтобы он обзавелся семьей. А когда лицо его обрастет бородой, пусть придет ко мне».

Абул-Аббас Ганим был везиром. Он сказал: «Воля господина. Но только, если господин сочтет нужным, пусть скажет слуге [своему], в чем значение этих слов». Эмир ответил: «Сегодня случилось то-то и то-то, а очень некрасиво, чтобы падишах после семидесяти лет влюблялся. Мне после семидесяти лет нужно заниматься обереганием рабов господа всевышнего и делами войска, подданных страны своей. Если я влюблюсь, ни от господа всевышнего не получить мне прощения, ни от людей».

Да, юноша, что ни сделает, все простится. Но только не нужно сразу обнаруживать [свои] увлечения. Как бы молод ты ни был, придерживайся мудрости, величавости, политичности, чтобы государству не было вреда.

Рассказ. Слыхал я, что в Газне было десять гулямов на службе у султана Масуда, и все они были личными его одеждохранителями. Одного из этих десяти гулямов звали Нуштегин. Султан Масуд его очень любил. Прошло с того времени несколько лет, и никто не знал, кто возлюбленный, ибо если он делал подарок, то всем давал то же, что Нуштегину, чтобы никто не подумал, что он возлюбленный султана Масуда. Прошло еще пять лет после того и так никто и не узнал, ни свободный, ни раб, пока он как-то раз не сказал: «На все те икта и денежные пожалования, что мой отец дал Айязу*, дайте грамоту Нуштегину». Тогда только люди поняли, что [из всех десяти] он имел в виду только Нуштегина.

А теперь, сынок, хоть я все это тебе и сказал, но знаю, что, если случится тебе полюбить, не послушаешь ты моих советов. И скажу я по-стариковски стихи:

Каждый человек, если он живой и мыслящий,
Должен быть, как Азра* и как Вамик.
Всякий, кто не таков, – лицемер,
Не человек тот, кто не влюбляется.

Хоть я и сказал так, но ты не следуй этому четверостишию моему. Старайся не влюбляться, а уж если полюбишь кого, то люби того, кто этого стоит. Незачем быть возлюбленному Птолемеем и Платоном, но нужно, чтобы было у него и немного разума. Хоть я и знаю, что не будет он Юсуфом*, сыном Якуба, но нужно, чтобы было у него и немного изящества, чтобы заткнуть рот некоторым людям и чтобы они могли оправдать тебя. Ведь люди никогда не перестают сплетничать и выискивать друг у друга недостатки.

Так, спросили одного человека: «Есть у тебя недостатки?» Он сказал: «Нет». Спросили: «А есть такие, которые у тебя находят недостатки?» Ответил: «Много!» Сказали: «Значит, ты – человек, о котором злословят больше, чем о всех других».

Но, когда едешь в гости, возлюбленного с собой не бери, а если возьмешь, перед посторонними им не занимайся и сердце к нему не привязывай. Ведь его никто не может съесть. И не думай, что он всем кажется таким же, как тебе. Как сказал поэт:

О горе мне, если ты всем
Кажешься таким же, как мне, бедному!

Если даже тебе он кажется прекраснейшим из всех людей, может быть, другим он кажется безобразнейшим.

И не давай ему на пирушках всякий миг фруктов, и не справляйся, как он себя чувствует, и не зови каждый час и не шепчи всяких пустяков на ухо, что, мол, говорю о пользе и вреде [такого-то]. Люди-то догадываются, что ты ему говоришь.

О правилах интимной связи

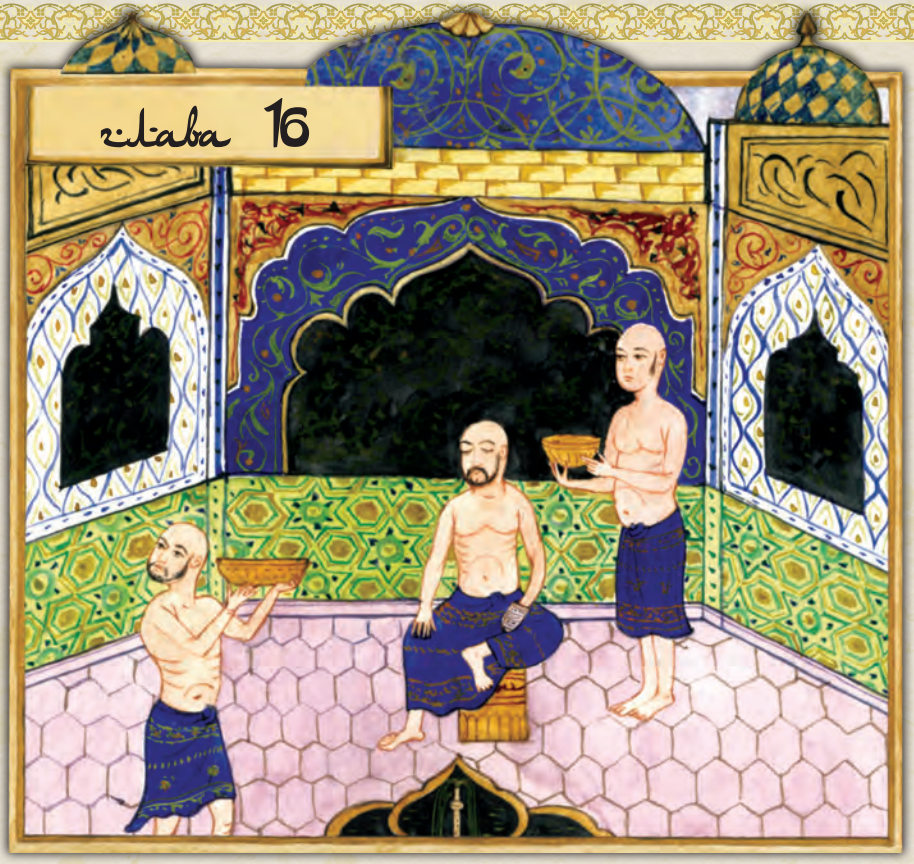
Во-первых, если полюбишь, то, независимо от того трезв ты или пьян, не пребывай в интимной связи продолжительное время, ибо в каждой капле мужской жидкости, исходящей от тебя, содержится начало живого существа. Если же вступишь в интимную связь, то постарайся, по крайней мере, не делать этого в пьяном состоянии, ибо вред от этого гораздо больше. Лучше приступать к этому делу немного хмельным. Не следует предаваться близости, сразу, как только мысль об этом придет тебе в голову. Это – животное

качество. Животные не различают уместно то или иное действие, или нет, и приступают к делу, как только вспомнят о нем. Человеку же необходимо выдержать некоторое время, чтобы чувствовалась разница между ним и животным …

Как я сказал, чрезмерное пристрастие к интимной близости - вредно. Поэтому, все, что не делаешь, делай с удовольствием, ничего не делай через силу. Тогда, вреда от этого будет меньше. Однако, независимо от того, есть у тебя охота к близости или нет, береги себя в жаркие летние и холодные зимние дни. В это время вреда от близости больше, особенно для пожилых людей. Лучший из всех сезонов – весна, она же больше всего располагает к близости. Весной погода бывает мягкой, наступает половодье, мир становится краше и приятнее. Поскольку Большой Мир становится мягче, то и Малый Мир, то есть, наш организм, смягчается под его воздействием. Между элементами, составляющими наш организм, возникает равновесие, в сосудах становится больше крови, в половых органах рождается больше мужской жидкости, и люди совершенно естественным образом начинают тянуться к интимной близости. Поскольку эта тяга проистекает из естественных начал, от нее меньше вреда.

И еще, по возможности не осуществляй кровопускания (с лечебной целью) во время летней жары и зимнего холода. Если почувствуешь, что в организме появился избыток крови, постарайся исправить это с помощью диеты. Не ешь яств, неподходящих этому сезону. Летом и зимой не проявляй излишней склонности к женщинам.

Об этом я рассказал кратко, ибо нет надобности говорить больше.



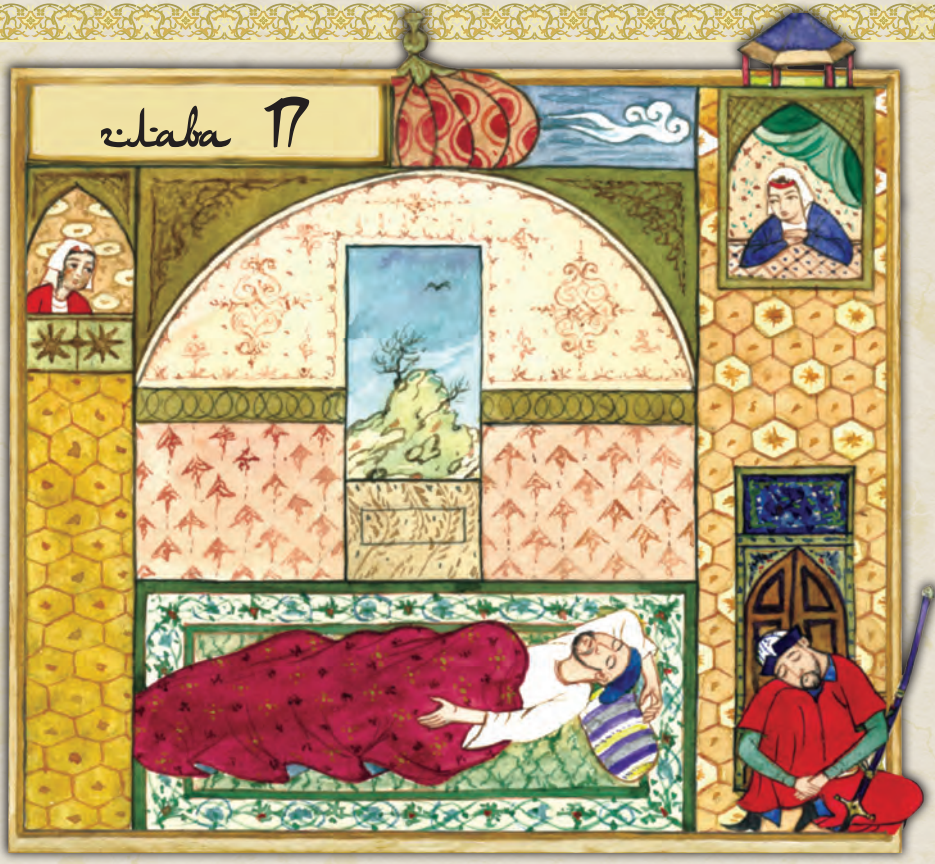
О правилах хождения в баню

Знай, о сын, что, когда идешь в баню, не ходи на сытый желудок, это вредно. И каждый день [ходить] не полезно, и даже вредно, ибо нервы и сочленения размягчаются и крепость их пропадает и природа привыкает ходить в баню каждый день, если только один день не получит, будет чувствовать себя в тот день как бы больной и все члены тела загрубеют. Потому нужно ходить один раз каждые два дня. А зимой и летом, когда пойдешь в баню, сначала проведи некоторое время в холодной комнате, чтобы природа этим насладилась.

Потом уже иди в среднюю комнату и посиди там немного, чтобы насладиться и ею. Потом ступай в жаркую комнату, посиди немного и там, чтобы получить удовольствие и от жаркой комнаты. Когда жара бани на тебя подействует, пойди в хилватхану – комнату уединения и вымой там голову.

И нужно, чтобы ты в бане очень долго не оставался и слишком горячую и слишком холодную воду на себя не лил, нужно, чтобы она была умеренной. И если баня будет пустая, это величайшее счастье, ибо мудрецы считают пустую баню большей удачей из всех удач. Когда будешь выходить из бани, волосы нужно хорошенько вытереть и только тогда выходить, ибо выходить на улицу с мокрыми волосами – не дело для разумных и уважаемых. И, выйдя из бани с мокрыми волосами, не подобает идти к уважаемым людям, это не входит в правила приличия.

Я назвал пользу и вред бани. Вот и все. Но в бане пить воду и фука* – этого остерегайся, ибо это очень вредно и вызывает водянку. Разве только если ты с похмелья, тогда можно выпить совсем немножко, чтобы успокоить похмелье и вреда было меньше. А Аллах знает лучше.



О сне и отдыхе

Знай, о сын, и будь осведомлен, что у румских мудрецов такой обычай: когда выходят из бани, пока не поспят немного в раздевальне бани, на улицу не выходят. И ни у одного другого народа такого обычая нет.

Мудрецы называют сон малой смертью, потому что как спящий, так п мертвый, ни тот, ни другой ничего не ведают о мире. Этот – мертвый с душой, тот – мертвый без души.

Много спать – обычай непохвальный. Это делает тело вялым, возбуждает природу, внешний вид лица из здорового делает нездоровым. Есть пять вещей, которые, если постигнут человека, сразу же меняют его лицо: одно – нежданная радость, другое – внезапное горе, третье – гнев, четвертое – сон, пятое – опьянение. А шестое – старость, ибо когда человек стареет, лицо его меняется, но это [изменение] другого рода.

Но люди, когда спят, не считаются ни живыми, ни мертвыми. Как нельзя осуждать мертвого, так нельзя осуждать и спящего. Как я сказал:

Хотя притеснением ты и согнула мою спину,
Но я не сбавлю в моем сердце любви к тебе.
Из-за притеснения не порву я с тобой, о прославленный кумир,
Ты спишь, а спящих не осуждают!

Подобно тому, как слишком много спать – вредно, так и вредно и не спать. Ведь если человек семьдесят два часа, т. е. трое суток, нарочно проведет без сна или его силой будут будить, то ему будет грозить смерть.

Но для всякой вещи есть мера. Мудрецы говорят так: «В сутках двадцать четыре часа, две трети бодрствуй, одну спи». Восемь часов надо заниматься служением господу всевышнему и хозяйством, восемь часов – весельем, шутками и увеселением души своей, а восемь часов надо отдыхать, чтобы члены тела, которые утруждали себя шестнадцать часов, отдохнули.

А глупцы из этих двадцати четырех часов половину спят, а половину бодрствуют, вялые люди две трети спят и треть занимаются своими делами, мудрецы же треть спят и две трети бодрствуют.

Итак, как я упомянул, каждые восемь часов надо проводить иначе. И знай, что господь всевышний сотворил ночь для сна и отдыха рабов [своих], как он сказал: «И сделали мы ночь покровом». И знай ту истину, что все живое – тело и душа. Тело – это вместилище, а душа – вместимое. У души три свойства, как то: жизнь, легкость и движение, и три свойства у тела: смерть, покой и тяжесть. Пока тело и душа вместе, душа своими свойствами охраняет тело и иногда

приводит в действие. Иногда же тело [свойства души] своими свойствами удерживает от действия и ввергает в небрежение. Когда тело выявляет свои свойства, [т. е.] смерть, тяжесть и покой, [люди] засыпают. И засыпание подобно рушащемуся дому. Дом, когда рушится, захватывает всех, кто в нем. Так и тело, когда засыпает, захватывает все духовные способности человека, так что ни слух не слышит, ни зрение не видит, ни вкус не различает вкуса, ни осязание [не воспринимает] тяжести и легкости, мягкости и жесткости и ни речь. Все, что было связано с местом, все [тело] захватывает. Память* и мышление вне места, их оно захватить не может. Разве ты не видишь, что, когда тело спит, мышление видит различные сны, а память их удерживает, чтобы сказать, когда он проснется, что видел я то-то и то-то. Если бы эти два чувства тоже были связаны с местом, оно захватило бы и их, так что и те два – мышление не могло бы видеть, память не могла бы удерживать.

А если бы речь и письмо тоже оставались на месте, тело не могло бы уснуть, а если бы засыпало и говорило, то это не был бы сон и не был бы отдых и покой, ибо отдых живых существ [только] во сне. Итак, господь всевышний ничего не сотворил без мудрой на то причины.

А дневного сна усиленно избегай, а если не сможешь, то надо спать немножко, ибо превращать день в ночь – не мудро. Обычай людей знатных и богатых таков, что летом в полдень они идут отдыхать, может быть, поспят, может быть, и нет.

Но путь разумного наслаждения таков, чтобы по обычаю часок отдохнуть. Если же нет, то уединяются с кем-нибудь, с кем приятно проводить время, пока солнце не склонится и жара не спадет, а тогда выходят.

В общем надо тебе стараться проводить большую часть жизни в бодрствовании и спать мало, ибо долго придется [потом] спать.

Но и днем, и ночью, когда захочешь спать, не нужно спать одному, а спать с кем-нибудь, от кого дух твой получает усладу. Ибо спящий и мертвый – одно и то же в известном отношении. Ни тот, ни другой ничего не знают о [внешнем] мире, но один спит с жизнью, другой без жизни. Теперь нужна разница между этими

двумя спящими, так что тому приходится быть одному в силу необходимости, а этому спящему, раз нужды нет, зачем спать так, как тот, вынужденный необходимостью? Вот почему спутником на ложе этого мира должен быть тот, кто радует душу, ибо спутник того ложа, каков есть, таков и есть. Тогда будет различие между сном живых и сном мертвых.

Нужно брать привычкой вставать поутру, чтобы подниматься раньше, чем взошло солнце, дабы на восходе выполнить обязательно веление господа всевышнего. Кто встает на самом восходе, тому нет доли, ибо он будет пропускать время намаза, и этот грех на него падет. Потому вставай до восхода и выполняй веление господа всевышнего, а потом уже начинай заниматься своими делами. Если же поутру дела не будет и захочешь поехать на охоту или прогулку, то можно заняться и охотой, и удовольствием. Вспомоществование же от Аллаха.

Относительно охоты

О сын, знай, что восседать на коне и охотиться и играть в човган – занятие для благородных мужей, особенно в юности.

Но для всякого дела должен быть предел и мера при [надлежащем] распорядке. Каждый день нельзя охотиться. В неделе семь дней, два дня занимайся охотой, три дня – вином и два дня – хозяйственными делами.

Когда садишься на коня, на низкорослого не садись, ибо человек, если он даже видный собой, на низкорослом коне кажется жалким.

Если же человек сам мелкий, то на большом коне кажется высоким. На спокойного бегуна садись только в путешествии, ибо, если конь спокоен, человек плохо держится. В городе и в свите садись на коня беспокойного и быстрого, чтобы по причине его порывистости не быть невнимательным к себе самому. Всегда сиди прямо, чтобы не казаться плохим наездником.

На охоте понапрасну коня не гони, ибо гонять коня понапрасну занятие для гулямов и ребят. За дикими зверями коня [тоже] не гоняй, ибо охота на диких зверей – бесполезное дело и кроме опасности для жизни ничего не получается. Так, два великих падишаха из рода нашего погибли на охоте за дикими зверями: один – дед моего отца Вушмагир ибн Заир, другой – сын моего дяди эмир Шараф-ал-Маали. Потому давай гнать тем, кто меньше тебя, а сам не гони, разве только перед великим падишахом, тогда это дозволено ради того, чтобы снискать славу и показать себя.

Потому, если любишь охоту, занимайся охотой с боа*, чаргом, шахином, барсом и собакой, чтобы и охота была, и страха опасности не было, да и добыча была к чему-либо пригодна. Мясо хищников в еду не годится, а шкура их не подходит для одежды. Когда охотишься с соколом, то падишахи поступают двояко: правители Хорасана не пускают сокола с руки, у правителей же Ирака обычай такой, что пускают они его собственной рукой. И то, и другое можно, ибо если ты не будешь падишахом, как хочешь, так и делай, а будешь падишахом и захочешь пускать сам, то и это тоже можно. Только ни одного сокола не пускай больше одного раза, ибо падишахам не годится пускать сокола два раза. Пусти один раз, и смотри, возьмет он дичь или нет, а потом бери другого, а того пусть разыщет сокольничий. Ведь целью падишаха на охоте должно быть развлечение, а не добывание пищи. А если падишах охотится с собаками, то ему не годится вести собак, нужно, чтобы их спускали перед ним рабы, а он смотрел. За дичью коня не гони, а если охотишься с барсом, то никоим образом барса позади себя на коня не бери, ибо неприятно падишаху держать [самому] барса, а кроме того, и неразумно сажать дикого зверя себе за спину, особенно падишахам и государям.

Об игре в човган

Вот и все об охоте и ее правилах.

Знай, о сын, что если тебя услаждает играть в човган*, то не делай себе привычкой постоянно [заниматься этим], ибо многих постигла беда от игры в човган.

Рассказ. Рассказывают, что Амр-Лейс* был кривым. Когда он стал эмиром Хорасана, он однажды поехал на ристалище поиграть в мяч. А был у него сипахсалар* по имени Азхар-и-Хар*. Этот Азхар Хар подъехал, взял его за поводья и сказал: «Я не позволю тебе

شه از دنبال گوی خود روان شد
گدا بگرفت و سوی شه دوان شد
شه صاحب قران آفرین کرد
وزان پس قرنها با خود قرین کرد

бить мяч и играть в човган». Амр-Лейс спросил: «Почему же это вы мяч бьете и считаете дозволенным, а когда я играю в човган, ты не позволяешь?» Азхар ответил: «Потому что у нас два глаза, если нам мяч попадет в глаз, мы ослепнем на один глаз, а один глаз останется, которым мы сможем смотреть на ясный мир. А у тебя один глаз, если по несчастью мяч попадет в этот глаз, то с эмирством над Хорасаном придется распроститься». Амр-Лейс сказал: «При всей твоей ослиности, сказал ты [все же правду]. Согласен, пока жив, не буду я бить мяч».

Если ты раза два в год развлечешься игрой в човган, то это я дозволю. Но только нужно, чтобы было не слишком много всадников, ибо тогда есть опасность несчастья. Всадников должно быть не больше восьми. Ты стой с одного конца майдана, другой на другом конце майдана, а шестеро пусть посреди майдана бьют шар. Если шар прилетит к тебе, ты отбей его и подгони к нему коня, но в толкотню не кидайся, чтобы сохранить себя от беды, а вместе с тем добиться и своей цели. Вот как играют в човган знатные люди. Вспомоществование же от Аллаха.

О том, как воевать

О сын, когда будешь в бою, там нельзя быть медлительным и вялым. Раньше чем враг, победив тебя, поужинает, ты должен успеть, победив его, позавтракать. И когда будешь посреди боя, не плошай и жизни своей не щади, ибо тот, кому суждено спать в могиле, не сможет спать у себя дома ни под каким видом. Как я сказал на языке табаристанском:

Если твой враг – лев, нет страха!
Не устрашусь я его, и знает это повелитель мира.

Так говорит мудрец: смотри всякий!
Кто должен спать в могиле, не поспит в доме.

И это же самое я скажу по-персидски, чтобы всем было понятно:

Если лев будет врагом, явно ли, тайно ли,
Со львом нужно разговаривать мечом.
Тот, кому нужно спать в могиле без времени,
Тот уже не сможет спать в своем доме со временем.

В бою, пока можешь сделать шаг вперед, не отступай ни на шаг. Если будешь окружен врагами, боя не прекращай, ибо боем можно прибрать врагов к рукам. Когда они увидят от тебя славные дела, они тебя устрашатся. И в это время смерть сделай приятной для своего сердца и не только не страшись, а будь смел, ведь короткий меч в руках смельчака становится длинным. Не плошай в схватке, ибо если только появится у тебя какой-либо страх или вялость, то, будь у тебя тысяча душ, не спасешь и одной, и ничтожнейший человек тебя одолеет, и будеш ты тогда убит или имя твое покроется позором. Если ты среди мужей станешь известен как боец, но совершишь оплошность, то потеряешь славу и среди сверстников своих опозоришься. А когда ни имени, ни хлеба не будет, придется тебе стать среди сверстников своих человеком неопасным. Но смерть лучше такой жизни. Лучше умереть с доброй славой, чем жить с позором.

Если я умру со славой, пускай!
Мне нужна слава, ведь тело [все равно] достанется смерти...

Но не дерзай незаконно проливать кровь и не считай дозволенным проливать кровь мусульманина, а только кровь бродяг и грабителей и татей и кровь тех, кровь кого по шариату дозволено проливать, ибо с незаконно пролитой кровью связано бедствие в обоих мирах. Во-первых, на страшном суде увидишь ты за нее воздаяние, а в этом мире получишь дурную славу, меньшие не будут чувствовать себя в безопасности от тебя, и надежды слуг твоих на тебя оборвутся, люди будут от тебя сторониться и в сердце питать к тебе вражду, и все кары того мира постигнут тебя за безвинную кровь.

Читал я в книгах, да и опытом установлено, что воздаяние за зло постигает людей в этом же мире. А если у этого человека судьба счастливая, то поневоле [кара] падет на детей его. Потому, Аллах, Аллах, пожалей себя самого и детей своих и не проливай безвинной крови. Но что касается крови законной, с пролитием которой связана польза, то тут не плошай, ибо такая оплошность причинит ущерб делам твоим.

Так, про моего деда Шамсалмаали рассказывают, что был он человек весьма склонный к убийству. Никому он не мог простить проступка, ибо злой был человек, и от зла его войско его возненавидело и сблизилось с дядей моим Фалакалмаали*. Он приехал и волей-неволей схватил отца своего Шамсалмаали, ибо войско ему говорило: «Если ты в этом деле не будешь с нами заодно, мы эту страну отдадим чужим». Когда он узнал, что шахство из рода его может уйти, он поневоле ради шахства сделал это дело. Схватили его, связали, положили в носилки, приставили к нему верных людей и отправили в замок Джанашк. А среди верных людей был один человек по имени Абдуллах – погонщик верблюдов. Посреди пути, когда его везли, Шамсалмаали сказал этому человеку: «О Абдуллах, ты знаешь, кто сделал это дело, и что это был за замысел, что совершилось такое великое дело, а я ничего не мог предпринять?» Абдуллах сказал: «Это дело сделали такой-то и такой-то». И указал на пять сипахсаларов, которые сделали это дело и уговорили войско. «В этом деле замешан и я, Абдуллах, и всех я заклинал и довел до этого, но только ты меня в этом не вини, а вини самого себя, ибо постигло тебя это от убиения [тобою] множества людей». Шамсалмаали ответил: «Ошибаешься, случилось со мной это оттого, что я не убивал людей. Если поступать разумно, то нужно было и тебя [убить], и этих пятерых. Сделал бы я это, и было бы все хорошо, и был бы я в безопасности».

А рассказал я это затем, чтобы ты не допускал оплошности в том, что надо делать, и не относился легко к тому, что неизбежно. И не делай себе привычкой брать кого-нибудь в рабы и лишать мужества, это равно пролитию крови. Если ты ради своей прихоти

прекратишь в мире мусульманский род, то большего беззакония быть не может. Если нужен тебе евнух, то ищи такого, который уже сделан евнухом, и грех этот лег на кого-нибудь другого, сам же этого греха остерегайся.

В бою же будь таким, как я сказал, и себя не жалей, ибо, пока не сделаешь свое тело пищей для собак, не сможешь приравнять свое имя к имени львов. Знай, что все однажды рождаются и однажды умирают. Ибо живые существа трех родов: говорящие живые, говорящие мертвые и живые-мертвые, т. е. ангелы, и люди, и звери, и птицы.

И читал я в книге парсов, написанной письмом пехлевийским, что Зардушта спросили: «Сколько видов живых существ?» Он так и ответил и сказал: «Живые говорящие, живые говорящие умирающие и живые умирающие». Итак, известно, что все живое умирает, что все же никто раньше назначенного ему часа не умрет, потому-то биться надо преданно и стараться добыть себе славу и хлеб.

О смерти и умирании повелитель правоверных Али ибн Аби-Талиб говорит: «Я умер в тот день, когда родился». Но если я от одной беседы буду переходить к другой, много наговорю, хотя, впрочем, сказано, что кто много знает, много говорит. Вернемся же к тому, с чего начали, как добываются в мире слава и хлеб. А когда добудешь, старайся накопить богатства, охранять их и расходовать по надобности.

О порядке накопления богатств

О сын, не упускай случая приобрести что-либо, однако ради вещей себя опасности не подвергай и старайся, чтобы то, что ты приобретешь, было наилучшим, дабы оно тебе подобало. А когда приобретешь, береги и по всякому пустому поводу из рук не упускай, ибо сберечь труднее, чем приобрести. И когда понадобится сделать расход, старайся взамен его скорее отложить что-нибудь. Ибо если будешь брать, а взамен ничего откладывать не будешь, то, будь это даже клад Каруна*, и то придет он к концу. Но сердцем к нему особенно не

привязывайся и не считай его важным, чтобы, если оно когда-либо придет к концу, не горевать. Ведь сказано, что лучше что-нибудь оставить врагам, чем просить по нужде у друзей.

Но крепко держать [богатство] считай обязательным, ибо, кто не бережет малого, не сможет уберечь и многого. И хранить свое добро считай лучшим, чем хранить добро чужое. Лености же стыдись, ибо леность – подмастерье нужды. И трудись, ибо блага от труда накопляются не от лености, как от труда богатство собирается, а от лености уходит. Ведь мудрецы сказали: «Трудитесь, чтобы процветать, и довольствуйтесь малым, чтобы быть богатыми, и будьте смиренны, чтобы иметь много друзей». Потому-то упускать по лености из рук то, что добыто трудом и усердием, – неразумно. Ведь в дни нужды раскаяние пользы не приносит. Раз ты сам трудишься, старайся сам же и пожинать плоды. Будь вещь даже дорогой, для достойного человека не жалей, ибо во всяком случае никто ничего с собой в могилу не возьмет. Но расход должен быть соразмерен доходу, чтобы не впасть в нужду, ибо нужда бывает не только в домах у бедняков, а во всяком доме. Например, доходу дирхем, а расходует дирхем* и хаббэ* – всегда будет в нужде. А нужно, когда доходу дирхем, тратить на одно хаббэ меньше дирхема, чтобы никогда в этом доме нужды не было.

Тем, что имеешь, довольствуйся, ибо нетребовательность – тот же достаток, и всякое благо, которое назначено тебе в удел, все равно к тебе придет. Во всяком деле, которое можно уладить добрыми словами и заступничеством людским, денег [понапрасну] не трать, ибо неимущие люди весу не имеют. Знай, что простой люд любит всех богатых людей без расчета на выгоду и ненавидит бедняков без опасения убытка. Худшее положение для человека – нужда, и всякое качество, которое служит похвалой для богачей, оно же – порицание для бедняков.

Украшение людей почитай в том, что они дают, и цену всякого определяй сообразно украшению его. Но мотовства не терпи и считай позорным. И все, что не терпит господь всевышний, для рабов Аллаха позорно. Как сказано: «И не расточайте, ибо не любит он расточителей»*. Чего господь всевышний и преславный не любит, то и

ты не люби. У всякой беды есть причина, причиной нищеты считай расточительство. Но расточительство – не только трата богатств. И в еде, и в поступках, и в речах, и во всяком деле, которое у тебя есть, нельзя быть расточительным, ибо расточительство умаляет тело, терзает душу, сушит разум и убивает живого. Разве не видишь, что жизнь – светоч с маслом; если без предела и меры будешь лить масла в светоч, светоч тотчас погаснет. Но, когда того же масла, которое стало причиной угасания, будет в меру, оно станет причиной жизни, а то расточительство было причиной его смерти. Итак, выяснено, что светоч жил не только маслом, а правильной мерой его. И все, что выйдет из меры, будет расточительством, и от того же масла, которым он был жив, от него же он и умрет. Господь всевышний по этой причине не терпит расточительства, и мудрецы не одобряют расточительства ни в чем, ибо последствия его всегда вредоносны.

Но жизнь себе горькой не делай, доступа доли своей к себе не преграждай, судьбой довольствуйся и в том, чему быть надлежит, оплошности не допускай. Ибо всякий, кто сплошает в своем деле, от счастья прибытка не получит и желаний не достигнет. Из того, что у тебя есть и что тебе нужно, трать на себя, ибо хотя богатства и дороги, но все же не дороже жизни. В общем старайся то, что добудешь тратить на полезные дела. Свое добро доверяй только скупцам, а на игроков и пропойц не полагайся. Считай всех ворами, чтобы твое добро было в безопасности от воров. В накоплении добра не плошай, ибо кто плошает в своих делах – не получит прибытка, счастья и осуществления своих желаний не добьется, ибо спокойствие в труде, а труд в спокойствии, так что сегодняшнее спокойствие завтра будет трудом и сегодняшний труд – завтрашним отдыхом.

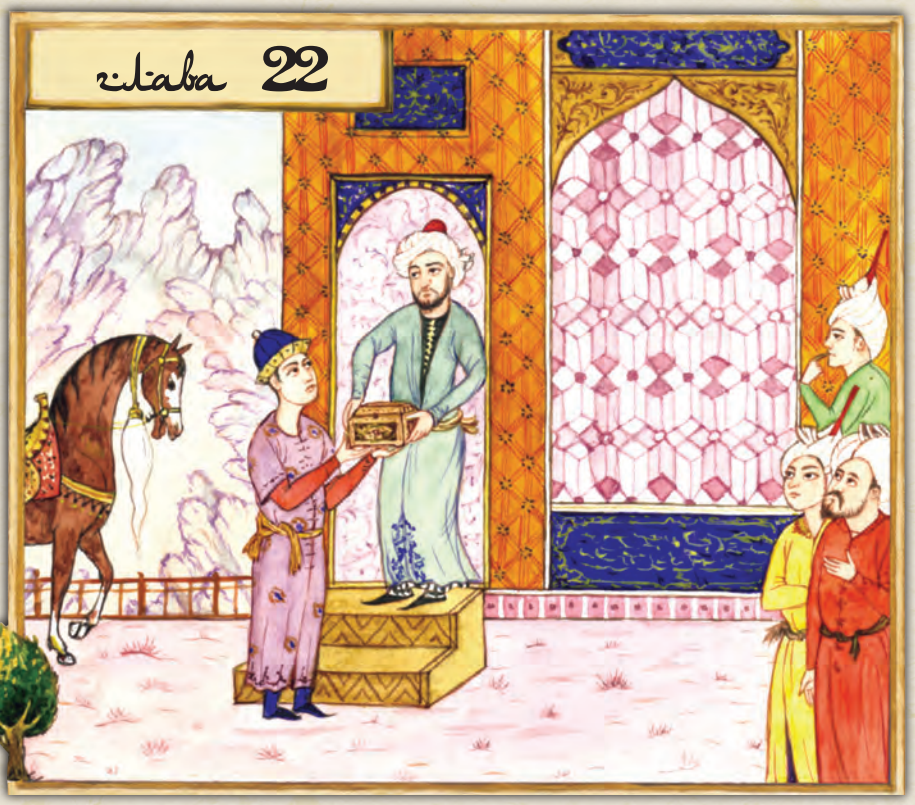
И из всего, что трудом и без труда тебе достается, старайся на один дирхем два данга* потратить на свой дом и семью. Если бы даже было нужно и для тебя необходимо, все же больше этого не трать. Когда, таким образом, два данга пойдут в дело, два других данга отложи и не вспоминай о них и держи для наследников и для дней слабости и старости, чтобы помогли тебе тогда эти деньги. А оставшиеся два данга трать на свое украшение. А украшение запасай такое, которое

не гибнет и не снашивается, как драгоценные камни и изделия золотые, и серебряные, и бронзовые, и медные, и тому подобные.

А если добра будет больше, трать на землю, ибо все, что потратишь на землю, от земли и получишь. И имущество всегда будет на месте, и доход пойдет непрерывно и, к тому же, чистый и законный. И когда обзаведешься убранством, ради всякой нужды и потребности, какая будет, убранство домашнее не продавай и не говори: ах, человек, сейчас нужда есть продать, другой раз взамен куплю еще лучше. Ибо, если из-за всякой потребности будешь продавать домашнее убранство с надеждой опять обзавестись тем же, может быть, и не удастся купить, а то из рук уйдет и дом опустеет. Не пройдет много времени, как станешь ты самым нищим из нищих.

Точно так же по всякому представившемуся случаю в долг не бери и своего добра не закладывай и никоим образом в рост не давай и не бери. Брать в долг считай низостью и большим бесстыдством, и пока можешь, и сам никому даже дирхема в долг не давай, в особенности друзьям, ибо обида от требования обратно долга больше, чем обида от отказа дать в долг. Потому, если уж дашь в долг, не считай этих денег своими и про себя думай так, что эти деньги я тому другу подарил, и, пока он не отдаст, от него не требуй, чтобы из-за требования дружба не оборвалась. Ведь друга можно быстро сделать врагом, но сделать врага другом очень трудно, ибо то дело для ребят, а это для старцев, мудрых и проницательных.

И из того добра, которое у тебя есть, давай долю достойным людям. На чужое добро не зарься, чтобы быть лучшим из людей. Свое добро считай своим, а чужое – чужим, чтобы стать известным своей верностью.



О соблюдении доверенного

О сын, если тебе кто-нибудь доверит что-либо на хранение, пока только можешь, никоим образом не принимай, а если уж примешь – храни. Ибо брать что-либо на хранение – брать на себя беду, так как приведет она в конце концов к одному из трех: если вернешь ему это доверенное тебе имущество, поступишь так, как господь всевышний сказал в своем нерушимом откровении: «Чтобы вы возвращали доверенное вам владельцам его»*. Путь благородства и

мужества – ничего не брать на хранение, если же взял, то хранить, дабы в целости доставить хозяину обратно.

Рассказ. Слышал я так, что вышел один человек поутру в темноте из дому, чтобы пойти в баню. По пути увидел он своего друга и спросил: «Не пойдешь ли со мной вместе в баню?» Друг ответил: «До дверей бани тебя провожу, но в баню пойти не могу, ибо есть у меня дело». Пошел он с ним к бане, дошли они до перекрестка, и друг этот, не известив своего приятеля, свернул и пошел другой дорогой. Случайно за этим человеком сзади шел вор, направляясь в баню по воровским делам своим. По воле Аллаха обернулся этот человек и увидел вора. А было еще темно, и он подумал, что это его друг. Было у него в рукаве сто динаров, завязанные в платок. Вынул он их из рукава, дал тому вору и сказал: «О брат, доверяю тебе это, возьми, пока я из бани не выйду, тогда вернешь мне». Вор взял у него золото и остался стоять тут же. Когда тот вышел из бани, было уже светло. Надел он платье и пошел напрямик. Вор окликнул его и сказал: «О благородный человек, возьми сначала свое золото, а тогда и иди, ибо я сегодня, оберегая доверенное тобой добро, упустил свое дело». Человек спросил: «Что это тебе доверено и кто ты такой?» Вор ответил: «Я вор, а ты дал мне это золото [на хранение], пока не выйдешь из бани». Человек спросил: «Если ты вор, почему же ты не унес мое золото?» Вор ответил: «Если бы я добыл своим искусством, то, будь это тысяча динаров, не подумал бы я о тебе и зернышка бы тебе не отдал. Но ты мне дал его на хранение, и неблагородно, чтобы ты отдался под мою защиту, а я с тобой поступил так низко. Так не поступают благородные люди».

Потому, если [это добро] погибнет от твоей руки без воли твоей, будет хорошо, если ты купишь что-либо взамен. А если попутает тебя див и позаришься ты на него и будешь отпираться, большой это грех. А если ты вернешь его хозяину, много придется тебе помучиться с хранением его, и когда много намучаешься и ту вещь ему вернешь, мучения останутся тебе, а тот человек никоим образом тебе благо-

дарен не будет. Скажет он: «Вещь была моя, положил я ее туда, у тебя не останется, я ее взял обратно». И правду говорю – останется тебе множество мучений без благодарности, и наградой твоей будет то, что замарает платье.

А погибнет та вещь, никто не поверит, и ты без всякой нечестности станешь перед людьми бесчестным и исчезнет уважение к тебе у сверстников твоих, никто не будет тебе доверять. Если же останется она у тебя, то запретна она, и большой грех останется у тебя на шее, и в этом мире не будешь счастлив, и в том мире постигнет тебя кара господа всевышнего.

Отступление. Но если ты сам кому-либо что-либо доверяешь, не передавай тайно, ведь никто у него ничего из твоего добра не отнимет. Без двух верных свидетелей своего добра никому не давай на хранение и на то, что передал, бери у него расписку, чтобы избавиться от тяжбы. А если дойдет дело до тяжбы, во время тяжбы наглым не будь, ибо наглость – признак насилия. Пока можешь, не давай клятв ни верных, ни ложных, и не делай себя известным тем, что [охотно] приносишь клятвы, чтобы, если когда-нибудь тебе [действительно] придется поклясться, люди сочли тебя в этой клятве правдивым. Как бы ты ни был богат и славен, но если ты не правдив, то считай себя бедняком, ибо опозоренный и лживый в конце концов всегда приходит к нищете. А доверенное тебе чти, ибо сказали, что доверенное – философский камень золота, и всегда будешь жить богатым, т. е. будешь честным и правдивым, ибо все богатства принадлежат честным и правдивым. И старайся не обманывать, но остерегайся, чтобы и тебя не обманывали, особенно при покупке рабов, а вспомоществование от Аллаха.

О покупке рабов и ее правилах

О сын, если покупаешь раба, будь внимателен, ибо покупать людей – наука трудная. Ведь много хороших рабов, а если посмотреть на них ученым глазом, выйдет наоборот. Большая часть людей полагает, что покупать рабов – дело торговое, но знай, что покупка рабов и наука об этом относятся к философии. Ведь всякий, кто покупает товар, которого не знает, будет обманут, а самое трудное – узнать человека. У человека пороков и добродетелей много, и бывает, что

один порок закрывает сто тысяч добродетелей, а одна добродетель покрывает сто тысяч пороков.

Познать человека можно только наукой проницательности* и опытом, а наука проницательности целиком входит в науку пророческую, совершенства которой не достигает никто, кроме ниспосланных пророков, которые по проницательности могут распознать добро и зло людей, сокрытые [в них].

Все же я расскажу тебе об условиях покупки рабов, достоинствах и пороках их, сколько смогу, чтобы стало это известно. Знай, что при покупке рабов три условия: одно – умение проницательностью различать явные и скрытые пороки и добродетели их. Другое – уметь по признакам узнавать скрытые и явные недуги. Третье – знание пород недостатков и достоинств всякой из них. Первое условие проницательности таково. Когда покупаешь раба, хорошенько все обдумай, ибо покупатели на рабов бывают различные. Бывают такие, что смотрят на лицо, а на тело и остальное не смотрят, бывают и такие, что не смотрят на лицо, а смотрят на тело и остальное, хотят тонкого и изящного или жирного и мясистого. Но всякий, кто смотрит на твоего раба, прежде всего смотрит на лицо, а лишь затем на тело, ибо лицо его всегда можно видеть, а тело увидишь только по временам. Потому-то лучше выбирать раба красивого, ведь и ты постоянно будешь видеть его лицо. Прежде всего смотри на глаза и брови, потом на нос, и губы, и зубы, потом смотри на его волосы, ибо господь великий и славный всем людям красоту вложил в глаза и брови, изящество – в нос, сладость – в губы и зубы, свежесть – в кожу лица, а волосы на голове сделал украшающими все это, ибо волосы он сотворил ради украшения. Так нужно смотреть на тело. Если оба глаза и брови хороши, в носу изящество, в губах и зубах сладость, в коже свежесть, покупай, а об остальном не заботься. Если же этого всего нет, должен он быть изящным. И, по моему убеждению, изящный без красоты лучше, чем красивый без изящества. А говорят,

что раб нужен для [определенного] дела. [Потому] нужно знать, путем какой проницательности можно покупать, по признакам его [узнавая природу его].

Раб, которого покупаешь для личных покоев и общения, должен быть в меру высок и низок, с мягким мясом, тонкой кожей и ровными костями, темно-рыжий или черный, с длинными бровями, черными глазами, прямым носом, тонкой талией и жирным задом, должен он быть с округлым подбородком и красными губами, белыми и ровными зубами, и все части тела должны соответствовать тому, что я сказал. Всякий раб, который таков, красив и приятен в общении и с хорошим нравом, и верный, и остроумный, и смышленый.

А признаки раба умного и удачливого [таковы]: он должен быть стройный, с умеренными волосами и умеренным мясом, белый, розоватый, с широкой ладонью, большим промежутком между пальцами, широким лбом, темно-серыми глазами, открытым лицом, безгранично склонным к смеху. И такой раб годится для обучения наукам и выполнения работ по хозяйству, как переписка, работы по казне, и во всяком деле он – человек верный.

А признаки раба, годного для музыки, – с мягким мясом и сухощавый должен он быть, особенно со спины, и с тонкими пальцами, не тощий и не жирный. Но остерегайся раба, у которого мясистое лицо, он ничему не научится. Должен он быть с мягкой ладонью и большими промежутками между пальцами, ясным лицом и тонкой кожей. Волосы не слишком длинные и не слишком короткие, не слишком красные и не слишком черные, с темно-серыми глазами, – подошва ног – ровная. Такой раб всякое тонкое дело изучит быстро, особенно же музыку.

Признаки раба, годного для военного дела, – с жесткими волосами, хорошего роста, стройный, крепкого сложения, с крепким мясом и твердыми пальцами, и твердыми костями, кожа и члены тела у него грубые и сочленения прочные, с протянутыми сосудами, все жилы на теле видные и выпуклые, с широкими ладонями, широкогрудый, широкоплечий, с крепкой шеей. Если голова у него лысая, это лучше. И нужно, чтобы у него был впалый живот, подтянутый

зад и крепкие связки, а когда он ходит, икры должны подниматься вверх. Лицо должно быть хмурое. Нужно, чтобы он был черноглазый. И всякий раб таких свойств – воин смелый и удачливый.

А признаки раба, годного для охраны гарема [таковы]: темнокожий, с кислым лицом, грубой кожей, сухощавый, с тонкими волосами и жидким голосом, тощими ногами и толстыми губами, приплюснутым носом, короткими пальцами, сгорбленный и с тощей шеей. Такой раб годится в услуги для гарема. Но не годится, чтобы у него была белая кожа и розоватая. И берегись рыжих, особенно со свисшими вперед волосами, и не годится, чтобы в глазах у него была томность и влажность, ибо такие люди любят женщин или сводничают.

Признаки раба бесстыжего, годного, чтобы смотреть за собаками или лошадьми, [таковы]: нужно, чтобы он был с широкими бровями, с глазами навыкате, веки у него толстые и красные, глаза синие, а белки с красными точками, длинные губы и зубы и широкий рот. Такой раб очень бесстыж и нахален, невежлив, зол и ищет раздора.

А признаки раба, который годится в фарраши* и повара, [таковы]: нужно, чтобы у него было чистое лицо и чистое тело, лицо круглое, тонкие руки и ноги, темно-серые глаза, отливающие синевой, высокий рост, молчаливость, волосы темно-рыжие, прямые. Такой раб годится для этих дел. Что же касается условий, о которых я говорил, то нужно иметь сведения о породах, какие бывают, и пороки и достоинства каждой из них надо знать. Перечислим (перечисление пороков, приписываемых Кейкавусом рабам каждой народности, крайне грубо и в настоящем издании выпущено).

(Выпущено несколько абзацев из-за их крайней грубости) Недостатки индийцев те, что они плохо говорят и в доме рабыни не знают от них покоя. Но породы индийцев не такие, как у других народов, ибо все люди друг с другом смешиваются, но только не индийцы. Со времен Адама у них такой обычай, что ни один ремесленник не соединится с каким-либо другим ремесленником, так что бакалейщики дают дочерей бакалейщикам и берут жен только у них, мясники роднятся с мясниками, пахари – с пахарями, воины – с во-

инами, брахманы – с брахманами. Потому-то каждый ранг их, каждая порода имеет другой нрав, и описать все их я не могу, тогда книга свой порядок изменит. Но лучшие из них и ласковы, и разумны, и правдивы, и храбры, и хозяйственны, – это брахманы и ученые.

А нубийцы и абиссинцы более всех лишены недостатков, абиссинцы лучше нубийцев, ибо в похвалу абиссинцев много передается изречений со слов пророка, мир над ним. Вот это – наука о породах и достоинствах и пороках каждой из них.

Теперь третье условие, и состоит оно в том, чтобы ты был осведомлен о недугах, явных и тайных, по признакам их. И это обстоит так, что при покупке не будь невнимателен и с первого взгляда не соглашайся, потому что с первого взгляда очень хорошо то, что окажется безобразным, и очень безобразно то, что окажется хорошим. А затем лицо человеческое не всегда имеет свой [естественный] вид: то оно клонится к красоте, а то к безобразию. Хорошенько смотри на все части тела, чтобы что-нибудь от тебя не укрылось. Много бывает скрытых недугов, которые собираются появиться, но еще не появились и появятся [только] через несколько дней. И у них [тоже] есть признаки.

Если цвет лица немного желтоват, губы бледны, а глаза тусклы, то это признаки геморроя. Если веки всегда опухшие – признак водянки. Краснота глаз и надутые жилы на лбу – признаки падучей. Медленное движение ресниц и частое подергивание губ – признак меланхолии. Искривление костей носа и неровность его – признак фистулы и носовых кровотечений. Очень черные волосы и крайне твердые и густые, причем местами они чернее, показывают, что волосы у него крашеные. Если на теле в разных местах, где обычно клейма не ставят, увидишь клеймо или поставленную метку, то гляди, нет ли под ней знаков проказы. Бледность губ и желтизна глаз – признак желтухи.

При покупке раба уложи и пощупай ему оба бока, и хорошенько смотри, не болит ли у него где и нет ли опухоли. Если есть, то это, наверно, болезнь печени или селезенки. Когда рассмотришь эти [признаки] скрытых недугов, поищи также и явных, как запах

изо рта и носа, фистулы, глухота, замедленная речь, заикание, правильная походка, правильность и крепость десен, чтобы тебя не обманули.

И когда проверишь все то, что я тебе сказал, и выяснишь, всякого раба, которого покупаешь, покупай у людей честных, чтобы и в доме у тебя он был честным. И, если найдешь не умеющих говорить по-персидски, говорящего по-персидски не покупай, ибо иностранца, которого купишь, сможешь воспитать по своему вкусу, а говорящего по-персидски – не сможешь.

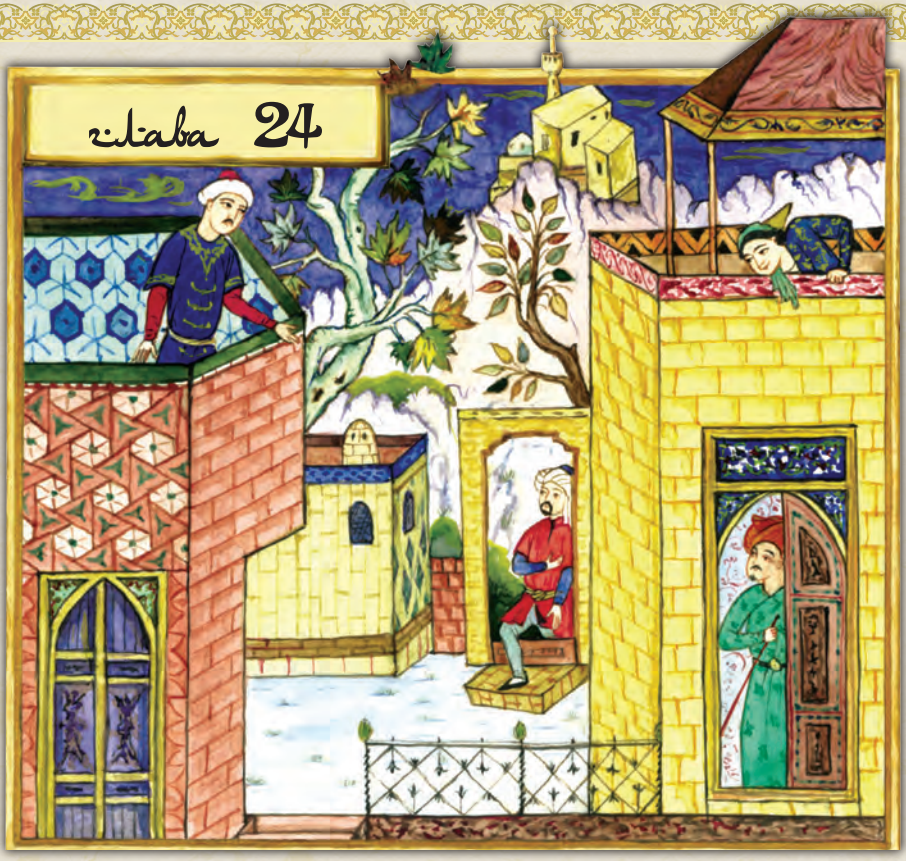
И когда тебя будет одолевать страсть, на предложенных тебе рабов не смотри, ибо под влиянием страсти безобразный в это время тебе покажется красивым. Сначала утоли страсть, а потом уже занимайся покупкой. Раба, который в другом месте был любимцем, не покупай, ибо, если не будешь его баловать он или сбежит, или захочет быть проданным, или в сердце тебя возненавидит. Если же начнешь его баловать, благодарности к тебе он не почувствует, ибо это он уже видал и в другом месте. Рабов покупай из таких мест, где с ними плохо обращались, чтобы был он тебе благодарен, если ты хоть чуточку лучше с ним обойдешься, и полюбил тебя.

Время от времени дари что-нибудь рабам, не допускай, чтобы они всегда нуждались в деньгах, потому что иначе они поневоле пойдут искать денег. Рабов покупай дорогих, ибо сущность всякой вещи соразмерна ее цене. Такого раба, у которого было много хозяев, не покупай, ибо в женщине, у которой было много мужей, и в рабе, у которого было много хозяев, хорошего мало. Покупай только то, что будет размножаться.

Если раб по-настоящему захочет, чтобы его продали, не препирайся и продавай. Всякой жене и рабу, которые хотят развода и продажи, уступай, ибо ни той, ни другому не порадуешься. Если раб нарочно ленится и намеренно совершает проступки в работе, не случайно и по оплошности, не учи его расторопности, он ни под каким видом не станет проворным и расторопным. Скорее продавай такого раба, ибо спящего можно разбудить одним окриком, а ленивого ни трубами, ни барабанами не разбудишь.

Ненужных домочадцев вокруг себя не набирай, ибо малая семья – тоже богатство. Со слугами обращайся так, чтобы они от тебя не бежали, и тех, которых держишь, держи хорошо, как следует, ибо иметь одного человека порядочного лучше, чем двух бездельников.

Не позволяй, чтобы в твоем доме рабы братались друг с другом, а рабыни называли себя их сестрами, от этого большие происходят беды. И на рабов и на свободных своих накладывай бремя соразмерно их Силам, чтобы, обессилев, они не стали непокорными. Сам будь справедлив, чтобы быть добродетельным из добродетельных. Раб должен считать своего хозяина и братом, и сестрой, и матерью, и отцом. Раба, который перебывал у многих работорговцев, не покупай, ибо раб так должен бояться работорговца, как осел коновала. Раб, который все время из-за всякого пустяка хочет, чтобы его продали, не боится своей продажи и покупки, к нему не привязывайся, блага от него не получишь, променяй его на другого. Ищи так, как я сказал, и тогда добьешься того, чего хочешь.



О покупке домов и земель

Знай и будь осведомлен, о сын, что если захочешь купить земли и дома, что бы ни захотел ты купить и продать, соблюдай законные пределы. Все, что покупаешь, покупай в минуты застоя, все, что продаешь, продавай во время спроса и ищи выгоды и не стыдись этого, ибо говорят, что надо изворачиваться, если хочешь купить. Не упускай случая поторговаться, ибо торговаться и запрашивать – это половина всей торговли.

Когда что-либо покупаешь, надо покупать соразмерно выгоде и убытку. Если не хочешь разориться, не трать непоступивших доходов. Если не хочешь нанести ущерб капиталу, остерегайся такой выгоды, которая приводит к убытку. Если хочешь обладать большим достатком и не быть нищим, не будь завистливым и жадным и во всяком деле будь терпелив, ибо терпение – та же разумность. Ни в одном деле не будь невнимателен к своей выгоде, ибо беспечность – та же глупость. Если дело у тебя запутается и врата занятия перед тобой закроются, берись скорее за свое [обычное] дело и терпи, с тем, что дело наладится. От поспешности ни одно дело не устроится.

Когда зайдет дело о покупке, если захочешь купить дом, покупай на такой улице, где живут верные люди, на окраине города не покупай, ни у подножия стен. Ради дешевизны разрушенный дом не покупай, и сначала смотри на соседа, ибо сказано по-арабски: [сначала] сосед, а там уже дом.

Мудрец Бузурджмихр говорит: «Четыре вещи – великая беда: первое – дурной сосед, второе – многочисленная семья, третье – неуживчивая жена, четвертое – нужда».

Никогда не покупай по соседству с алидами и по соседству с учеными и служащими. Старайся купить на такой улице, где ты будешь самым богатым, но выбирай порядочного соседа, а когда купишь дом, соседа уважай и права его соблюдай, ибо говорят так: «Сосед имеет больше всех прав».

С людьми своей улицы и квартала живи хорошо, больных ходи навестить, тем, кому нужно выразить соболезнование, соболезнуй, покойников провожай. Во всяком деле, которое встретится у соседа, ему помогай. Если радость у него будет, радуйся с ним и по мере возможности своей посылай подарки из пищи или платья, чтобы ты был самым уважаемым на твоей улице. Детей своей улицы и квартала целуй и обнимай, а со стариками улицы здоровайся и будь почтителен к ним. В мечети своей улицы проводи пятничную молитву, а в месяц рамазан не упускай послать туда свечи и лампады. Ведь люди со всяким обращаются так, как он обращается с ними. И знай, что все, что людям полагается доброго и злого, они

получают по собственным же делам. Поэтому не делай того, что не следует, и не говори того, что не нужно говорить, ибо всякий, кто делает то, чего не нужно делать, испытывает то, что не желательно испытывать.

Пока можешь, селись в больших городах, где тебе подходит больше всего. Дом покупай такой, чтобы твоя крыша была выше других, чтобы глаз людской не попадал в твой дом, однако и ты не причиняй соседу неприятности засматриванием.

Если покупаешь землю, без соседей и без родника не покупай. Все, что покупаешь, покупай в урожайный год и, если можешь найти поместье без раздела и сомнений [в его законности], такое, в котором раздел или сомнение, не покупай. Знай, что лишенное опасности богатство – это поместье, но когда купишь поместье, непрерывно заботься о благоустройстве его. Каждый день вводи какое-нибудь улучшение, чтобы все время получать все новый доход. Не делай перерыва в улучшении поместий и земель, ибо земли дороги доходом. Если бы у них была цена без дохода, то считай, что все пустыни – твое поместье, доход же можно получить только путем возделывания.

О покупке коня

Знай, о сын, когда покупаешь коня, будь внимателен, чтобы не обмануться. Ибо сущность коня и человека – одинаковы: хороший конь и хороший человек, какую цену ни положишь, все снесет. Плохого же коня и плохого человека как хочешь, так и презирай. И мудрецы говорят: «Мир стоит человеком, а человек – животным». Лучшее же из всех животных – конь. Держать его – и хозяйственность, и, в то же время, мужество. Есть поговорка: «Береги коня и одежду, сберегут тебя конь и одежда».

Распознать хорошего и плохого коня труднее, чем распознавать человека, ибо у человека значение по речи, а у коня нет, речь же для коня – его внешний вид. Чтобы распознать свойство коня, прежде всего смотри на внешний вид, потому что, если в достоинствах ошибешься, во внешних признаках не ошибешься. Ведь у хорошего коня и облик хороший, а у плохого – плохой. А лучший облик, как говорят мастера коновалы, таков: нужно, чтобы зубы у него были тонкие, плотно сидящие и белые, нижняя губа – длиннее, ноздри высокие, широкие, поднятые, лоб широкий, уши длинные, между ушами выпукло и широко, шея изогнутая, тонкая у основания, загривок широкий и широкие щиколотки, верхняя кость ноги короче нижней, волос короткий, копыта черные и длинные, пятка круглая, спина высокая, между брюхом и боками – узко, грудь широкая, ноги широко расставлены, хвост густой и длинный, репица хвоста узкая, мошонка черная, глаза и ресницы черные, на ходу спокойный, щиколотки гибкие, спина короткая, круп округлый, широкий, внутренняя сторона бедра мясистая, плотная. Когда всадник на нем пошевелится, он должен понимать его движения.

Эти достоинства, которые я назвал, обязательно должны быть в каждом коне, и тот конь, у которого они есть, – хорош, а есть такие, которые у одного есть, а у другого нет.

Лучшая масть коня – гнедой и цвета хурмы, он и хорош, и жару, и холод переносит, и вынослив. А сивый конь – слаб, если же у него мошонка, посреди ляжек и хвост, и все ноги, и грудь, и холка – черные, то он хорош. Рыжий конь, та порода, которая очень золотистая, – хорош, если у него черные яблоки и грива, хвост, мошонка, зад и между ляжками, и глаза, и губы черные. Чалый конь должен быть таким же. А вороной должен быть из самых черных, и глаза у него не должны быть красными, ибо лошади с красными глазами большей частью бешеные и порченые. Сивый конь редко бывает

хороший, а сивый с яблоками обычно плох, особенно если глаза, зад, мошонка и хвост у него белые. Серый с черной полосой на спине, у которого черные ноги и такие признаки, которые я назвал у рыжего, – хорош. Пегих коней не хвалят, и редко они бывают хороши.

Добродетелей и пороков у коней много. И, узнав о достоинствах коней, узнай и об их пороках, ибо пороки у них тоже разные. Есть пороки, которые вредны и на вид безобразны, а есть иные, что хоть не таковы, но считаются дурной приметой и хозяину [угрожают], бывает, что это нехорошие болезни и дурные привычки, из которых кое-что можно терпеть, кое-что и терпеть нельзя.

У всякого порока и болезни свое название, по которому его можно знать. Я перечислю. Знай, что из пороков у коней один тот, что он бывает немой. Немой конь часто сбивается с пути, а признак этого тот, что, когда он увидит кобылиц, он хотя и приходит в возбуждение, но не ржет. Конь а'ша, т. е. страдающий куриной слепотой, еще хуже. Признак этого то, что по причине чего-либо, чего лошади не пугаются, он пугается и бросается, а на всякое плохое место, которого ты не знаешь, идет и не остерегается. Если лошадь глуха, это плохо, а признак этого тот, что, когда она слышит конское ржание, не отвечает и уши всегда закладывает назад. Лошадь-левша – тоже плоха, она много оступается, а признак этого тот, что, когда ведешь ее во двор, она сначала ступает левой ногой.

Конь амаш – это такой, который днем видит плохо, а признак этого тот, что зрачок у него черный и зеленоватый, глаза всегда открыты так, что он не моргнет. И этот порок бывает и на оба глаза.

А косой конь, хотя внешне это и кажется пороком, но и арабы, и персы согласны в том, что это добрая примета. Я слыхал так, что Дульдуль был косым*.

Конь арджаль – это когда одна нога у него белая. Если левая задняя и левая передняя белые – это дурная примета. Лошадь с синими глазами, если оба глаза синие, – это ничего, но если один

глаз синий – порок, в особенности, если это левый глаз. Конь муграб, т. е. белоглазый, – плох, конь бурэ (гнедой) тоже плох. Конь аквад*, т. е. с прямой шеей, тоже плох, такой конь на грязь хорошо не смотрит. Конь ахвар тоже плох, ибо ноги задние у него изогнутые, и такого коня по-персидски называют «камон пой» (луконогий), такой конь часто падает. Конь с лохмами под седлом – дурная примета, также если он косматый между плеч и в ногах и так же, если у него косматая грудь или косматость под мышками. Если это с обеих сторон, то примета хуже. И конь фаршун тоже плохая примета, если у него косматые пучки под копытом с внутренней стороны; если это с внешней стороны, то ничего. Конь ашдаф, т. е. с вывернутыми копытами, тоже плох, его также называют ахнаф. Если у коня передние или задние ноги слишком длинны, это тоже плохо, особенно при подъемах и спусках, такого коня называют афрак.

Конь а'заф, т. е. с кривым хвостом, тоже плох, его называют кашаф, т. е. нагота у него всегда видна. Конь с собачьим хвостом тоже плох. Конь авхадж тоже плох, это тот, который не может поставить заднюю ногу на [след] передней. И конь с высокими ногами тоже плох, он всегда хромает. Это потому, что в сочленении у него опухоли. Конь арун тоже плох, и это потому, что на сочленении передних ног у него окостенение, если это на задних ногах, то его называют афрак. Плох также конь непокорный и пугливый, и очень много ржущий, и испускающий звуки задом, и брыкливый, и который слишком долго испражняется, и часто выпускающий член – [все они] тоже плохи. Лошади с серыми глазами страдают куриной слепотой.

Рассказ. Слыхал я рассказ, что пастух Ахмади Фаригуна* пришел к нему в новруз* без новогоднего подарка и сказал: «Да продлится жизнь господина! Я не принес новогоднего подарка, ибо есть у меня радостная весть лучше [всякого] подарка». Ахмади Фаригун сказал: «Говори». Пастух сказал: «У тебя вчера родилась тысяча сероглазых жеребят». Ахмад приказал ему дать сто палок и сказал: «Что же это за радостную весть ты мне принес, родилась тысяча жеребят, страдающих куриной слепотой».

Теперь, когда я все это рассказал и болезни конские ты узнал, то узнай также, что у каждой из них есть название, как: асар, слюноточивость, сап, опухоль ног, трещины в копытах, закостенение в колене, свищ, чесотка, проказа, джирд, болезнь копыт, опухоль под копытами, опухоль брюха, слабость и дрожь, рак, грыжа, сбитая спина, сухотка ног, воспаление горла, удушье, грызливость, самаль, суфтани, разбитость ног и бэрэ.

Все эти болезни я [только] перечислил, если я все подробно опишу, долго затянется. Все, что я назвал, – пороки, но хуже всех пороков – старость. Все названные мною пороки можно терпеть, а старость терпеть нельзя. Коня покупай высокого и крупного, если даже сам человек – видный, на малом коне он все же кажется жалким. И знай, что у лошадей с правого бока ребер больше. Посчитай, если оба бока одинаковы, покупай [даже] дороже того, что она стоит, ее ни одна лошадь не обгонит. И все, что покупаешь, скот ли, поместья и земли или что другое, так покупай, чтобы, пока ты сам жив, была бы тебе от них выгода, а после тебя досталось бы твоим близким и наследникам. Ведь будут же у тебя в конце концов жена и дети, как Лабиби* говорит: «Всякий, кто мужчина, парой ему женщина».

О женитьбе

О сын, когда женишься, жену свою содержи хорошо. Хоть богатства и дороги, но не дороже жены и детей. Не жалей своего добра для жены и детей, особенно когда жена добрая, а дети покорные, а это в твоих руках, как я говорю в одном стихе:

Сын, как воспитаешь, а жена, как будешь держать...

Когда будешь брать жену, за деньгами не гонись, и красоты жены не ищи, по причине красоты берут возлюбленную. Жена должна быть чистой, набожной, хозяйственной, любящей мужа, стыдливой

и праведной, воздержанной на язык, чистой на руку и заботящейся о добре. Тогда она будет хорошей. Ведь говорят, что хорошая жена – спасение жизни. Если даже жена будет ласковая и красивая и тебе по вкусу, ты сразу ей не поддавайся и у нее под началом не будь. Искендеру сказали: «Почему ты не возьмешь дочь Дария в жены, она ведь очень красива?» Он ответил: «Нехорошо будет, если мы, победив людей всего мира, будем побеждены женщиной».

Не бери жены знатнее себя. И надо, чтобы ты брал девушку, у которой, кроме любви к тебе, в сердце любви ни к кому другому не было; и чтобы она думала, что все мужчины одинаковы. Тогда у нее не появится влечение к другому мужчине. От жены с длинным языком беги, ибо говорят, что хозяйство живо распадется, если жена не будет преданной. Не нужно, чтобы она завладела твоими вещами и не позволила тебе пользоваться твоим собственным добром. Если так будет, ты будешь женой, а она – мужем. Жену нужно брать из честной семьи, и надо знать, чья она дочь, потому что жену берут для управления домашним хозяйством, а не для обладания. Для удовлетворения страсти можно рабыню купить на базаре, ни забот, ни больших расходов не потребуется. Жена должна быть взрослая и разумная, которая видела хозяйство своих родителей. Если такую жену найдешь, сватай без замедления и старайся ее получить.

Старайся ее не ревновать, а если будешь ревновать, то лучше не жениться. Ревновать жен – значит насильно сделать их нечестными. Знай, что ревнивые жены часто убивают мужей и отдаются самым жалким людям, и от ревности и страсти ничего не страшатся. Но если не будешь ревновать жену и не будешь к ней придираться, держи ее хорошо на те [средства], которые пошлет тебе господь всевышний. Будет она любить тебя больше, чем родителей и детей, и знай, что не будет у тебя более любящего человека [в мире]. Если же будешь ревновать, то будет она врагом злейшим, чем тысяча врагов. От чужого врага можно уберечься, а от нее нельзя. И если женишься на девушке, какой бы страстью к ней ни пылал, каждую ночь с ней не общайся, а только по временам, она на тебя не обидится, подумает, что все так делают. Тогда, если у тебя будет когда-нибудь

отговорка или случится уйти в поход, жена это сможет без тебя потерпеть. Ведь если ты возьмешь привычку спать с ней каждую ночь, в разлуке с тобой у нее будет такое же желание и трудно ей будет стерпеть. И жен не держи на виду и вблизи мужчины, даже если он старый и безобразный. Необходимое условие мужской ревности – не допускать в женскую половину ни одного молодого слуги, если бы он даже был простодушным, а только черных слуг, старых, безобразных и ветхих, на которых можно положиться.

Соблюдай условия настоящей ревности, и мужа, лишенного чувства чести, за мужа не считай, у кого нет чести, нет и веры, а бесчестного мужем не считай. И если держать жену так, как я сказал, если даст тебе господь всевышний сына, подумай о воспитании его. А жену бери из другого племени, чтобы чужих сделать [себе] родней, ибо близкие твои – родня твоя. Как я показал тебе, так и считай, а истину ведает Аллах.

О воспитании детей и распорядке его

Знай, о дорогой мой, если даст тебе Аллах сына, то, прежде всего, дай ему хорошее имя, ибо это – одно из отцовских прав. А затем поручи его разумным и ласковым кормилицам, а когда наступит время обрезания – сверши обряд и по мере возможности своей устрой празднество. Потом заставь его учить Коран, дабы он стал хафизом*. Когда подрастет он, обучи его владению оружием, чтобы он научился ездить верхом и владеть оружием и знал, как нужно действовать

разного рода оружием. А когда закончит он изучение военного дела, нужно, чтобы ты обучил сына плавать.

Рассказ. Когда было мне десять лет, был у меня хаджиб, называли его Баманзар-хаджиб, он хорошо знал верховое искусство, и был у нас абиссинский слуга по имени Рейхан, он тоже хорошо знал это искусство.

Отец мой, да помилует его Аллах, вручил меня этим двум, чтобы они научили меня верховой езде, владению копьем, бросанию дротика, игре в човган, [искусству] бить табтабом*, забрасыванию аркана и всему, что относится к рыцарским мужественным делам. Потом Баманзар-хаджиб и слуга Рейхан пошли к моему отцу и сказали: «Сын господина изучил все, что мы знали. Пусть господин повелит, чтобы он завтра на охоте показал господину, чему он научился». Эмир ответил: «Ладно». На другой день я отправился и показал отцу все, что знал. Эмир повелел дать им халаты и затем сказал: «То, чему вы учили моего сына, он хорошо знает, но лучшее искусство он не изучил». Они спросили: «А что же это за искусство?» – «Все те искусства и мастерства, что он знает, все это такого рода, что, в случае нужды, если не сможет он [сам] это сделать, другой сможет сделать это за него. Тому искусству, которым ему нужно владеть самолично и которое никто другой за него сделать не сможет, вы его не обучили». Они спросили: «Что же это за искусство?» Эмир ответил: «Плавание, ибо это за него, кроме него самого, никто не может сделать». И привез он из Абисгуна* искусных моряков и поручил меня им, чтобы они научили меня плавать. Против воли, неохотно выучился, но хорошо. Случайно в тот год, когда поехал я в хадж, у ворот Мосула напали на нас [разбойники]. Караван ограбили, арабов было много, наших [сил] на них не хватало. Короче говоря, попал я в Мосул голым. Не знал, что делать, сел в ладью на Тигре и поехал в Багдад. А там дела пошли хорошо, и сподобил меня господь всевышний [удостоиться] хаджа. А говорю я это все затем, что на Тигре, не доезжая до Абкары, есть опасные места, глубокий водоворот, так что надо опытного морехода, чтобы там пройти, ибо, если не

знает он поворотов, как надо проходить, ладья погибнет. Нас в ладье было несколько человек. Прибыли мы в то место. Корабельщик был не мастер своего дела, не знал, как нужно идти. По ошибке он повел ладью на самую середину того дурного места, и она затонула. Нас было около двадцати пяти человек. Я, один старик из Басры и один из моих гулямов по имени Кави выплыли, а все остальные погибли. Умножил я подаяния в память моего отца и призывал на него милосердие Аллаха. Понял я, что этот старец предвидел такой день и потому так научил меня плавать, а я-то не догадывался.

Потому нужно, чтобы всем искусствам и преимуществам, которые следует изучить, ты обучил своего сына, дабы выполнить отцовские права и осуществить отцовскую любовь. Ведь нельзя считать себя в безопасности от превратностей мира и нельзя знать, что с человеком стрясется. Всякое искусство и всякое умение когда-нибудь да пригодится. Потому-то нельзя допустить оплошности в изучении искусств и приобретении знаний.

А во время учений, если учителя его побьют, ты не жалей и позволяй, ведь дитя изучает науки и искусство из-под палки, не по своей охоте. Но, если нагрубит он и ты на него разгневаешься, своей рукой не бей, пристращай учителями и им прикажи наказать, чтобы не появилось у него в сердце злобы к тебе. Но будь с ним строг, чтобы он тебя не презирал и всегда тебя страшился. Денег и золота и всяких желаний, какие у него будут, для него не жалей, насколько можешь, чтобы ради денег не желал он твоей смерти в расчете на наследство и не покрывал себя позором. Знай, что право сына получить знания и воспитание. Если сын плохой, ты на это не смотри, а выполняй отцовские права, и в обучении и воспитании оплошности не допускай, если бы даже не было у него совсем разума. Если ты его не воспитаешь, воспитает время. Как говорят: кого не воспитали родители его, того воспитают ночи да дни.

Соблюдай же отцовские обязанности, чтобы он жил так, как ему ниспослано. Когда люди возникают из небытия, природа и нрав их им уже даны, только от мягкости, слабости и бессилия не могут они их проявить. По мере того как человек растет, тело и дух его стано-

вятся сильнее, а дела очевиднее, и добрые, и злые. И когда созревают они, разовьются окончательно и обычаи их, выявятся все добродетели и пороки. А ты воспитание, образование и обучение сделай своим наследством и оставь ему, чтобы удовлетворить его права, ибо нет для детей знати наследства лучше воспитания. А для сыновей простого люда нет наследства лучше чем ремесло, хоть ремесло и не дело для знатных. Искусство – одно дело, ремесло – другое. Но, по правде, по-моему, ремесло – величайшее искусство, и пусть сыновья знатных людей знают сотни ремесел, если они только ими не зарабатывают, то это не укор, а достоинство. Когда-нибудь все пригодится.

Рассказ. Знай, что когда Гуштасп* лишился своего трона (а это рассказ длинный, но суть вся в том, что попал он в Рум), поехал он в Константинию, а ничего у него с собой не было из мирских богатств. Показалось ему позорным просить подаяния. А случайно вышло так, что в детстве во дворце своем видел он кузнецов, которые делали железные вещи – мечи, ножи, стремена и удила – поблизости [от него]. Верно было ему предначертано звездами это ремесло, постоянно вертелся он возле кузнецов, смотрел, ремесло это видел и научился ему. В тот день, что попал он в беду в Руме, сказал он румским кузнецам: «Я это ремесло знаю». Взяли его в поденщики, и пока он там жил, кормился он этим ремеслом, и ни в ком у него нужды не было, и получал он от него пропитание, пока не попал на родину. Потом он приказал войску: «Пусть ни один знатный человек не стыдится обучать своего сына ремеслу, ибо часто бывает, что сила и мужество бесполезны, тогда-то и нужно знать какое-нибудь ремесло или дело. И всякое знание, которое получишь, когда-нибудь понадобится». И с тех пор среди иранцев вошло в обычай, что не было знатного человека, который бы не обучал своего сына ремеслу, хотя нужды в этом не было и делали это только по обычаю.

Потому, чему можешь, учись, ибо получишь от этого пользу. Но когда сын вырастет, присматривайся к нему. Если он склонен к добрым нравам и хозяйству и ты поймешь, что он [может] заняться хозяйством, женитьбой, умножением благ, подумай о том, чтобы найти ему жену, чтобы исполнить и эту обязанность. Но, если только мо-

жешь, когда женишь сына или выдашь замуж дочь, не соединяйся со своей родней. Жену ищи у чужих. Соединяешься ли с родней или нет, все равно они мясо и кровь твоя. Бери из другого племени, тогда и твое племя будет тебе родней и чужое тоже, силы удвоятся, и получишь помощь с двух сторон. Если же ты знаешь, что он не склонен к хозяйству и доброй жизни, дочь хороших хозяев и мусульман в беду не повергай, ибо оба они будут тяготиться друг с другом. Дай ему, когда он вырастет, жить так, как он сам захочет. После твоей смерти он ведь все равно станет таким, каким ему быть ниспослано.

Отступление. Если дитя твое будет дочерью, поручи ее кормилицам добродетельным и заботливым, а когда подрастет – дай воспитательнице, чтобы она изучила намаз, пост и все условия шариата, принадлежащие к обязательным, но писать* ее не учи. А когда она вырастет, старайся как можно скорее выдать ее замуж, ибо дочери лучше не иметь, а если она есть, лучше ей быть замужем или в могиле. Пока она у тебя в доме, будь с ней всегда ласков, ибо девушки – пленницы родителей. Если у юноши нет отца, он сам может найти себе дело и сам может себя содержать как бы там ни было, а девушка – беспомощна. То, что имеешь, прежде всего трать на дочь, позаботься о ней и взвали ее кому-нибудь на шею, чтобы избавиться от забот о ней. Если дочь – девушка, то и зятя ищи неженатого, чтобы жена привязалась сердцем к мужу, да и он старался ее хорошо держать и обе стороны ладили.

Рассказ. Так слыхал я, что Шахрбану* была маленькой девочкой. Взяли Шахрбану в полон, свезли от персов к арабам. Подошел к ней повелитель правоверных Умар*, да возрадуется ему Аллах, повелел продать ее. Когда ее отвели на продажу, подошел повелитель правоверных Али*, да возрадуется ему Аллах, и передал такое известие от посланника, да помилует его Аллах и да подаст ему мир: «Нет продажи для потомков шахов». Когда он передал это известие, продажу Шахрбану прервали и отдали ее в дом Салмана Фариси*, чтобы выдать

замуж. Когда доложили ей о замужестве, Шахрбану сказала: «Пока не увижу мужа, не пойду за него замуж». Посадили ее на вышку и провели мимо нее знатных арабов и йеменцев, чтобы она пошла замуж за того, которого выберет. Салман сидел около нее и пояснял, что это за люди, что это, мол, такой-то, а тот – этакий. И всех она порицала, пока не прошел Умар. Шахрбану спросила: «Кто это?» Салман ответил: «Умар». Шахрбану сказала: «Человек он большой, но старый». Когда прошел Али, Шахрбану спросила: «Это кто?» Салман ответил: «Али, да возрадуется ему Аллах». Шахрбану сказала: «Человек он величавый, но завтра, в том мире, я не смогу посмотреть в глаза светлой Фатиме*, я стыжусь и потому не хочу». Когда прошел Хасан ибн Али, узнав, кто это, она сказала: «Он мне подходит, но у него много жен, не хочу». Когда прошел Хусейн ибн Али, да возрадуется ему Аллах, она спросила, узнала и сказала: «Он достоин меня, он должен быть моим мужем. Девушке нужен неженатый мужчина, я не выходила замуж, он не женился».

Но зятя выбирай красивого и дочь безобразному человеку не отдавай, ибо девушка к безобразному мужу не привяжется, а на тебя и на мужа падет позор. Нужно, чтобы зять был красивый, правоверный, честный и хозяйственный. Ты должен знать, откуда и чем он добывает деньги на содержание твоей дочери. Но нужно, чтобы твой зять был ниже тебя и по богатству, и по знатности, чтобы он тобой гордился, а не ты им, и чтобы дочь твоя жила покойно. Вот как обстоит то немногое, что сказал я, большего не требуй. Не торгуй дочерью, чтобы и зять не лишился своего благородства и проявил человеколюбие. Ты трать то, что у тебя есть, посади ему на шею дочь и избавь себя от этого великого бедствия, да и друзьям советуй то же. А Аллах знает лучше.

О выборе друзей и обычаях, с этим связанных

Знай, о сын, что людям, пока они живы, без друзей не обойтись, ибо лучше человеку быть без брата, чем без друзей. Так спросили мудреца: «Друг лучше или брат?» Он ответил: «Брат, [когда он] и друг, – лучше».

О брат, лучше брат, когда он друг,
Если он враг, лучше ему быть без жил и кожи.

Потому, если заботишься о делах друзей, [старайся] осыпать их дарами и посылать им подарки и быть к ним великодушным, ибо

кто не заботится о друзьях, о том и друзья не заботятся, и будет он всегда без друзей и будут так говорить, что он удерживает руку от друзей. Не держись обычая все время заводить новых друзей. Ведь когда много друзей, недостатки людей скрываются, а достоинства их раскрываются. Но когда берешь нового друга, не поворачивайся спиной к другу старому. Ищи нового друга, а старого удерживай, чтобы всегда иметь много друзей. Ведь говорят, что добрый друг – великое сок-ровище. Потому заботься о людях, которые относятся к тебе дружелюбно и дружат, оказывай им добро и ладь с ними, будь с ними заодно во всяком добром и злом деле, чтобы они, когда увидят от тебя великодушие, были тебе искренними друзьями.

Искендера спросили: «В такое краткое время [при помощи] каких свойств ты завладел шахствами?» Он ответил: «Тем, что я завладевал врагами лаской и привлекал друзей заботой [о них]».

А затем заботься о друзьях [твоих] друзей, чтобы они тоже были из числа [твоих] друзей, и страшись друга, который любит твоего врага, ибо может случиться, что дружба к нему окажется сильнее дружбы к тебе:

Омой, о брат, руки от того друга,
Который водится с твоими врагами.

Потому что он не побоится причинить тебе зло ради твоего врага. Остерегайся и такого друга, который враждует с твоим другом, и такого друга, который без всякой причины и повода на тебя жалуется, и больше его дружбы не желай.

Знай, что в мире без недостатков нет никого, но ты будь добродетелен, ибо у добродетельного пороков мало. Друга же, лишенного добродетелей, не держи, ибо от лишенного добродетелей друга блага не придет. Друзей чарки за друзей не считай, ибо они – друзья твоей чарки, а не [твои] друзья. Различай среди друзей добрых и злых и дружи и с теми, и с другими, с добрыми дружи от сердца, а со злыми на словах, чтобы добиться дружбы и тех, и других, ибо не всегда бывает нужда в добрых, бывает иногда, что встретится надобность и в дружбе злых. И хотя общение твое со злыми причинит тебе ущерб в глазах добрых, точно так же общение твое с добрыми умножит твой почет в глазах злых.

Придерживайся только [сам] пути добрых, чтобы добыть дружбу и тех, и других.

С неразумными никогда не дружи, ибо неразумный друг из дружбы сделает то, чего сто разумных врагов из вражды не сделают.

Дружи с людьми добродетельными и праведными, чтобы и ты прославился и стал известен теми добродетелями, которыми прославились и стали известны твои друзья.

[Все же] лучше сидеть одному, чем с плохим другом, как об этом было сказано мной в этом дубейте:

О сердце, ты бежало, как зверь в степи,
Ни обо мне ты не печалилось, ни о себе.
Ты было плохим товарищем, и лучше, что ты бежало:
Одиночество лучше для меня, чем плохой товарищ.

Прав друзей и [других] людей на тебя не нарушай, чтобы не заслужить порицания. Ибо говорят, что два разряда людей достойны порицания, один – нарушающие права друзей, другой – не признающие добрых дел.

Знай, что людей можно распознать по двум признакам, подобает ли дружить с ними или нет. Один тот, что, когда друга его постигает нищета, не жалеет для него добра своего по мере сил своих и в трудные минуты его не покидает, пока не уйдет тот из этого мира в дружбе с ним, [а тогда] зовет детей своего друга и родню его и оказывает им добро: и всякий раз, когда ходит навестить могилу, оплакивает его, хотя это и не могила его друга, а только могила телесной оболочки его.

Рассказ. Так говорят, что Сократа вели казнить. Начали нас-таивать: «Стань идолопоклонником». Он ответил: «Избави меня Аллах, чтобы я стал поклоняться кому-либо, кроме творца». Повели его казнить. Некоторые из его учеников пошли с ним и рыдали, как это было по обычаю. Потом спросили его: «О мудрец, теперь ты уже приготовился к казни, скажи же, где нам тебя похоронить?» Сократ

улыбнулся и сказал: «Если только сумеете найти меня, хороните, где хотите». Т. е. «Это не я буду, а моя оболочка».

Дружи с людьми, но на друзей не надейся, что, мол, много у меня, друзей. Будь сам своим близким другом, сам гляди вперед и назад и не будь беспечным из упования на друзей. Ибо если у тебя даже будет тысяча друзей, то никто не будет тебе более близким, чем ты сам. Друга испытывай в изобилии и в стеснении. В изобилии – золотом и уважением, в стеснении – пользой. Того друга, который не враждует с твоим врагом, называй только знакомым, ибо он только знакомый, а не друг. С друзьями, когда они чем-либо недовольны, обходись так же, как когда они довольны тобой. В общем же другом считай того, о ком знаешь, что он тебя любит.

Друга по дружбе ничему не учи, ибо если он когда-нибудь станет врагом, то тебе повредит, и твое раскаяние [тогда] пользы уже не принесет. Если будешь бедняком, богатства друга не ищи, ибо бедняков никто не любит, особенно же богачи. Друга выбирай по своему уровню, если будешь богатым и будешь иметь богатого друга, это можно. Но в дружбе на людей слишком не полагайся, а то не сможешь положиться на свои дела. Если друг откажется от тебя не по разумной причине, не старайся вновь привлечь его, не стоит он этого. Друга алчного сторонись, ибо дружба его с тобой по алчности, не по истине, а с людьми завистливыми никогда не дружи, ибо завистники для дружбы неуместны, так как зависть никогда из сердца не уходит и друг, у которого она в сердце, будет всегда раздражен и озлоблен.

Когда ты узнал, как выбирать друга, выслушай о делах мирских и добре и зле.

О том, как надо опасаться врага

Старайся не наживать врагов, а если будет у тебя враг, не страшись и не печалься, ибо у кого нет врага, тот достоин радости своих врагов. Но тайно и явно не относись беспечно к делам врага и чини ему зло без устали. Постоянно замышляй против него козни и хитрости, и никогда не считай себя в безопасности от его уловок, и всячески ограждайся от его замыслов, дабы закрыть к себе доступ беде от беспечности. Пока с его стороны действий не будет, ты вражды своей врагу не открывай и перед врагом старайся казаться

таким, что если ты даже уже упал, то ему павшим не показывайся при посредстве разумных действий.

На сладкие речи врага не поддавайся, если от него получишь сахар, считай, что это колоквинт (отрава).

Если какая-либо часть твоего тела сдружится с врагом,
Считай, что [у тебя] два врага,
два раза извлеки меч, две раны нанеси.

От сильного врага никогда не считай себя в безопасности и остерегайся его, ибо двоих надо страшиться: один – это сильный враг, а другой – коварный друг. Врага своего ничтожным не считай, со слабым врагом враждуй так же, как с сильным, и не говори [себе]: кто он, мол, такой, да что такое.

Рассказ. Так слыхал я, что был в Хорасане айяр*, весьма почтенный, известный и добрый человек по имени Мухаллаб. Как-то раз проходил он по кварталу, по дороге наступил на дынную корку и упал. Вытащил он нож и изрезал дыню на мелкие куски. Сказали ему: «О ходжа, ты человек столь почтенный и хитроумный, не стыдишься ты разве ударять ножом по дынной корке?» Мухаллаб ответил: «Меня сбила с ног дынная корка, кого же мне ударить ножом? То, что меня сбило с ног, то и было врагом, а врага нельзя считать ничтожным, если бы даже это и презренный враг, ибо кто считает врага ничтожным, тот скоро [сам] станет ничтожным».

Итак, измышляй способ погубить врага прежде, чем тот замыслит твою погибель. Но если ты с кем-либо враждуешь и его одолеешь, то не позорь постоянно этого врага своего и не показывай перед людьми его слабость. Ведь тогда тебе славы не будет, что ты одолел слабого да жалкого. Если же, оборони Аллах, он тебя когда-нибудь одолеет, то великий тебе будет стыд и позор, что свалился ты от [руки] слабого и жалкого.

Ведь когда падишах одержит победу, хотя бы враг того падишаха и был ничтожным, поэты, складывая победные стихи, и писцы, сочиняя донесения о победе, сначала называют врага могущественным и в войске том расписывают обилие конных и пеших и сравнивают врага с Сухрабом* и драконом, а потом уже

говорят: «Войско, мол, такое огромное, а такой-то повелитель со своим войском нагрянул на него, и развеял, и уничтожил, чтобы этим возвеличить прославляемого господина своего и показать мощь его войска». Ведь если тому разбитому полчищу и тому падишаху они припишут слабость и ничтожество, то победившему падишаху не будет чести и славы в том, что он разбил слабого и жалкого, ни в донесениях о победе, ни в победных стихах.

Отступление. Так вот, царствовала в Рее женщина, звали ее Сайида*, женщина она была шахского рода, целомудренная и праведная. Она была дочерью племянника моей матери и женой Фахраддавла. Когда Фахраддавла преставился, остался после него малолетний сын по прозванию Маджддаддавла. Шахский титул дали ему, а правила сама Сайида тридцать один год. Когда этот Маджддаддавла вырос, не в отца пошел, на шахство не годился, так только титул у него и был, а он сидел дома да уединялся с рабынями, а мать его в Рее, Исфахане и Кухистане правила тридцать с чем-то лет.

Но суть-то в том, что когда дед* твой, султан Махмуд ибн Сабуктегин послал к ней гонца и сказал: «Нужно, чтобы ты ввела хутбу и чеканила монету на мое имя и согласилась на дань, а если нет, я приду, возьму Рей и разрушу его», и много грозил, то, когда гонец приехал и передал послание, она ответила: «Скажи султану Махмуду – пока был жив мой муж, я все опасалась, как бы не привел тебя путь сюда и не напал ты на Рей, но когда он преставился и обязанность легла на меня, эта забота ушла из моего сердца. Я сказала [себе]: султан

Махмуд – правитель разумный, он знает, что такому правителю, как он, не годится идти войной на такую женщину, как я. Теперь, если ты придешь, видит Аллах, я в бегство не брошусь и пойду в бой. Ведь исхода может быть только два, из двух войск одно будет разбито. Если я тебя разобью, я по всему миру разошлю донесения, что я разбила султана Махмуда, который ранее разбил сто правителей, будет у меня и донесение о победе и победные стихи по праву; если же ты меня разобьешь, что ты сможешь написать? Скажешь, женщину я разбил. Не достанется тебе ни донесений о победе, ни победных стихов, ибо разбить женщину – не велика слава. Скажут: «Султан Махмуд женщину разбил». И из-за этой одной речи, пока она была жива, султан Махмуд не нападал на Рей и ее не тревожил.

И вот, как я сказал, врага своего слишком не позорь. И ни в коем случае не считай себя в безопасности от врага, особенно врага домашнего, домашнего врага страшись более всего, ибо у постороннего не бывает такого знакомства с твоими делами, какое у него бывает. И если он тебя страшится, то сердце его никогда не опустеет от злых замыслов против тебя, а о делах твоих он будет осведомлен, и не сможет внешний враг знать то, что знает он.

Ни с каким врагом не дружи искренне, а только делай вид, что дружишь. Может быть, из притворной дружбы получится истинная, ибо часто из вражды возникает дружба, а также из дружбы вражда, и эта дружба и вражда, так возникшие, бывают крепче.

Знай, что близость с врагами – от слабости. Врагу причиняй вред так, чтобы от этого ущерба что-либо не постигло и тебя. Старайся, чтобы друзей у тебя было вдвое больше, чем врагов. Имей много друзей и мало врагов, но в расчете на тысячу друзей одного врага не наживай и знай, что эта тысяча друзей будет небрежна в защите тебя, а тот один враг в злых замыслах на тебя небрежен не будет. [Не сноси] прихоти людей, ибо кто своей цены не знает, у того мужества недостаточно.

С врагом, который сильнее тебя, враждовать не начинай, а тому, кто слабее тебя, неустанно причиняй затруднения. Но если враг просит у тебя пощады, то, хотя бы он был лютым врагом и очень

плохо обошелся с тобой, пощаду ему дай и считай это великой удачей, ибо говорят: «Враг, что мертвый, что обращенный в бегство, что взывающий о пощаде». Все же, если увидишь его слабым, то сразу не наседай [или: то не медли].

Если враг от твоей руки погибнет, то тебе дозволительно радоваться, но если он умрет своей смертью, не радуйся. Тогда радуйся, когда наверное будешь знать, что ты не умрешь. Хотя мудрецы и говорят, что если враг умрет на миг ранее, то эту смерть надо считать удачей, однако, так как мы знаем, что все умрем, то радоваться не надо. Как я говорю:

Если смерть подняла дым от твоего зложелателя,
Чего ты так быстро радуешься тому дыму?
Раз смерть сотрет и тебя,
Зачем радоваться чьей-либо смерти?

Все мы на отъезде в путешествие, а из припасов на эту дорогу, добрых дел, нельзя с собой взять ничего.

Рассказ. Так слыхал я, что Зулкарнейн* обошел весь мир, всю вселенную себе покорил, а тогда повернул назад и направился домой. Когда приехал в Дамган, преставился. Завещал он: «Положите меня в гроб, а в гробу сделайте отверстия, и руки мои просуньте в эти отверстия, с раскрытыми ладонями, и так несите, чтобы люди видели, что захватили мы весь мир, а уходим с пустыми руками. Захабна ва таракна – захватили и покинули, горе нам! Взяли, но не удержали. А затем скажите моей матери, что если она хочет порадовать мою душу, то пусть оплакивает меня с кем-либо, у кого никто из близких не умирал, или с кем-либо, кто не умрет сам».

И если кого-либо повергнешь к ногам, поддержи его, ибо если будешь натягивать свыше меры веревку и перейдешь предел, она порвется. Потому во всех делах соблюдай меру, будь то в дружбе, будь то во вражде, ибо умеренность – часть универсального разума. И старайся при сношениях со своими завистниками не показывать чего-либо, что их может разгневать, так что они станут жить, злобствуя на тебя.

Против тех, кто замышляет на тебя зло, замышляй зло, но с теми, кто ищет возвышения, не спорь и не обращай на них внимания, ибо

та погоня за многим их и повергнет [в прах], ведь кувшин не каждый год возвращается с водой целым.

С глупцами и забияками будь терпелив, но с гордецами будь сам горд. Но всегда, что бы ты ни делал, с пути благородства не сходи. Во время гнева считай для себя обязательным подавлять гнев, с другом и врагом говори тихо и веди мягкие речи, ибо мягкоречивость – то же колдовство. И что бы ты ни сказал, доброго и злого, [такой] же ответ и ожидай, а если не хочешь чего-либо услышать, то сам не заставляй других это слушать. Все что не можешь сказать на людях, за их спиной не говори, попусту людям не грози, не сделанным делом не похваляйся и не говори, что я, мол, так сделаю, скажи [лучше], как сделал. Как я говорю:

Из сердца, о кумир, изгнал я любовь к тебе,
И эту гору горя сравнял с долиной.
Сегодня я тебе не скажу, как буду действовать,
А завтра узнаешь, когда я тебе скажу, как я сделал.

И знай, что дела – больше, чем разговоры. Не веди дерзких речей с тем, кто, если захочет, заговорит и с тобой дерзко. Никогда не будь двуличным и двуличных людей избегай. Огнедышащего змея не страшись, а страшись сплетника, ибо то, что он в час разорвет, и в год не зашьешь. С рабами не упрямствуй, если даже будешь великим и славным, с тем, кто ниже тебя, не пререкайся.

Мудрец говорит: «Приобрети десять свойств, чтобы избавиться от многих бед». С завистниками не водись, со скупцами не общайся, с глупцами не спорь, с лицемерами не дружи, со лгунами дел не веди, со вспыльчивыми и задорными людьми вина не пей, с женщинами слишком много времени не проводи, тайну свою никому не открывай, ибо погубишь свое величие и славу, если кто-либо тебя за что-нибудь попрекает, ты за это не держись, а старательно от себя удали. Никого не хвали так, что если бы когда-нибудь пришлось осудить, ты не смог осудить, и так не брани, что если бы пришлось похвалить, ты не смог похвалить. Если кто-нибудь может обойтись без тебя, ты его гневом и жалобами не стращай, ибо кто в тебе не нуждается, тот не устрашится и твоего гнева и жалоб, а будешь его

стращать, сам себя сделаешь посмешищем. А кто без тебя не может обойтись, того сразу же не считай слабым, над ним не похваляйся и гнев других на него не навлекай. Если он даже совершит большой проступок, прости.

К меньшим беспричинно не придирайся, чтобы ты от них преус-певал, а они тебя не сторонились. Если будешь помогать их процветанию, то и твои дела устроятся, ибо меньшие – это твои поместья; если ты не будешь поддерживать свои поместья, то останешься без пропитания, а если будешь поддерживать их, будешь жить в довольстве.

Слугу лучше держать делающего ошибки, но покорного, чем точного, но непокорного. Если приказываешь что-либо сделать, не поручай этого двум лицам, чтобы отдалить ущерб от этого дела и приказа твоего, ибо говорят, что если двое один котел кипятят, вкусно не будет.

По одному поручению двух человек не посылай, так как у двух хозяев дом останется неподметенным, как сказал один поэт:

По одному делу двух человек не посылай, ибо
У двух хозяев неподметенным остается дом.

Если будешь выполнять чье-либо приказание, в этом деле помощника не ищи, чтобы не потерпеть в деле ущерба и не быть повсюду осрамленным перед повелителем. Но и к другу, и ко врагу будь великодушен и из-за проступков людских не раздражайся, всякое [дурное] слово не старайся запомнить, по всякой правде и неправде людей наказывать не стремись и соблюдай путь великодушия, чтобы всегда быть удостоенным похвалы.

О порядке наказывания и прощения

О сын, знай и запомни это, и не считай людей заслуживающими кары за всякий проступок. Если кто-либо совершит проступок, испроси в сердце у себя прощения проступка его, ибо он человек, а первый грех совершил Адам. Как я говорю:

Если я когда-либо отдалялся от службы тебе,
То сотню раз сердце мое сожалело о тебе.
О душа моя, за один проступок не отворачивайся от раба,
Я ведь человек, а первый грех сотворил Адам.

И понапрасну не наказывай, чтобы не понес невинный наказания. Из-за всякого пустяка не гневайся и прими за обычай во время гнева сдерживать раздражение. Если у тебя попросят прощения проступка, – прощай и прощать считай для себя обязательным, если бы даже это был тяжкий проступок, ибо если раб не будет грешить, не будет и прощения господина, а если ты воздашь карой за проступок, где же тогда твоя мягкость? Если же ты будешь считать прощение обязательным, ты не будешь лишен чести и величия.

Против кого-либо, не попрекай его и о проступке не вспоминай, иначе будет так, словно ты и не прощал.

Сам же не совершай проступков, дабы не пришлось просить прощения, а когда совершишь, просить прощения не стыдись, чтобы раздор прекратился.

Если кто-либо совершит проступок, который достоин кары, то установи меру кары и карай сообразно проступку. Ибо справедливые люди говорят так: «Карать надлежит сообразно проступку», и я говорю, что если кто-либо совершит проступок и этим проступком заслужит кару, ты карай его сообразно этому проступку, дабы не забывать как обычаев управления, так и умеренности и милосердия. Надо [действовать] так, чтобы за один дирхем проступка карать на полдирхема, дабы ты мог отнестись к числу великодушных и в то же время достойных, ибо не годится, чтобы великодушные поступали как безжалостные.

Рассказ. Я слыхал, что во времена Муавийи* какие-то люди совершили проступок так, что было необходимо казнить их. Муавийя приказал отрубить им головы. И вот в тот час, когда им рубили головы, привели одного [из них], чтобы казнить. Тот человек сказал: «О повелитель правоверных, что бы ты с нами ни сделал, мы это заслужили, и я в своем грехе признаюсь. Но ради господа всевышнего, выслушай от меня два слова и дай ответ!» Сказал: «Говори». Тот сказал: «Весь мир знает твою кротость и твое великодушие. Если бы совершили такой грех против правителя, который бы не был таким великодушным и

кротким, как ты, тот правитель что сделал бы с нами?» Муавийя ответил: «Сделал бы то же, что и я делаю». Тот человек воскликнул: «Так какая же нам польза от твоей кротости и твоего великодушия, раз и ты это делаешь и безжалостный делает то же?» Муавийя сказал: «Если бы сказал эти слова первый из вас, я простил бы всех. Теперь я прощаю всех тех, которые остались».

Поэтому, когда преступник просит прощения, ты соглашайся и знай, что нет такого преступления, которое нельзя было бы простить.

И если у нуждающегося будет к тебе нужда осуществимая, которая вере ущерба не наносит и в мирских благах [у тебя] недостатка не будет, то ради мирских благ сердце того нуждающегося не отталкивай и его без удовлетворения просьбы не отсылай и не разрушай хорошее мнение того нуждающегося о себе. Ведь тот человек, если бы не был о тебе хорошего мнения, у тебя бы ничего не попросил, а во время нужды он – твой пленник, ведь говорят, что нужда – тот же полон. А к пленникам нужно быть великодушным, ибо убивать пленника непохвально и даже заслуживает порицания. Потому в этом деле не допускай оплошности, дабы заслужить прославление в обоих мирах.

Если же у тебя самого будет к кому-либо нужда, то прежде посмотри, великодушный это человек или нет, или же скупец. Если человек великодушный, то проси и выбери удачное мгновение, не проси, когда он огорчен, а также, когда он натощак, ни о чем не проси. И когда будешь просить, надумай добрые речи, сядь, соблюди все добрые приличия, а затем вкратце сообщи о той нужде. И в речах будь очень вкрадчивым, ибо вкрадчивость, когда просишь, – тот же заступник. И если будешь умело просить о том, что тебе надо, то никогда не уйдешь, не получив желанного, как я говорю:

О сердце, хочешь добраться до утехи сердца,
Без забот добраться до той полной луны,
Тогда, о сердце, живи так, как она хочет,
Если сумеешь попросить, легко добьешься желанного.

И в ком бы ты ни нуждался, веди себя как раб и слуга его, а если добьешься желания, повсюду благодари, ибо господь всевышний говорит: «Если возблагодарите, умножу я вам». Господь всевышний

благодарных любит, а благодарность за первую милость – это надежда на осуществление второй милости. Если он желание твое не удовлетворит, жалуйся на свою судьбу, а на него не жалуйся, ибо если бы он твоих жалоб боялся, то, конечно, просьбу твою удовлетворил бы.

Если он человек низкий и скупой, то когда он трезв, ничего у него не проси, а когда будет опьянен, проси, ибо низкие и скупые люди в опьянении щедрее, хотя на другой день они и раскаиваются. А если будет у тебя нужда к низкому человеку, знай, что ты достоин сожаления, ибо говорят: «Три вида людей достойны сожаления – разумный, который подчинен неразумному; сильный, над которым будет главенствовать слабый; и великодушный, который будет нуждаться в низком.

И знай из этих слов, которые мы сказали и изложили в предисловии, и о всяком деле сказали по разделу по мере сил своих, хотели мы ими как можно лучше воздать должное красноречию. Теперь я упомяну тоже и о профессиях, чтобы ты и это прочитал и узнал о том, что, может быть, понадобится. Ибо хотел бы я наукам, которые я знал, от первой до последней, тебя научить и их тебе изъяснить с тем, что, может быть, в час смерти, не заботясь о тебе, уйду я из этого мира. Хотя и сам я в знаниях только пеший, а если что-нибудь и знаю, то какую пользу принесут мой речи, ведь ты их от меня так же выслушаешь, как я их выслушивал от своего отца. Потому и нельзя тебе порицать [меня], я сам воздаю себе должное, чтобы не было нужды в обвинителе.

Но будешь ли слушать, нет ли, а о каждой профессии я скажу несколько слов, чтобы не оказаться скупым на слово, ибо на что моя природа была способна, то я и сказал, а Аллах знает лучше.

О богословии и законоведении

Знай, о сын, и будь осведомлен: в начале речи я сказал, что помяну также и о ремеслах, а под ремеслами я разумею не только содержание лавки и мастерской, ибо всякое дело, которым человек занимается, – это ремесло. И нужно, чтобы дело это он знал хорошо, дабы смог извлекать из него выгоду. Теперь, как я вижу, нет такого занятия и дела, за которое берется человек, чтобы в том деле можно было обойтись без предания и правильного распорядка, во всех

нужно знать распорядок, а занятий много, и каждое в отдельности изложить нельзя, ибо книга выйдет слишком длинной и отойдет от основной цели и назначения.

Но все существующие виды распадаются на три рода: или наука, имеющая связь с каким-нибудь занятием, или занятие, имеющее отношение к науке, или занятие по побуждению разума.

Науки, относящиеся к какому-нибудь занятию, это – медицина, астрология, математика, землемерие, поэзия и тому подобное; занятия, связанные с наукой, – музыка, врачевание лошадей, строительство, постройка каризов и тому подобное. И у каждого из них свой порядок: если ты обычая и порядка их не знаешь, то хотя бы ты был мастером в этом отношении, но будешь словно пленник.

А занятия известны, излагать их нужды нет, по возможности покажу тебе распорядок каждого [из них], ибо могут быть только два случая: или тебе будет нужно изучить их по случайностям времен и превратностям судьбы, тогда в миг нужды ты будешь осведомлен о тайнах каждого из них, а если это не понадобится, будет знатность, а знатным людям нельзя не знать науку о ремеслах.

Знай же, о сын, что ни из какой науки ты не извлечешь столько выгоды, как из [науки] духовной. Ибо, если ты хочешь извлекать пользу из мирской науки, то не сможешь, если не присоединишь к этому какое-нибудь умение. Так, наука о шариате; если [ученый] не будет работать в качестве судьи, или душеприказчика, или преподавателя, или проповедника, то и мирских выгод ему не достанется. В астрологии, если он не займется составлением календарей, составлением гороскопов, предсказанием и гаданием, всерьез или в шутку, то и мирской выгоды астрологу не достанется. В медицине, если не займется уловками, обманом и приписыванием лекарств, кстати и некстати, то не добьется врач мирских желаний.

Поэтому лучшая наука – наука о вере, ибо основа ее – всегда признание единства Аллаха, производные дисциплины – веления шариата, а в осуществлении ее на практике – мирские выгоды. Потому, о сын, если можешь, займись богословием, дабы получить и этот мир и мир будущий. Если будет возможность, сначала изучи

основы религии, а затем уже и производные дисциплины, ибо они без основ – только бессмысленное подражание.

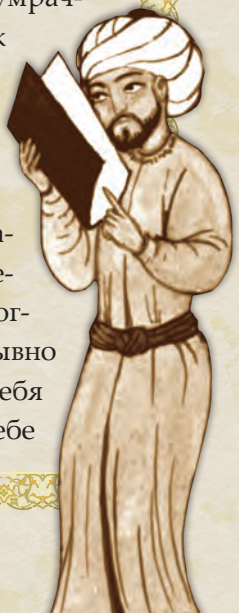
Отступление. Затем, если из профессий, как я сказал, ты изберешь богословие, ты должен стать осмотрительным, воздержанным, любящим науку, враждебным к мирской суете, терпеливым, не обидчивым, поздно ложащимся и рано встающим, алчным до писания, смиренным, не отвращающимся от работы, заучивающим наизусть, твердящим речи, исследующим жизнеописания, изу-чающим тайны, другом ученых, вежливым, жадным до учения, не стесняющимся и благодарным к своему учителю. Ты должен всегда иметь при себе книги, и тетради, и калам и каламдон*, и чернильницы, и нож для подрезания калама, и тому подобные вещи и, кроме этого, ты ни к чему не должен привязываться сердцем. Все, что услышишь, ты должен запоминать и повторять. Будь молчаливым и дальновидным. Не довольствуйся одним внешним повторением слов. Всякий изучающий богословие, если будет таким, то вскоре станет единственным человеком своего времени.

Отступление. А если ты будешь ученым муфти, будь благочестив, быстр на ответ, силен памятью, много учись и не преступай правил служения Аллаху, молитвы и поста. Не будь, однако, двуличным. Содержи в чистоте тело и одежду. Имей всегда наготове ответ, но пока не обдумаешь хорошенько вопрос, фетвы* не давай без основания. Не довольствуйся слепым подражанием и не действуй в подражание кому-либо. Свой взгляд цени высоко. Не довольствуйся какими-нибудь двумя толкованиями и высказываниями и поступай только по писаниям лиц, заслуживающих доверия. Не считай всякую книгу и тетрадь записей заслуживающей предпочтения. Если услышишь предание, то не смотри на неизвестных передатчиков, а полагайся только на передатчиков известных. Не доверяй преданиям, передаваемым со слов единичных [передатчиков], разве только если они будут заслуживать доверия, но передачи*, передаваемой по непрерывной цепи, не избегай. Исследуй [предания], но не высказывайся пристрастно.

Если вступишь в диспут, считайся с противником. Если у тебя на него сила и ты знаешь, что слова его будут неудачны, вступай в вопросы. В противном же случае отложи спор и довольствуйся одним примером. На основании одного [единственного] доказательства не опровергай и не отклоняй. Помни [свое] первое слово, чтобы последнее его не испортило. Если диспут будет с факихами*, прежде всего выдвигай традицию и традицию предпочитай аналогии и возможности. В диспуте с усули* не беда объединять должное, недолжное и невозможное. Старайся точно установить конечную цель и говори изящно. Не говори отрывисто, но и не затягивай и не говори бессмыслицы.

Отступление. А затем, о сын, если будешь проповедником, будь хафизом и много помни наизусть. На кафедру садись быстро и не вступай в диспут, разве, когда знаешь, что противник слаб. На кафедре что захочешь, то и утверждай, а если будут задавать вопросы, бояться нечего, ты только будь красноречив и знай, что собравшиеся на твою беседу – скоты.

Как хочешь, так и говори, только не запутывайся в словах, но одежду и тело держи в чистоте, а муридов* заведи крикливых. Когда они сидят на твоей беседе, на каждое сказанное тобой меткое слово пусть кричат и подогревают собрание. Когда люди заплачут, ты по временам тоже плачь, а если запутаешься в речи, не пугайся, а переходи к молитвам и славословиям. На кафедре не будь сумрачным и не делай кислого лица, ибо тогда и собрание твое, как ты, будет сумрачно. Ведь сказано, что всякое усилие тяжеловесного – тяжеловесно. Будь оживленным во время речи и посреди жара не становись внезапно вялым. Все время следи за слушателем, если слушатель хочет смирения, так и говори, если же хочет притчу, скажи притчу. Когда узнаешь, на что падка толпа, и когда тебя оценят, не бойся [ничего], все продавай за сладкоречив и наилучший товар, ибо, когда ценят, все возьмут. Но, когда тебя ценят, все же непрерывно остерегайся, ибо враг при успехе и появляется. Там, где у тебя успеха не будет, не оставайся. На всякий вопрос, который тебе



зададут на кафедре, если знаешь что-либо, ответь, а если чего не знаешь, скажи, что просили помолиться. Речи, сказанные тобой на беседе, запоминай, чтобы не повторять их в другой раз. Будь всегда приветливым, и в городах долго не задерживайся, ибо у проповедников и гадателей хлеб в ногах. При успехе будь приветлив, поддерживай честь проповедников. Шариатские предписания, такие, как молитву и пост, явно и тайно соблюдай хорошо, добровольно. Будь убедителен. На базары не ходи, ибо там тебя увидит много простого люда, а нужно, чтобы в глазах простого люда ты был почтенным.

Дурных сотоварищей остерегайся и почет минбара соблюдай, хотя об этом условии мы уже упоминали в другом месте. Заносчивости, лжи и взяток избегай, людям приказывай делать то, что делаешь сам, дабы люди были к тебе благосклонны.

Науку изучи хорошо и то, что узнал, применяй в красивых выражениях, дабы не быть посрамленным и [обличенным] в лишенных основания притязаниях. При произнесении речи и увещании все, что говоришь, говори, [объединяя] страх и надежду: не лишай людей раз и навсегда упования на милосердие Аллаха, но и не посылай их сразу в рай без служения Аллаху. Говори больше то, в чем ты искусен и что тебе хорошо известно, чтобы не сделать в речах неосновательных притязаний, ибо неосновательное притязание имеет плодом посрамление.

А затем, если от учености добьешься высокого сана и станешь судьей, то, получив судейскую должность, будь сдержанным и спокойным, хитрым и сообразительным, предусмотрительным и разбирающимся в людях, государственным и мудрым в религиозной науке, осведомленным о путях обоих толков и уловках всякого толка и распорядках всяких сект и различных групп. Нужно, чтобы тебе были известны юридические тонкости, дабы, если придет на суд обиженный, а свидетелей у него не будет и он будет подвергаться обиде и право его будет напрасно, ты мог помочь этому обиженному и обдуманно и путем разных уловок восстановить право этого достойного защиты человека.

Рассказ. Был человек в Табаристане, звали его кази-ал-кузат Абулаббас Руйяни. Был он ученый человек, праведный, предусмотри-

тельный и рассудительный. Как-то раз пришел к нему на заседание человек за решением и утверждал, что другой должен ему сто динаров. Кази спросил ответчика, тот отказался. Кази спросил истца: «Свидетели у тебя есть?» Он ответил: «Нет». Кази сказал: «Тогда я заставляю ответчика принести присягу». Истец горько зарыдал и воскликнул: «О кази, не приводи его к присяге, он даст ложную присягу и не побоится». Кази сказал: «Я не могу отойти от шариата, или нужно, чтобы у тебя были свидетели, или я должен привести его к присяге». Человек бросился в прах перед кази и сказал: «Пощади, у меня свидетелей нет, а он присягнет, и я буду обижен и обманут, помоги мне как-нибудь». Кази, когда увидел, что человек так убивается, понял, что он говорит правду. Сказал он: «О ходжа, расскажи мне о том, как ты дал [ему] в долг, чтобы я мог узнать, какова основа этого [дела]». Обиженный ответил: «О кази, был этот человек столько-то лет другом моим. Случайно влюбился он в служанку-рабыню, цена [ее] сто пятьдесят динаров, а средств у него не было совсем. Ночь и день рыдал он, как влюбленные, и тосковал. Как-то раз пошли мы на прогулку, я и он, в одиночестве бродили по степи. Присели мы на часок. Этот человек все говорил о рабыне и горестно рыдал. Сжалился я над ним, ибо он был двадцать лет моим другом. Сказал я ему: «О такой-то, у тебя нет золота на полную стоимость ее, да и у меня нет. Не знаешь ли ты кого-нибудь, кто мог бы помочь тебе в этом, у меня из всего имущества сто динаров, которые я скопил за долгие годы. Эти сто динаров я тебе дам, а с остальным ты как-нибудь устройся, чтобы купить рабыню и продержать ее месяц, после, через месяц, продашь и золото мне вернешь». Тот человек бросился передо мной в прах и поклялся: «И месяца не продержу, а потом, с убытком ли возьмут или с выгодой, продам и золото тебе верну».

Я достал золото из пояса и дал ему, и были [при этом] я да он, да господь всевышний. Теперь прошло уже четыре месяца, ни золота я не вижу, ни рабыни он не продает». Кази спросил: «Где ты сидел в то время, когда давал ему золото?» Ответил: «Под деревом». Кази спросил: «Раз ты был под деревом, почему же ты сказал, что у

тебя нет свидетеля?» Потом обратился к ответчику: «Посиди здесь у меня», и сказал истцу: «Не беспокойся, ступай под то дерево и скажи, что кази тебя зовет, сначала соверши два раката молитвы и несколько раз призови благословения на пророка, а затем скажи: «Кази говорит: приди и дай свидетельство»».

Ответчик улыбнулся. Кази заметил, но не подал виду, а сам вскипел. Истец сказал: «О кази, боюсь, что то дерево не придет по моему приказу». Кази ответил: «Возьми эту мою печать и скажи дереву, что это – печать кази, он говорит – приди и дай свидетельство, как это тебе полагается, предо мной».

Человек взял печать кази и ушел, а ответчик остался сидеть здесь же перед кази. Тот занялся другими делами, а сам на этого человека даже не глядел. Вдруг посреди решений он обратился к человеку и спросил: «Такой-то уже дошел?» Тот ответил: «Нет еще, о кази». И кази снова занялся делами.

А тот человек снес печать и предъявил дереву и сказал: «Тебя зовет кази». Посидел он некоторое время, понял, что от дерева ответа не будет, опечаленный пошел назад, пришел к кази и сказал: «О, кази, я сходил и предъявил печать, и оно не идет». Кази сказал: «Ошибаешься, дерево пришло и свидетельство дало». Обратился к ответчику и приказал: «Подавай золото этого человека!» Тот воскликнул: «Пока я здесь сижу, никакое дерево не приходило и свидетельства не давало». Кази сказал: «Дерево не приходило и свидетельства не давало, но если ты не брал от него этого золота под тем деревом, то когда я спросил, дошел ли уже этот человек до того дерева, ты ответил, нет еще, ибо отсюда туда далеко. Если ты не брал золота под тем деревом, то откуда же тебе известно, дошел он или нет? Если бы ты не брал золота, то спросил бы меня, какое дерево, я никакого дерева не знаю, ибо я под тем деревом золота от него не брал и не знаю, куда пошел человек».

[Так] он вынудил того человека сознаться, взял у него золото и отдал хозяину.

Итак, не все приговоры произносят по книге, нужно измышлять их и от себя. Но на судебных заседаниях чем грознее и мрачнее ты

будешь сидеть без усмешки, тем больше будет тебе честь и почет. Будь важным и малоречивым, но к выслушиванию дел и произнесению приговоров не остывай, не томись этим и будь терпелив. И когда встретится трудный вопрос, не полагайся на свое мнение, а посоветуйся и с муфтиями. Постоянно придерживайся ясных мыслей и не прекращай учиться, изучать вопросы и толки. Как я сказал, применяй и опыт, ибо, по шариату, голос кази равен закону, и много бывает решений, которые по шариату трудны, а кази их легко решит. И если кази является муджтахидом*, то это дозволено.

Итак, кази должен быть воздержанным, праведным, и целомудренным, и муджтахидом. Но нужно, чтобы в некоторые определенные времена он решений не произносил: во-первых, будучи голодным, во-вторых, страдая от жажды, в-третьих, когда он только что вышел из бани, в-четвертых, во время печали, в-пятых, когда встретятся у него мирские заботы.

Надо ему иметь расторопных векилей и не позволять, чтобы во время решения при нем рассказывали истории и похождения и излагали свои обстоятельства. Кази обязан произносить приговор, а

не расследовать, ибо много таких розысков, которые лучше не делать, чем делать. Пусть сокращает речи и быстро переходит к свидетельству и присяге.

Там, где он знает, что [есть] большее имущество, а люди [стороны] наглы, пусть применит все средства и изыскания, какие только может, тогда он не совершит ошибки и не отнесется легко [к своей обязанности]. Пусть он всегда имеет при себе добрых и справедливых людей. Произнесенное решение пусть никогда не отменяет и поддерживает свой приказ крепким и прочным. Пусть никогда не пишет своей рукой кабала* и маншур*, разве что встретится необходимость. Пусть он высоко ценит свое письмо и только ставит печать под своими словами. И лучшая добродетель для кази – знание и смирение.

А если ты не займешься этим делом и не будет тебе на это вспомоществования и не станешь также и воином, то займись торговлей, может быть, от нее тебе будет прибыль, ибо все, что добыто торговлей, дозволено и всеми одобряемо, а вспомоществование от Аллаха.

О торговле

О сын, знай и будь осведомлен, что торговля на базарах хотя и не такое ремесло, которое можно было бы назвать добрым искусством, но, если присмотреться по-настоящему, то обычаи ее, как обычаи ремесленников. Мудрецы говорят, основа торговли покоится на глупости, а производные ее дисциплины – на разуме. Как говорят: «Если бы не глупцы, погибли бы мужи», т. е. если бы не было неразумных, мир бы разрушился.

И этим я хочу сказать, что кто из алчности с востока едет на запад, по горам и морям, и подвергает опасности жизнь, и тело, и имущество, не страшится разбойников, и бродяг, и пожирающих людей хищников, и небезопасных путей, людям [запада] доставляет блага востока, а людям востока доставляет блага запада, тот, конечно, содействует процветанию мира, а это – не кто иной, как купец. Но такие опасные дела совершает тот, у кого закрыты глаза разума.

Торговли два вида, и оба опасны: один – сделка, другой – путешествие. Сделки совершают оседлые, которые покупают неходкий товар в расчете на повышение цены, и опасность здесь [грозит] имуществу. Надо быть смелым и предусмотрительным человеком, чтобы решиться покупать неходкий товар в расчете на повышение. Про путешествующего купца я уже сказал, каков он. В обоих случаях нужно, чтобы купец был смелым и бесстрашно [рисковал] имуществом. Но при смелости он должен быть верным и честным и не стремиться ради своей выгоды к убытку других людей и ради своей выгоды не искать вреда людям. Сделки он должен заключать с тем, кто ниже его, а если заключит с тем, кто выше его, пусть заключает с честным, верным и благородным. Обманщиков пусть остерегается, а с людьми, в товарах толка не знающими, пусть не связывается, чтобы защитить себя от убытка. Пусть не связывается также с людьми малоимущими и глупыми, а если свяжется, пусть не надеется на прибыль, чтобы не пострадали хорошие отношения, ибо очень часто дружба по причине небольшой выгоды или убытка разрушалась. Пусть в расчете на прирост не заключает сделки в кредит, ибо часто прирост этот результатом имеет ущерб, и малая осмотрительность приносит большой изъян.

Как я говорю:

Я сказал, если я от нее удалюсь,
Может быть, сердце мое больше не будет томиться по ней.
С тех пор как удалился я, удалился я и от сна, и пищи,
Большой ущерб несет необдуманность.

И о мотовстве на счет приобретаемого – можно проедать прибыль на капитал, а капитал проедать не следует, ибо наибольший

ущерб для купца – проедать капитал. Лучшим товаром считай тот, который покупают на ратли*, а продают на дирхемы, а худшим – то, что наоборот. Покупки зерна в расчете на прибыль остерегайся, ибо продавец зерна всегда злой человек и злонамеренный. И наибольшая злонамеренность при торговле – это лгать, ибо ни кафиру, ни мусульманину не годится лгать покупателю. Как я говорю в дубейте:

О ты, любовь к которой зажгла сияние в моем сердце,
Забота о тебе наложила ярмо мне на шею.
Любовь твою я купил ценой жизни и сердца,
А ты знаешь, что при покупке лжи не говорят.

Не купив, не нужно ничего упускать. В сделках не надо стесняться, ибо хитрецы говорят, что застенчивость уменьшает хлеб насущный. Пусть он не делает себе привычкой стесняться наживы, но и не приучается к неблагородству, ибо мастера этого ремесла говорят, основа торговли – приобретение и благородство. Разве приобретение не охраняет имущество, а благородство сон? Как я слышал рассказ.

Рассказ. Слыхал я, что как-то раз один купец у дверей лавки перекупщика заключил сделку на тысячу динаров. Когда заключение сделки подошло к концу, между купцом и перекупщиком вышло разногласие насчет опилка золота. Перекупщик говорил: «Тебе от меня следует один золотой динар». Купец отвечал: «Один динар и еще опилок». Об этом расчете шла [у них] речь с раннего утра и до второй молитвы, купец докучал и кричал и ни за что не желал отказаться от своих слов. Наконец, перекупщику надоело, и он дал купцу динар с опилком. Купец взял и ушел. Все, кто это видел, порицали купца. Подручный перекупщика побежал за купцом и сказал: «Эй, ходжа, дай чаевые». Купец дал ему динар с опилком. Мальчик пошел назад. Перекупщик прикрикнул на него: «О незаконнорожденный, ты же видел, что выделывал этот человек ради одного тасуджа* с раннего утра и до второй молитвы, даже посторонних не стыдился, а ты захотел, чтобы он тебе что-нибудь дал». Мальчик показал хозяину золото. Тот поразился и сказал про себя: «Велик Аллах! Ведь мальчишка некрасив и совсем маленький, нельзя же иметь

на него дурных намерений... но почему такой скупой человек поступил так великодушно?»

Перекупщик пошел следом за купцом и спросил: «О шейх, видел я диво от тебя, целый день до второй молитвы ты меня терзал и мучил ради тасуджа золота, а потом все подарил моему подручному. Чего ради были эти терзания, и откуда такая щедрость?» Тот ответил: «О ходжа, не удивляйся моим делам, я – купец, а в купеческом деле при покупке и продаже и вводе во владение, если меня обманут на один дирхем, то это все равно, как если бы меня обманули на полжизни. Но в момент благородства, если я по отношению к кому-либо поступлю неблагородно, то это все равно, как если бы я засвидетельствовал, что я нечистого рода. А я не хочу ни быть обманутым на [пол]жизни, ни быть нечистого рода».

Купец, обладающий малым капиталом, должен остерегаться вступать в товарищество, а если вступит, то только с человеком благородным, богатым и совестливым, чтобы в случае несчастья не было от него обиды. Он не должен также на капитал покупать такой товар, на хранение которого понадобится большой расход, а также не покупать того, что может сломаться или умереть. Капиталом пусть не рискует, разве, когда знает, что если и понесет убыток, то не больше, чем на половину капитала.

Если кто-нибудь даст письмо – свези, мол, в такое-то место, то сначала прочитай, потом доставляй, ибо много бед в запечатанном письме, нельзя знать, как обстоит дело. Писем людей нуждающихся не бойся. В какой бы город ты ни приехал, ложных слухов не распространяй. Сейчас же по приезде не сообщай ни о чьей смерти, а радостное известие сообщить случая не упусти. Без спутника в путь не пускайся, а спутника ищи верного. В караване останавливайся в людном месте и товары клади в людном месте. К вооруженным не ходи и с ними не сиди, ибо грабители прежде всего нападают на вооруженных. Если он идет пешком, пусть к конному не присоединяется. У чужих людей дороги пусть не спрашивает, разве что у праведного мужа, ибо много есть нечестных людей, которые укажут неверный путь, пойдут следом и отнимут товары.

Если повстречаешь кого-нибудь в пути, приветливо пожелай ему мира и не подавай виду, что ты смущен или устал. Сборщиков податей не обманывай, а старайся обольстить вежливостью и мягкими речами. Без провианта в путь не пускайся, летом без зимней одежды не выезжай, даже если бы дорога шла по самым обитаемым местам. Погонщика старайся удовлетворить. Когда приедешь в место, где ты незнаком, слишком смело знакомств не заводи, а выбери верного перекупщика.

Водиться тебе нужно с тремя видами людей: благородными и хитрыми, богатыми и великодушными и соблюдающими чужие права. Старайся привыкнуть и к холоду, и к жаре, и к голоду, и к жажде. На отдыхе не роскошествуй, чтобы, если поневоле придется терпеть нужду, было легче [переносить]. Все, что можешь, делай сам и ни на кого не полагайся, ибо мир быстро обманывает. При покупке и продаже будь ловок, честен, правдив. Много покупай и скорее продавай. Пока можешь, в кредит не торгуй, а если и будешь, то с известными людьми этого все же не делай. С неимущими, недавно разбогатевшими, учеными, алидами, детьми, приближенными доверенными казиев, городскими муфтиями и придворными слугами – никогда не веди дел, а кто поведет – не избавится от огорчений и раскаяния. Людей неопытных ни в чем не считай надежными, не испытав человека, ему не доверяй, а испытанного каждый раз снова не испытывай, испытанного на неиспытанного не меняй, что, мол, верный человек найдется, ибо есть поговорка: «Испытанный див лучше неиспытанного человека». Людей испытывай другими людьми, а потом уже сам, потому что всякий, кто тебе не годится, может быть, и другим не годится. Кого испытываешь, испытывай на деле, а не на словах: воробей наличными лучше павлина в кредит. Если в путешествии по суше заработаешь половину на десять, то не пускайся в море ради одного на десять, ибо в морском путешествии барыш по щиколотку, а убыток по горло, и не нужно, гоняясь за малым, пускать на ветер большой капитал. Ведь если на суше случится несчастье, так что добро погибнет, то, может быть, жизнь-то останется. А на море угроза и тому, и другому – добро можно

снова нажить, а жизнь нет. Море сравнивали также и с падишахом: сразу все достается, но сразу и теряется. Но если ради того, чтобы подивиться на чудеса, разок по морю и поедешь, то это можно, ибо посланник сказал, благословение Аллаха и мир над ним: «Пуститесь по морю раз и посмотрите проявления величия господа всевышнего». При торговле можешь немного колебаться, но выжидай, сообразно товару.

Дела свои целиком другим не поручай, ибо говорят, что чужими руками змею ловить хорошо выходит. Веди всегда подсчет своим барышам и убыткам. Своей рукой никогда не пиши обязательств, чтобы иметь всегда возможность отказаться, если тебе захочется. Будь хозяйственным, чтобы защитить себя от ошибок и оплошностей. С рабами и домашними всегда веди счет и требуй отчета в своих делах и проверяй, чтобы не терять осведомленности о своих барышах и убытках. Обманщиков остерегайся и сам не обманывай людей, ибо всякий, кто обманывает людей и думает, что их обманул, ошибается – он обманул сам себя.

Рассказ. Был человек, овцевод, имел он много стад, и был у него пастух, крайне благочестивый и праведный. Каждый день приносил он хозяину овечье молоко, сколько его было, независимо от прибыли и убыли, больше или меньше, столько, сколько получил. Тот человек, которому он приносил молоко, добавлял туда воды, давал пастуху и говорил: «Ступай, продай». Пастух увещевал того человека и наставлял его: «О ходжа, не обманывай мусульман, ибо кто обманывает людей, тот кончит непохвально». Тот не слышал речей пастуха и все также подливал воду, пока случайно как-то ночью он уложил этих овец в [сухом] русле реки, а сам поднялся на высокий холм и заснул. А было это весной. Внезапно на горах выпал великий дождь, пошел горный поток [сель], попал в это русло и погубил всех этих овец.

Ты сказал бы, эта вода капля за каплей,
Накоплялась, пока не унесла стада.

Пришел пастух в город и явился к хозяину овец без молока. Тот спросил: «Почему ты не принес молока?» Пастух ответил: «О ход-

жа, я сказал тебе – не подмешивай в молоко воды, это – обман, ты меня не послушал. Теперь вся эта вода, которую ты продавал людям по цене молока, собралась вместе, а вчера ночью ринулась и унесла всех твоих овец».

Пока можешь, берегись обмана, ибо кто раз стал обманщиком, тому никто уже не доверяет. Держись прямоты, ибо лучшее правило – прямота. Будь хорош в сделках и честен в торговле. Никому ничего не обещай, а если обещаешь, не нарушай обещания. При торговле не говори лжи. Если заговоришь, говори правду, чтобы господь всевышний благословил твое дело. В сделках, когда берешь или даешь документ, будь внимателен. Когда нужно отдать документ, пока сначала не получишь то, что тебе причитается, документа из рук не выпускай.

Если будешь путешествовать и [поедешь] в город, где ты никогда ранее не был, поезжай с письмом к какому-нибудь знатному лицу, приди к нему на поклон. Может быть, пригодится, а если нет, вреда тоже не будет. Ведь нельзя знать, как дело обернется. Старайся ладить с людьми, а с непокладистыми, невежественными, глупыми, ленивыми, не совершающими намаза, наглыми не путешествуй. Ибо сказано: «Сначала спутник, а потом путь».

Если кто тебе доверяет, не обманывай его доверия к себе. Если что будешь покупать, не видав, без показа не покупай. Кто тебе доверяет, тому и ты доверяй. Если что захочешь продать, сначала узнай цену, а условно и по соглашению не продавай, чтобы избавиться в конце концов от исков и разговоров. И соблюдай хозяйство, ибо величайшая торговля – домашнее хозяйство, и нужно, чтобы ты его не расстраивал.

Все домашние запасы в году покупай раз, в положенное время. Из всего, что тебе нужно, покупай вдвое против того, что нужно на год. Потом следи за ценой и, когда цена поднимется, из всего половину продай, из закупленного, тогда целый год прокормишься даром. И нет в этом ни греха, ни позора, и никто тебя за это не обвинит в скупости. Это тоже относится к хозяйственности. Когда увидишь в своем хозяйстве ущерб, постарайся найти способ умножать

свой доход, чтобы тот ущерб не постигал твоего хозяйства. А если способа умножить доход не знаешь, сократи расходы, это все равно, что увеличить доход.

Ну, а если тебе торговля не понравится и захочешь ты стать славным в науке, то после науки о вере, нет более полезной и почтенной науки, чем наука врачевания, ибо посланник сказал, да благословит его Аллах и пошлет ему мир, что наука существует двух видов – наука о религиях и наука о телах.

О распорядке науки врачевания

Знай, о сын, что, если станешь ты врачом, должен ты основы врачевания изучить хорошенько, как часть теоретическую, так и часть практическую, и должен знать, что то, что в теле имеется, – или по природе, или же вне природы. А природного три вида: один вид его – то, чем держится устойчивость и прочность тела; другой вид – то, что вытекает из тех явлений, которыми держится устойчивость и прочность тела; третий вид – то, что заставляет тело переходить из одного состояния в другое состояние. То, что вне природы, на-

носит вред действием или через какое-либо посредство, или непосредственно, или же вредоносным является само действие.

То, чем держится тело людей, – или материально, или формально. Материальное или крайне удалено, как элементы, а число их – четыре: воздух, огонь, земля, вода, или же ближе элементов, как темпераменты, и их число – девять: один уравновешенный и восемь неуравновешенных, четыре простых и четыре сложных; или же еще ближе темпераментов, как составные части, а их число четыре: как флегма [желчь, меланхолия и кровь], или еще ближе составных частей, как части тела, и их число по одному учению – четыре, по другому – два.

А значение сказанного мною то, что члены тела сложены из составных частей, а составные части – из темпераментов, а темпераменты – из элементов и элементы – наиболее удаленная материя.

Формальное – трех видов: энергия, действие и дух. Энергии трех видов: душевные, животные и природные. Душевные – сила и чувство, а их пять видов: зрение, вкус, слух, обоняние и осязание. Что же касается способностей, то их число и виды соответствуют числу членов тела, способных к движению. И есть сила направляющая, и она трех видов: воображение, и мысль, и память. Животная энергия – двух видов: активная и пассивная. Природная – трех видов: производящая, организующая и ассимилирующая. Действия по числу сил: душевные, животные и природные, ибо дух – слуга энергии*, и, раз это так, число действий как раз соответствует числу энергий.

А то, что является следствием факторов, поддерживающих устойчивость тела, вроде жирности, которая следствие холодности темперамента, или вроде сухощавости, которая следствие жаркости темперамента, как румянец – следствие крови, или бледность – следствие желчи, или движение пульса – следствие активной силы из числа животных сил, или гнев – следствие пассивной силы из числа животных сил, или мужество – следствие равновесия животной силы, или целомудрие – следствие равновесия силы сладострастия, как мудрость – следствие уравновешенности души говорящей и как акциденции и качества, которые следуют материи или форме.

То, что заставляет тело переходить из состояния в состояние, называется необходимыми причинами, и их шесть видов: первый – воздух, второй – пища, третий – движение и покой, четвертый – сон и бодрствование, пятый – состояние довольства и подавленности, шестой – душевные состояния, как печаль, гнев, страх и тому подобное. Необходимыми их называют, так как людям не обойтись без любой из них, и каждая из них обладает действием на тело человека, каждая в своем роде полнейшим. Когда какая-нибудь из них в равновесии, то и употребление всех их у людей правильно и уравновешено. Но если одна из них выйдет из состояния равновесия или люди будут пользоваться какой-либо из них неправильно, возникнет болезнь и недуг в результате имевшегося излишества. То, что вне природы, – трех видов: или причины болезни органов взаимоподобных, или причины болезни органов невзаимоподобных, или причины распадения связи.

Причина болезни органов взаимоподобных – или болезнь горячая, а их пять видов, или болезнь холодная, а их восемь видов, или болезнь влажная, или болезнь сухая, а их четыре вида каждой. Причина болезни органов невзаимоподобных – или по причине недуга, заложенного во внешней форме, или в количестве, или положении, или числе, а причины болезней внешних – или причина болезни внешней формы, или проникновение вглубь, или образование внутренней полости. Бывает оно трёх родов: или по причине затвердевания, а это двух видов, или по причине расслабления, и это [тоже] двух видов. Причины болезни количества – трех родов, причины болезни положения и причины болезни числа – «то, и другое двух видов. Распадение сочленений бывает четырех видов. Болезни – трех видов: болезни органов взаимоподобных и болезни невзаимоподобных [органов] и распадение сочленений, которое называют болезнью общей, оно попадает и на взаимоподобные, и на невзаимоподобные органы.

Болезни взаимоподобных органов – восьми видов: четыре простые: горячие, холодные, влажные и сухие; и четыре сложные: горячие и влажные, горячие и сухие, холодные и влажные и холодные и

сухие. Болезни невзаимоподобных органов – четырех видов: болезни во внешней форме, в количестве, в положении и в числе. Болезни внешней формы – четырех видов: или в форме, или в глубине, то, что возникает путем затвердения, и то, что возникает путем размягчения. Болезни количества – двух родов: то, что возникает путем увеличения, и то, что возникает через ущербление. Болезни положения – тоже двух родов: или орган сдвигается со своего места, или нарушает связь других органов. Болезни числа – тоже двух видов: или увеличение, или уменьшение.

Распадение же сочленений попадает или на взаимоподобные органы, или же на органы невзаимоподобные, или же и на те, и на другие.

Симптомы – трех видов: или то, что связано с действиями, или с состояниями тела, или появляется в извержениях. То, что связано с действиями, – трех видов, то, что связано с состояниями, – четырех видов, то, что связано с извержениями, – трех видов.

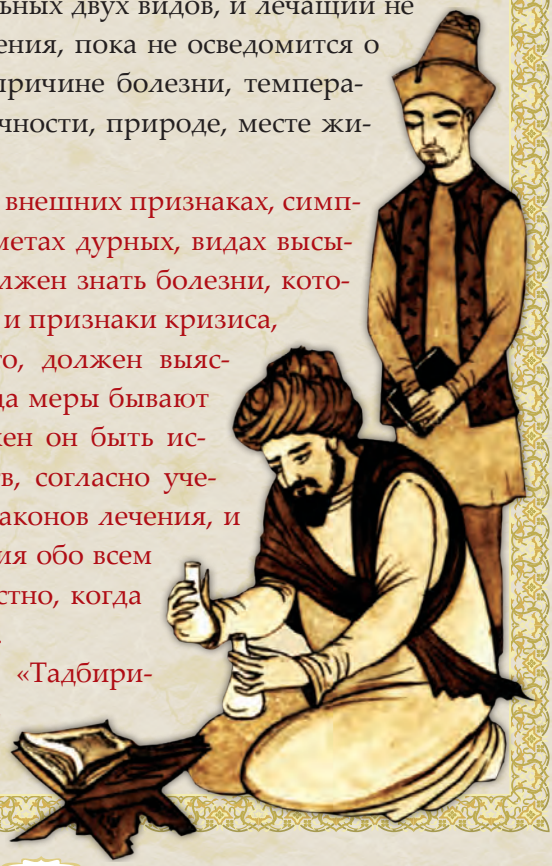
Ты должен знать, что наука врачевания имеет два раздела: теорию и практику. Теоретический раздел – то, что я сказал. Теперь я скажу, где нужно искать всю эту теорию, хорошую и плохую, о которой я говорю, дабы ты знал, где нужно искать все это в комментированном и подробно изложенном виде.

То, что мы упомянули, Гален упоминает в комментариях и подробном изложении: большую часть в «Шестнадцати» [трактатах]. Что же помимо этой [работы], науку об элементах, в той мере, в какой это нужно врачу, ищи в книге «Истиксат» из числа «Шестнадцати». Науку о темпераментах – в книге «Мизадж» из числа «Шестнадцати». Науку о составных частях – из второго отдела книги «Кува-т-табиа», тоже в числе «Шестнадцати», науку о взаимоподобных органах ищи в «Малой анатомии» тоже из «Шестнадцати», науку о невзаимоподобных органах ищи в «Большой анатомии», не входящей в «Шестнадцать», науку о силах природы – в книге «Кувat-табиа» из «Шестнадцати», о животных силах—в «ан-Набд», тоже из «Шестнадцати», о душевных силах – в книге «Взгляды Гиппократа и Платона», это тоже из сочинений Галена, но не входит в «Шест-

надцать». Если же хочешь вполне овладеть этой книгой и превысить уровень изучения, то науку об элементах и темпераментах ищи в книге «Аль-Каун ва-л-фасад» и книге «Ас-Сама ва-л-олам». Науку о силах и действиях ищи в книге «Ан-Нафс» и книге «Аль-Хисс ва-л-Мах-сус», науку об органах – из книги «Ал-Хайванат», а о видах болезней – из первого раздела книги «Ал-Илал ва-л-Амрад» из числа «Шестнадцати». Причины симптомов ищи в третьем разделе этой же книги, а причины болезней – в разделах четвертом, пятом и шестом, все в той же названной мною книге.

Отступление. Раз я упомянул теоретическую часть, то уж поневоле приходится упомянуть и кое-что из части практической, хотя изложение и удлиняется, ибо теория и практика, как тело и дух, обе вместе, тело без духа и дух без тела не полны.

Когда будешь лечить, думай о пище стариков, юношей и выздоравливающих, ибо лечение больных двух видов, и лечащий не должен начинать никакого лечения, пока не осведомится о силе больного, роде болезни, причине болезни, темпераменте, возрасте, профессии, личности, природе, месте жительства и состоянии тела.



Отступление. О моче, пульсе, внешних признаках, симптомах, признаках добрых, приметах дурных, видах высыпов и пятен на больном. Он должен знать болезни, которые нападают на внутренности, и признаки кризиса, наблюдаемого у возбужденного, должен выяснить виды горячек и какого рода меры бывают против недугов материи, должен он быть искусен и в составлении лекарств, согласно учению сторонников апологии и законов лечения, и должен знать, где найти сведения обо всем этом, дабы стало тебе это известно, когда начнешь искать в случае нужды.

О гигиене нужно искать в «Тадбири-асихха» из числа «Шестнадцати», о лечении больных и за-

конах лечения – в «Шестнадцати», о признаках добрых и дурных – в «Мукаддамат-ал-марифа» из «Разделов» Гиппократа, из большой «ан-Набд» и малой книги о пульсе, науку о моче – из первого раздела в «ал-Бухран» из числа «Шестнадцати» и в книге Галена, не входящей в «Шестнадцать». О знаках болезни внутри тела – из «Асаи акмах», тоже из «Шестнадцати», науку о кризисе – из «ал-Бухран» из «Шестнадцати», науку о сроках кризиса – из книги «Аям-ал-Бухран», тоже из «Шестнадцати», науку о горячках из «ал-Хамият» из «Шестнадцати», о лечении острых болезней – из книги «Ма ашшаир», из сочинений Галена, а о внутренних органах – в «Хилат ал-бар», и составлении лекарств у Галена.

Лечащий должен много экспериментировать, но на людях известных и знаменитых пусть не экспериментирует. Пусть работает в больнице, видит много больных и много лечит, дабы редкие болезни не были для него трудны и изменения органов от него не укрывались, и дабы он видел собственными глазами то, о чем читал в книгах, и не оказывался беспомощным в лечении. Нужно, чтобы он прочитал «Заветы» Гиппократа, чтобы быть в состоянии проявлять честность и прямоту в лечении больных. Пусть всегда себя и одежду свою содержит в чистоте и будет чист и надушен. Когда приходит к больному, пусть будет приветлив, весел и остроумен, развеселит больного, ибо подкрепление, которое врач даёт больному, умножает силу природного тепла.

Отступление. Если окажется такой больной, что подумаешь, он спит, позовешь, даст ответ, но тебя не узнает, открывает глаза и снова впадав в забытье, это – признак плохой. Также, если увидишь потерявшего знание, который, однако, цепляется за все руками и терзает себя и свое ложе, – тоже плохой признак. А также, если он без сознания, все время вскрикивает и хватает себя за руки и пальцы и сжимает их, тоже плохой признак. И если белок глаза у больного более обычного, а зрачок чернее, и он все время двигает языком во рту и тяжело дышит, – тоже плохой признак. Если он заболеет от зависти или сильного огорчения и задыхается, – то тоже плохо. Если больного все время рвёт, причем цвет [рвоты] красный, желтый, черный

и белый, и рвота не прекращается, – тоже вызывает опасения. Если больной чахнет и кашляет, возьми его мокроту на тряпочку и высуши, затем тряпочку вымой, останется след, это – тоже плохой признак. Этим всем, о которых я сказал, никаких лекарств не давай, пока у них есть эти признаки, ибо лечение пользы не принесет.

А потому, о сын, если приедешь к больному и этих признаков не будет, будь полон надежд.

Отступление. Потом пощупай пульс больного. Если он бьется и подымается под пальцем, знай, что кровь в излишке. Если он бьется под пальцем тонко и быстро, знай, что преобладает жизнь. Если он бьется под пальцем тихо, тонко, слабо, редко – преобладает меланхолия; если бьется под пальцем редко, сильно, медленно – преобладает влажность. Если он меняется, вынеси решение по тому, к чему он больше клонится.

Когда выяснишь пульс, посмотри в сосуд.

Отступление. Если моча светлая и непрозрачная, – он болен от печали, если светлая и прозрачная, – болезнь его от скученности и сырости плохого [воздуха]. Если она прозрачна, как вода, – он болен от неприятности. Если она цвета апельсина и в ней какие-то частицы, то болезнь от желудочного расстройства. Если она как масло, а на дне увидишь полосы, то это признак близости кончины. Если увидишь, что она шафранового цвета, знай, что у него горячка и желчь, а кровь с желчью сблизились. Если поверх мочи желтизна, а снизу она черновата, то это от желтой флегмы, не лечи, и если сверху мочи чернота, – также. Если снизу в сосуде она отливает в желтизну или зелень, то он скоро поправится. Если больной бредит и моча красная и черноватая, это черная флегма смешалась с кровью и ударила в голову, его тоже остерегайся. Если она черная и на ней налет вроде крови, к тому больному не ходи, если черная и в ней что-то вроде отрубей или кровавый налет, с тем больным распростись.

Если моча желтая и кажется такой, как сияющее солнце, или желтизна красновата, то причина в крови, прикажи сделать кровопускание, и скоро поправится. Если же она желтая и в ней красные нити, поручи его Аллаху. Если моча желтая и в ней белые нити, то болезнь

затянется. Если она зеленая, то причина в селезенке. Если она темно-зеленая, у того не задерживайся. Если светло-зеленая и в ней словно уксусные червячки, у него вздутие и геморрой, и он страдает бессилием.

Когда ты посмотришь пульс и мочу, ищи вид болезни, ибо болезни бывают негодного вида.

Отступление. Если ты установишь, что хватит диеты, не прибегай к лекарствам и мазям, а если будет достаточно растворов, компрессов и мазей, не прибегай к пилюлям и декоктам. И смотри, не будь слишком смелым в применении лекарств. Если наступит улучшение от тошноты и покоя, не излишествуй в рвотных. Но если наступит ухудшение, займись специальным лечением и не довольствуйся одним предписанием покоя. Никогда не вызывай у больного опасения [за его состояние] и заботься об этом больше, чем о самом больном, не говори, что ему стало хуже. Прожорливому больному строгой диеты не предписывай, он все равно ее не будет держать, ты устраняй только вред того, что он съест.

Самое же лучшее для врача – знать лекарства и болезни, а об этом мы сказали так много, потому что я эту науку о врачевании крайне люблю, полезная это наука. Потому я много и говорю, что люди любят говорить о том, что им мило.

Если же не случится [тебе заняться] этой наукой, то наука о звездах тоже крайне почетная наука. Постарайся [тогда] изучить науку о звездах, ибо это крепко великая наука по той причине, что это чудо ниспосланного пророка, который был славнейшим из пророков, мир над ними. Потому-то, без сомнения, это наука пророческая, хотя в наше время приказом шариата она и отменена.

О науке о звездах и геометрии

О сын, знай и будь осведомлен, что если ты станешь звездочетом, то старайся больше трудиться над науками математическими, ибо наука о научных предсказаниях обширна, целиком охватить ее невозможно без ошибки, ведь никто не бывает таким точным, чтобы не впасть в ошибку. Но, конечно, во всяком случае плод [изучения] звезд – предсказание, так же как при составлении календаря польза от календаря в предсказании. Потому-то, так как без предсказаний не обойтись, старайся хорошенько изучить их основы и стать опыт-

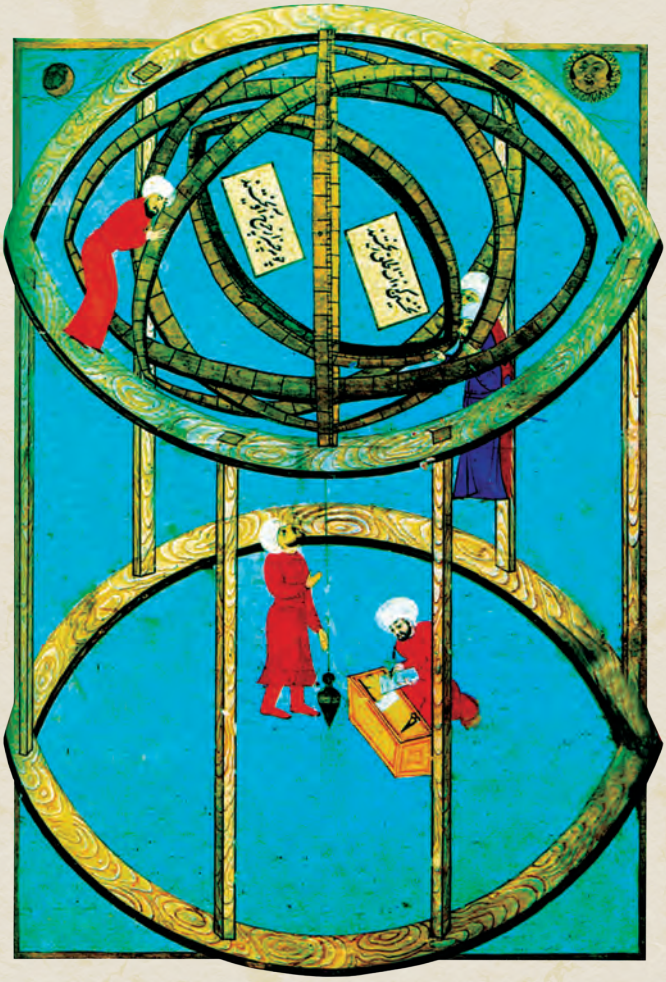
ным в составлении гороскопов. Ибо основа предсказания будет верна тогда, когда календарь планет составлен правильно и правилен гороскоп. Смотри же, на приблизительный гороскоп не полагайся, а не иначе, как на обстоятельный. Сначала [сделай] расчет и основательную проверку; когда расчет и проверка сойдутся, тогда и предсказание, которое ты из них выведешь, тоже сбудется.

И в каждом составляемом тобой предсказании не составляй таблицы и не открывай сокрытого [в нем], пока не установишь положения звезд, а также не установишь гороскоп, дом гороскопа, луну, знак зодиака луны, и господина знака зодиака луны, и характер знаков зодиака, и характер звезд, и до каких пор они будут в каждом знаке и как будут, и господина дома нужды, и как отходят от него луна и звезды, к которым подойдет луна, и те звезды, которые господствуют над градусом гороскопа, и дом тех звезд, которые господствуют над градусом движения звезд, и тех неподвижных звезд, к которым придет движение неподвижных звезд, или тех, которые по градусу и движению придут в затемнение, и градус вредного воздействия, и градус пламенеющий, т. е. градус солнца, и о подымающемся и опускающемся, никогда об этом не забывай.

И когда ты будешь осведомлен о долях двенадцати знаков и градусах, и повелителях треугольников, и границах, и форме, и подъеме, и закате, и доме беды, и радости, и несчастья в зените и надире, то смотри на состояние луны и звезд, как, например, счастье и несчастье, благо и зло, устремление, сближение и расхождение, удаление света, удаление от сближения, движение в пустоте, ход в отчужденности, сближение и отталкивание, передача света, передача замысла, отдача силы, отдача природных свойств, нарушение согласия, возражение, воздаяние, приятие, возвеличение, установление, соединенное и предстоящее, уточнение материального тела и господина гороскопа, подарок, сокращение и продление жизни и пять видов движения планет. Когда ты все это будешь знать, тогда [уже] говори, дабы твое предсказание сбылось. Предсказания делай на основании достоверных расчетов, где календарь рассчитан по астрономическим таблицам с известными

значками, просмотренным и тщательно, и основательно, и многократно проверенным, и обдумывай их исправление.

Но при всем том остерегайся ошибки и оплошности, дабы не вышло промаха. Когда ты во всем этом будешь уверен, то можешь



говорить: «Все, что я предсказал, так и будет». Если же ты в этом деле не будешь уверен, то и предсказание не сбудется. Если же зададут вопрос о скрытых тайнах, что бы ты ни сказал, все можно сказать, по большей части твое предсказание оправдается.

Что же касается гороскопа рождений, то я так слышал от своего учителя, что дата рождения людей не та, когда он действительно отделяется от матери, а основной гороскоп – зачатие, момент проникновения семени, тот гороскоп, когда семя мужа попадает во чрево жены и приемлется им, вот этот-то гороскоп и есть основной. Добро и зло – все связано с ним. А тот час, когда он отделяется от матери, тот гороскоп называют великим переходом, а переход из года в год, когда случается, его называют средним переходом, а переход из месяца в месяц – малым переходом. С человеком случается то, что было в гороскопе зачатия, и доказательство этим словам от посланника, да благословит Аллах его и род его и да ниспошлет мир: «Блажен, кто блажен во чреве матери своей, и грешник, кто грешник во чреве матери своей». И господин мира сказал эти слова по той причине, о которой я тебе говорил, но тебе о гороскопе рождения говорить не приходится, ибо это не для таких, как ты, создано.

А то, что ты будешь говорить о великом переходе, говори по способу мастеров прошлых дней и соблюдай его. В каждом делаемом тобой предсказании, как я уже ранее указывал, если когда-либо зададут вопрос, сначала смотри на гороскоп момента и господина его, затем на луну и знак зодиака луны и господина его и на ту звезду, к которой присоединится луна, и ту звезду, от которой луна отвернулась, и на ту звезду которую найдешь в гороскопе или во главе. А если увидишь во главе больше одной звезды, смотри, кто преобладает и кому больше счастья, от той звезды и говори, чтобы угадать.

Я сказал несколько слов о правилах предсказания. А теперь, если ты будешь землемером и измерителем, будь силен в расчетах, берегись, в часу не проводи без повторения их, ибо наука математика – наука свирепая. И когда будешь измерять землю, установи углы, а неравнобедренные фигуры не презирай и не говори, что это измерю, а остальное прикину [на глаз], ибо в измерении может получиться большая разница. Старайся точно установить углы, ибо мой учитель говорил: «Смотри, не будь невнимателен к углам в расчете поверхности». Ибо часто бывают многогранные фигуры, где есть дугообразный угол, и часто бывают острые углы, похожие на тупые,

и здесь получается большая разница. И если будет фигура, измерение которой тебе будет трудно, не измеряй ее на глаз, половину разбей на треугольники или квадраты, ибо нет такой фигуры, которую нельзя было бы так разбить. А затем [измерь] каждый в отдельности, чтобы сошлись. И если я так же [пространно] буду об этом говорить, то сказать можно много, но книга отойдет от своего распорядка. Сказать то, что было сказано, было необходимо, ибо раз уж я говорил о звездах, то хотел и об этом заметить несколько слов, дабы ты, о сын, получил кое-какие сведения о всякой науке.

О правилах поэзии

О сын, если станешь ты поэтом, то старайся, чтобы речи твои были сложны, но доступны, остерегайся речей темных и речей о вещах, которые ты знаешь, а другой не знает и которые нужно растолковывать, не говори. Ибо стихи складывают для [других] людей, не для себя. Одним размером и рифмой не довольствуйся и не складывай стихов без искусства и распорядка, ибо стихи прямые – неприятны, нужно, чтобы было искусство и остроумие в стихе и в ритме, и в мелодии, дабы они нравились.

Нужны приемы по обычаю поэтов, как

муджанис, муташабих, муздавадж, мусадджа, мувассал, мутабик, мустаар, мувазана, мулавван, мугатта, мутазад, мукаррар, музмар, мустави, мухалла, мушакил, мураддаф, мусалсал, мувашшах, мустахил, зу-гафиатайн, раджаз, маглуб и тому подобное.

Если хочешь, чтобы речи твои были величавы и сохранились [надолго], применяй больше метафор, притом пользуйся метафорами из области возможного. В славословии применяй метафору. Если же слагаешь газель и песню, говори попроще, и поизящнее, и с легкими рифмами, холодной и странной игры словами не применяй, а говори наподобие влюбленных, изящными словами, и применяй приятные образы, чтобы это нравилось и знатным, и простым.

Смотри, не слагай тяжеловесных, построенных на искусственных метрах стихов, ибо со сложными и тяжеловесными размерами возится тот, у кого неприятный характер и кто бессилен в приятных речах и острогрудых замечаниях. Если закажут, пиши, это можно, но изучи науку о размерах и теорию поэзии, и эпитеты, и критику стиха, чтобы, если случится между поэтами состязание, тебя не одолели, а если начнут испытывать, ты не ослабел бы.

Эти семнадцать кругов размеров, которые составляют круги метрики персов, [изучи]. Названия этих кругов, всех семнадцати, как

хаздж, хазадж-и ахраб, хафиф, муджтас, раджаз, раджаз-и матви, музаре, мутагариб саре, рамал, рамал-и махбун, музаре-и ахраб, гариб-и ахраб, хазадж-и макфуф, мунсарех, мугтазаб, мунсарех-и кабир и метры арабов, как басит, мадид, камиль, вафир, тавиль и тому подобные размеры, эти пятьдесят три размера и восемьдесят две разновидности, которые вытекают из этих семнадцати метров, все уясни себе. И когда будешь писать стихи, и прославление, и газель, и сатиру, и элегию, и аскетические стихи, покажи наибольшее красноречие и никогда не говори несовершенных речей. Не применяй также в стихах слов, которые употребляют в прозе, ибо проза – как раият*, а стихи – как падишах. То, что раияту годится, то падишаху не годится. Газели и песни пиши сочные, славословие – сильное и смелое. Будь благороден в помыслах, умей

каждому сказать подобающее ему. Когда пишешь славословие, пиши его по достоинству прославляемого. О том, кто и ножа никогда не засовывал за пояс, не говори: «Меч твой поражает льва, а гневом ты пронзаешь гору Бисутун, стрелой же рассечешь волос». Тому, кто и на осле никогда не сидел, не говори, что конь его подобен Дульдулю*, Буроку*, Рахшу*, Шабдизу*. Знай, что кому нужно говорить.

Поэт должен знать характер прославляемого и знать, что тому нравится. Тогда он сможет так прославить его, что тому понравится. Пока ты не скажешь того, чего он хочет, он тебе не даст того, что тебе нравится. Не подличай и в касыде себя слугой не называй, разве что в прославлении, где прославляемый того стоит. Не приучайся писать сатиры, ибо не всегда кувшин воды возвращается целым. Если же будут у тебя способности писать об аскетизме и единстве Аллаха, то не плошай, для обоих миров хорошо. В стихах не лги чрезмерно, хотя лживая гипербола и является достоинством стиха.

Писать элегии об уважаемых людях и друзьях обязательно, но газель и элегию пиши одним стилем, а сатиру и прославление – другим, хочешь писать сатиру и не знаешь [как]: как ты кого-нибудь восхваляешь в славословии, говори противоположное этому, ибо все, что противоположно славословию, то и есть сатира. Так же обстоит и с газель, и элегией. Но, что бы ты ни писал, говори свои слова, а не повторяй слова [других] людей, ибо [иначе] твой характер не расширится и ристалище твое не станет просторным, и ты так и останешься на том уровне, на котором ты впервые начнешь писать.

А когда станешь мощным в стихах, и природа твоя развернется, и станешь искусным, если услышишь где-нибудь редкостный оборот и он тебе понравится, и захочешь ты его подхватить и употребить в другом мест не вступай в состязание и не применяй эти слова точь-в-точь в том смысле: если этот оборот был в славословии, ты примени его в сатире, а если был в сатире, примени в славословии. Если услышишь в газели – примени в элегии, а услышишь в элегии – примени в газели, дабы никто не догадался, откуда это.

А если будешь искать покровителя или работать на базаре, не будь нахмуренным, не носи грязной одежды и не делай кислого лица, всегда будь приветлив и смейся, заучи наизусть много рассказов, забавных приключений, метких и смешных ответов и говори это на базаре и перед покровителем, ибо поэту без всего этого не обойтись.

Много еще можно было бы сказать, но этим мы ограничимся, а моществование от Аллаха.

Об обычаях музыкантов

Знай, о сын, что если станешь ты музыкантом, то будь приветлив и легкомыслен. По мере возможности своей держи всегда свою одежду в чистоте, будь надушен, умащен благовониями и сладкоречив. Когда войдешь во дворец для музыки, не делай кислого лица и не хмурься.

Не играй только медленных напевов, но не играй также и только одни быстрые напевы, ибо играть все время один и тот же вид не полагается. У людей не одинаковый характер, так что собрание бывает

разнородно. Потому-то мастера инструментальной музыки и создали для этого искусства правила.

Сначала играют напев хусравани, который создан для приемов у падишахов. Затем положили играть напевы в медленном движении, под которые можно петь песнопения. Назвали их рах. Этот рах подходит ко вкусам старцев и людей серьезных. Для них-то его и создали, но потом, когда увидели, что не все люди старики и серьезный народ, сказали: «Создали музыку для стариков, создадим же музыку и для молодежи». Поискали и приспособили стихи, которые построены на легких размерах к легким напевам и назвали их хафиф, чтобы после каждого медленного раха играть этот хафиф, чтобы на каждом музыкальном собрании было что-нибудь и для стариков, и для молодежи. Но надо было, чтобы дети, женщины и легкомысленные мужчины тоже не остались без своей доли. И вот, когда появился [обычай] петь тарона*, эти тарона предназначали для тех людей, чтобы и они получили удовольствие и наслаждение, ибо нет более приятного размера, чем размер тарона. Потому-то не играй и не пой все время то же самое, ибо надо [делать] так, как я сказал, чтобы всем был удел от твоей музыки.

А когда будешь сидеть на собрании, смотри, если слушатель красен с лица и полнокровен, больше играй на второй струне, если бледен и желчен – больше играй на верхней, если он смуглый и тощий и склонный к меланхолии – больше играй на третьей струне, если же он белолицый, жирный и сырой – больше играй на баске. Ибо эти струны сделаны по четырем темпераментам людей, так как румские мудрецы и музыкальные теоретики и все это искусство построили по четырем темпераментам. Хотя то, что я сказал [сейчас], к правилам и обычаям

мутрибов* не относится, но я хотел осведомить тебя об этом, чтобы было это тебе известно.

А затем старайся, пока ты там будешь, неустанно рассказывать анекдоты, шутить и острить, чтобы сократить свою музыкальную работу. А затем, если будешь ты таким музыкантом, который умеет также и сочинять стихи, то в поэзию не влюбляйся и не пой все время только свои стихи. Может быть, тебе твои стихи будут нравиться, а тем людям нет. Ведь певцы – рави* при поэтах, а не рави своих собственных стихов.

И если пойдешь петь и играть и два человека [при тебе] будут играть в нарды, ты музыку свою не бросай и не занимайся поучением, как играть в нарды или шахматы, ведь тебя для музыки позвали, а не для игры в азартные игры.

Когда разучиваешь песнопение, соблюдай вкус, не пой газели и тарона без размера и не пой так, чтобы пение шло само по себе, а музыка – сама по себе. Если влюбишься в кого-нибудь, то не пой все время только про себя, может быть, это тебе будет приятно, а другим – нет. Пой все время песни различного содержания. Заучи наизусть много стихов и газелей, как, например, о разлуке, о свидании, о порицании, попреке, отказе, несогласии, согласии, вернос-ти, жестокости, благодеянии, дарах, наслаждении и жалобе. Сообразно всякому настроению и времени года, как песни и весенние, и осенние, и зимние, и летние. Ты должен знать, что в какое время нужно петь. Если бы даже ты был несравненным мастером своего дела, все же смотри на вкусы твоих слушателей. Если это люди знатные и мудрые старцы, которые знают применение музыкального искусства, то играй [перед ними] и играй мелодии и напевы хорошие. Пой же [для них] преимущественно о старости и о презрении к мирским благам.

Если слушатели – юноши и дети, то

играй больше легкую музыку, а пой то, что написано про женщин или в похвалу вина и винопийц. Если это люди военные и искатели приключений, то пой маверанахрские дубейты о ведении войны, пролитии крови и прославлении погони за приключениями. Не будь жалобным и не играй только напев хусравани.

Не говори, что иначе, мол, правила музыки не дозволяют, что сначала, мол, нужно сыграть что-нибудь в тоне раст, а потом уже, по правилам, во всех [остальных] тонах, как ирок*, и ушшок, и зерафканда, и бусалик, и сипахан, и наво, и баста, что вот выполнишь все правила музыки, а затем уже и перейдешь к тарона.

Ведь пока ты будешь выполнять правила музыки, люди-то опьянеют и уйдут. Ты лучше смотри, какую каждый из них мелодию хочет и какую мелодию любит. Как дойдет кубок до этого человека, ты запой то, что он хочет, тогда и даст он тебе то, чего ты хочешь. Самое большое искусство в музыке – то, чтобы угодить вкусам слушателя.

И когда будешь на пиру, не торопись браться за чашу да требовать крепкого вина. Вина пей мало, пока не получишь серебра, а как получишь серебро, тогда и наслаждайся вином.

Когда будешь петь, с пьяными не спорь из-за песен, которых они требуют. Хотя бы то, [чего они хотят], было невозможно, ты об этом не беспокойся, пусть говорят.

Когда выпьешь вина и люди опьянеют, ты с твоими товарищами по ремеслу в состязание не вступай, ибо от этого состязания серебра не достанется. Смотри, буйным мутрибом не будь, ибо из-за твоего буйства плата за музыку пропадет, голова, лицо и инструмент будут разбиты, и пойдешь ты домой в рваной одежде. Ведь музыканты – поденщики пьяных, а ты же знаешь, что буйному поденщику платы не дают.

Если тебя на пиру кто-либо похвалит, ты скромничай перед ним, чтобы и другие тебя похвалили. Сначала, на трезвую голову, хвалят без денег, а когда опьянеют, после похвалы будут и деньги. И если пьяные к какой-нибудь мелодии или напеву крепко привяжутся, как это всегда бывает с пьяными, ты без устали его повторяй, пока

не добьешься эти своей цели, ибо для музыкантов лучшая добродетель – терпение в обращении с пьяными, не будет терпелив – обманется в своих ожиданиях.

А везде говорят, что музыкант должен быть слепым, глухим, немым, т. е. не прислушиваться к тому, чего не надо слушать, и не заглядывать туда, куда не следует смотреть, и куда бы он ни пошел, не рассказывать о том, что он видел и слышал в другом месте. Такой мутриб всегда найдет устроителя пира, [который его пригласит], а Аллах лучше ведает.

О службе падишаху

Знай, о сын, что если случится тебе попасть в свиту падишаха и поступишь ты к нему на службу, то, хотя бы падишах и приблизил тебя к себе, ты этой близостью к нему не ослепляйся и беги [от нее]. От службы же не беги, ибо от близости к падишаху проистекает удаление, от службы же падишаху – близость. Когда он будет обещать тебе полную безопасность при себе, в тот день опасайся больше всего. Ибо если разжиреешь ты за его счет, то и зарежет тебя он же.

Как бы тебя он ни ценил, ты не будь беспечен, знай свое место, говори только сообразно воле шахской и с ним не спорь. Ибо сказано в поговорке: «Кто с падишахом поспорит и будет упорствовать, умрет ранее мертвого часа, ибо бить рукой по шилу – глупость».

Господину своему советуй только добрые дела, чтобы и он с тобой хорошо обошелся, а научишь его злу, он тебе зло и причинит.

Рассказ. Говорят, что в дни Фазлуи-и-Мамлона*, который был правителем Гянджи, был один знатный дайламец, его советник. И вот, если кто-нибудь из вельмож страны совершал проступок, так что было нужно включить его в оковы и ввергнуть в темницу, Фазлун хватал его и заключал. А дайламец этот, который был его советником, говорил ему: «Не обижай свободных [азад], а уже если обидел – руби голову». И несколько человек по совету этого дайламца было погублено из вельмож страны.

Случайно этот дайламец-советник [тоже] совершил проступок. Правитель приказал схватить его и ввергнуть в темницу. Дайламец послал кого-то сказать: «Столько-то и столько-то богатств дам, не убивай меня». Фазлун-и-Мамлон ответил: «Я у тебя научился, что свободного, мол, не обижай, а уж, если обидел, убей».

Вот и расстался с жизнью дайламец-советник оттого, что учил злу.

И если будет тебя порицать добрый человек, то это мне приятнее, чем если бы хвалил тебя человек злой. И знай, что конец всех желаний – ущерб и [потому] не ослепляйся могуществом. И в работе на падишаха [прежде всего] ищи почета, ибо богатство бежит вслед за почетом, ведь честь служения падишаху больше, чем честь богатства. Если ты даже разжиреешь от службы падишаху, то все же прикидывайся тощим, чтобы быть в безопасности. Разве ты не видишь, что баран, пока он тощ, в безопасности от смерти, и никто его зарезать не старается. А когда он разжиреет, всякому хочется его зарезать.

Ради денег господина своего не предавай, ибо деньги, [получаемые] за службу падишаху, как цветок, и хороши, и прекрасны, и славны, и дороги, но, как и цветок, недолговечны. Пользу, получаемую на службе у пади-

шаха, скрыть нельзя, и всякий дирхем, который на службе и в работе на падишаха у тебя накопится, рассеется быстрее, чем пыль на дороге.

Но почет на службе у падишаха – лучшее богатство, и от него-то деньги и скапливаются. Потому ради барыша не упускай из рук самый капитал. Ведь пока существует капитал, есть постоянно и надежда на барыш, а когда ушел самый капитал, тогда не достигнешь и барыша.

Всякий, кто деньги ценит выше своей жизни, очень скоро из почета впадает в унижение, а склонность к накоплению богатств посреди почета – погибель для человека, разве только, если он будет копить их в меру и уделит некоторую часть и другим людям, чтобы заткнуть им рты.

И когда станешь ты на службе у султана великим и найдешь сан, никогда не предавай господина своего. А если сделаешь это, то будет это по наущению злосчастья твоего. Ибо если великий возвеличит малого, а тот благодетелю своему отплатит за это предательством, то это явный признак того, что господь всевышний и преславный отнимет у него то величие, потому что, пока не настигнет того человека беда, не отплатит он господину своему за добро злом.

Рассказ. Когда сын Фазлуна послал хаджиба Абу-с-Сувара Абулюсра сипахсаларом в Барду, Абулюср сказал: «Пока не наступит зима, не поеду, ибо климат в Барде очень скверный, особенно летом», и пошли об этом длинные разговоры. Эмир Фазлун сказал: «Почему это держаться такого мнения? Ведь раньше смертного часа никто еще не умирал, да и не помрет». Абулюср ответил: «Это так, как изволил сказать повелитель, никто раньше смертного часа не умрет, но только пока не приблизится к человеку смертный час, не поедет он летом в Барду.

А затем не относись беспечно к друзьям и врагам, нужно, чтобы выгода и ущерб доставались от тебя и другу, и врагу. Могущество тем и хорошо, что

ты можешь воздать добром и злом другу и врагу. Знатный человек не должен быть бесплодным деревом, и могущественный богач, от которого никому нет ни выгоды, ни ущерба, – словно еврей, у которого сто тысяч динаров. И всякий, от кого людям ни вреда, ни пользы нет, ничтожнее его никого и не бывает. Потому-то знай, что выгода твоя и благо – в возможности осуществлять свои желания и не отказывай людям в великодушии. Ведь глава шариата нашего, да благословит Аллах его и род его, говорит: «Лучший из людей тот, кто приносит людям пользу».

И не поступай на службу к вельможе, который в могуществе состарился, ибо, хотя старику еще и предстоит жизнь, все же люди считают, что он ближе к смерти, чем юноши, да, наконец, и не много таких стариков, которым пора старости остается верной. И если хочешь быть устойчивым на службе у падишаха, будь таким, как [тот, о котором] Аббас* сказал сыну своему Абдуллаху: «Знай, о сын, что этот человек, т. е. Умар-и-Хаттаб*, да возрадуется ему Аллах, поставил тебя к себе на службу и из всех людей оказал тебе [наибольшее] доверие. Теперь, если хочешь ты, чтобы враги твои не могли с тобой совладать, соблюдай пять качеств, дабы быть в безопасности. Первое: нужно, чтобы он никогда не слышал от тебя лжи. Второе: ни на кого перед ним не клевещи. Третье: его никогда не обманывай. Четвертое: приказаний его не нарушай. Пятое: тайн его никому не говори. Тогда ты спасся от людей. И цели можно добиться этими пятью свойствами».

А затем на службе у своего благодетеля не плошай. Если же оплошаешь, не показывай, что это умышленно, а прикинься в той оплошности ничего не ведающим, дабы он знал, что ты не умышлял против него, а упущение это по службе считал бы проистекающим от неведения твоего, не от невоспитанности и не от непокорства. Ибо неведение твое не сочтут грехом, а невоспитанность и непокорство сочтут за грех.

Постоянно занимайся служением, если бы он даже и ничего не приказывал. И что бы ни захотел сделать кто-либо другой, ты старайся это сделать. И нужно [вести] себя так, чтобы, когда бы он тебя

ни увидел, всегда видел бы занятым службой ему. Будь постоянно при дворе, чтобы он, кого бы ни потребовал, видел бы все тебя же, ибо забота правителей в том, чтобы постоянно испытывать младших. Если он позовет тебя и раз, и два раза, и десять раз и всякий раз увидит готовым к службе и стоящим у его престола, положится он на тебя и в великих делах.

Как говорит Камари Гургани*:

Говорить пред тобой для нас означает
подвергнуться опасности.
[Но] без опасности разве появится
жемчужина из этого моря?

И пока ты не возьмешь на себя труда быть младшим, не добьёшься ты и покоя быть старшим. Разве ты не видишь, что пока лист индиго не сгниет, он в индиго не превратится. И творец, да возвеличится его, правителя сотворил таким, что весь мир нуждается в служении ему.

И не проявляй перед падишахом зависти [к кому-либо], ибо если потом заведешь ты перед ним речь о том, кому завидуешь, он не послушает и припишет это зависти, хотя бы это и была правда.

Постоянно страшись шахского гнева, ибо две вещи никогда нельзя презирать: первое – шахский гнев, второе – совет мудрецов; всякий, кто презирает эти две вещи, сам заслужит презрение волей-неволей.

Вот правила [состояния] в свите правителей. А если случится так, что поднимешься выше этой степени и попадешь в шахские надимы*, нужно, чтобы и правила шахского надимства тебе были полностью известны. А условия службы таковы, как только что было сказано, вспомоществование же от Аллаха.

О правилах состояния надимом*

Знай, о сын, что если дает тебе падишах звание надима, то, если нет в тебе нужных для надима качеств, ты не принимай. Ибо всякий, кто служит шахским надимом, должен обладать несколькими свойствами, чтобы, если пир господина от его присутствия и не получит украшения, он [все же хоть не был бы им] испорчен. Во-первых, нужно, чтобы все пять чувств у него были в распоряжении, затем должен он иметь такую наружность, чтобы люди при виде его не испытывали отвращения, дабы и благодетелю смотреть на него не

опротивело. В-третьих, должен он уметь писать по-арабски и по-персидски, чтобы, если в личных покоях понадобится этому падишаху прочитать или написать что-нибудь, а дабира* под руками не будет, и прикажет тебе прочитать это письмо, или написать что-нибудь, ты не осрамился бы при этом.

В-четвертых, если надим не будет поэтом, он все же должен различать хорошие и плохие стихи, поэзия не должна быть от него сокрытой, и он должен помнить наизусть много арабских и персидских стихов, чтобы, если как-нибудь господину понадобится какое-либо двустишие, не приходилось сразу звать поэта, пусть или сам сложит или передаст с чьих-нибудь слов.

Точно так же должен он знать кое-что из медицины и астрологии, дабы, если зайдет речь об этих искусствах или будет нужда в этом деле, не приходилось сразу звать врача или звездочета. Ты, что знаешь, то и говори, чтобы выполнить правила собеседования, тогда доверие падишаха к тебе умножится, и он будет более склонен принимать твои услуги.

Затем нужно, чтобы надим был немного сведущ и в музыке и умел что-нибудь сыграть, дабы, если у падишаха случится дружеская беседа, где мутрибу места нет, ты мог бы развлечь его тем, что умеешь, тогда, по этой причине, он будет еще более склонен к тебе.

Затем будь рассказчиком и помни много рассказов о смешных случаях и метких ответах и о диковинных случаях, ибо надим без диковинных рассказов – не настоящий надим. Должен ты также уметь играть в нарды и в шахматы, но только не так, чтобы быть страстным игроком, ибо если только ты игрок по природе, то в надимы ты уже не годишься. А еще ко всему тому, что я сказал, ты должен знать наизусть Коран, знать кое-что из тафсира*, помнить кое-что из фикха*, знать предания о пророке, мир над ним, знать кое-что из науки шариата и вообще не быть лишенным познаний [об этих делах], чтобы, если зайдет об этом на шахской беседе речь, суметь дать ответ [на вопрос] и не нужно было идти к кази и факихам. Нужно также, чтобы ты много читал жизнеописаний правителей и помнил их наизусть и мог бы сам поговорить о качествах правителей минув-

ших времен, дабы это оказало действие на сердце падишаха, а рабам господа всевышнего была польза и удовольствие.

Нужно, чтобы была у тебя и серьезность, и шутка, но должен ты знать время применения их, когда оно настанет; в серьезный миг не говори шуток, и в час досуга не говори про серьезное. Ибо всякая наука, которую знаешь, а применять не умеешь, что знать ее, что не знать – все одно.

И при всем том, что я сказал, должны быть в тебе и рыцарские наклонности, и мужество, ибо падишахи не всегда предаются развлечению; если когда придется показать мужество – покажи, и должно у тебя хватить мощи, чтобы сражаться с одним или [даже] двумя витязями.

А если, избави Аллах, в личных покоях или на пиру кто-нибудь замыслит злое против того падишаха и случится какая-либо беда, ты должен выполнить правила мужества и человеколюбия, чтобы тот благодетель твой с твоей помощью спасся. Если погибнешь, то отплатишь этим ему за благодеяния и покинешь [мир] с добрым именем, и будет на том господине лежать долг [позаботиться] о детях твоих. Если же спасешься, найден доброе имя и кусок хлеба до конца дней твоих.

Итак, если всего того, о чем я говорил, у тебя не будет, то нужно, чтобы хоть большая часть была, тогда ты будешь годиться в шахские надимы. Если же ты думаешь, что надимство – это только есть хлеб, пить вино, да шутить, то низость это, а не надимство. Хорошенько подумай о надимстве, чтобы эта служба не стала для тебя бедой.

А также, пока ты находишься при господине своем, не забывайся и на шахских слуг не заглядывайся. Если кравчий подаст тебе вина, в лицо ему не гляди, склони голову, а когда выпьешь вино, кубок верни, на кравчего не глядя, чтобы господин о тебе чего не подумал. Следи за собой, чтобы не вышло беды.

Рассказ. Слыхал я, что кази Абдулмалику Гаффари Мамун* дал должность своего личного надима, так как Абдулмалик был падок до вина и по этой причине был отставлен от должности судьи. Както раз на пиру гулям поднес этому кази Абдулмалику вина. Когда

тот взял вино, он взглянул на гуляма и подмигнул ему, и один глаз немножко прикрыл. Мамун взглянул и увидел это. Абдулмалик догадался, что Мамун этот знак заметил, и так и остался с полузакрытым глазом. Через некоторое время Мамун нарочно спросил кази Абдулмалика: «Эй кази, что у тебя с глазом?» Абдулмалик ответил: «Совсем не знаю, он только вдруг закрылся».

С тех пор, пока был жив, и в пути, и дома, на людях и наедине, дома и на пиру, никогда он не открывал глаз вполне так, что подозрение ушло из сердца Мамуна.

Вот такие способности должны быть у надима.

О правилах для писца и условиях письмоводительства

Знай, о сын, что если будешь ты дабиром*, то должен ты владеть речью и иметь хороший почерк, но не злоупотреблять почерком, а иметь привычку много писать, чтобы становиться все искуснее, ибо:

Рассказ. Слыхал я, что Сахиб Исмаил ибн Аббад* (было это в субботу) что-то писал в диване*. Обернулся он к писцам и сказал: «Каждую субботу вижу я в писании своем недостаток, потому что в пятницу не приходил в диван и ничего не писал. Вижу я, что один день оплошности действует на меня».

Потому-то будь всегда занят писанием чего-нибудь широким четким почерком, а верхние черты чтобы сливались вместе. И в письмах, где о многом говорится и полных смысла, слишком длинных речей не меняй, ибо говорят:

Полустишие:

Смотри, какие изящные слова раздавались
в разное время из уст у людей,
Читай письмо, полное смысла, но краткое по составлению.

А письмо свое украшай метафорами, притчами, стихами Корана, изречениями пророка, мир над ним. Если письмо будет по-персидски, не пиши таким персидским языком, что люди не поймут, нехорошо это, особенно такие персидские слова, которые не [всем] известны. Не надо так писать никогда, да лучше так и не говорить. А украшения арабского письма известно, как их надо писать. В арабском письме рифма – искусство, очень она хороша и приятна. В персидском же рифма неприятна, лучше ее не применять. Но что бы ты ни говорил, говори высоким стилем, изысканно, послаще и покороче.

Писец должен быть сметливым, знать тайны письменного дела и быстро разбирать загадочные слова.

Рассказ. Так я слыхал, что дед твой, султан Махмуд, да помилует его Аллах, написал письмо к багдадскому халифу и сказал: «Ты должен подарить мне Мавераннахр и дать мне на него маншур*, чтобы я мог предъявить его людям. Или я покорю область мечом, или же подданные будут повиноваться мне по приказу и маншуру твоему*. Багдадский халиф сказал: «Во всех странах ислама нет у меня более набожных и покорных людей, чем те люди. Избави Аллаха, чтобы я это сделал, а если ты нападешь на них без приказа моего, я весь мир подниму на тебя».

Султан Махмуд от этих слов нахмурился и сказал послу: «Скажи халифу: «Ты что же это говоришь? Что я, разве меньше Абумуслима*? Вот вышло у меня с тобой такое дело, и смотри, приду и с тысячью слонов, растопчу твою столицу ногами слонов, навьючу прах столицы на спины слонов и отвезу в Газну»».

И сильно пригрозил мощью слонов своих. Посол уехал, а через некоторое время вернулся. Султан Махмуд сел [на престол], хаджибы и гулямы построились рядом, а у ворот дворца держали яростных слонов и поставили войско. Затем допустили посла халифа багдадского. Посол вошел, положил перед султаном Махмудом письмо около дести бумаги мансурийского формата*, свернутое и запечатанное, и сказал: «Повелитель правоверных говорит: «Письмо я прочел, о мощи твоей услышал, а ответ на твое письмо – вот это, что написано в этом письме»».

Ходжа Бунаср-и-Мишкан*, который заведовал диваном переписки, протянул руку и взял письмо, чтобы прочитать.

В начале письма было написано:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», а затем на строке так:

«Разве...» и в конце было написано:

«Слава Аллаху и благословение на пророке нашем Мухаммеде и всем роде его».

А больше ничего не было написано.

Султан Махмуд и все почтенные писцы задумались, что же значат эти загадочные слова. Все стихи Корана, которые начинаются со слов «разве», они перечитали и растолковали, а никакого ответа для султана Махмуда не нашли.

Наконец, ходжа Абубакр Кухистани* (а он молод был и еще не имел такого сана, чтобы сидеть, и стоял среди надимов) сказал: «О господин, халиф написал не алиф, лам, мим. Господин наш пригрозил слонами и сказал, что прах столицы перевезет на спине слона в Газну. Вот он в ответ господину и написал ту суру, [где говорится]:

«Разве ты не видишь, что сделал господь твой с обладателями слона?»*

Это он отвечает на слонов господина.

Слыхал я, что султан Махмуд так расстроился, что долго в себя не приходил и все плакал и стенал, такой богобоязненный он был, и много просил он прощения у повелителя правоверных, а рассказывать об этом долго.

Абубакру Кухистани он пожаловал драгоценный халат и приказа ему сидеть среди надимов и повысил его в сане, и за это одно слово получил он два великих повышения.

Рассказ. И слыхал я также, что во времена Саманидов был в Нишапуре эмир Буали Симджур*. Он говорил: «Я повинуюсь эмиру и полководцу хорасанскому», но ко двору не ездил. А был это конец власти Саманидов, и не было у них такой силы, чтобы принудить Буали. Потому волей-неволей довольствовались они от него хутбой, чеканкой [имени халифа на монете] и подарками. И был некий Абдулджаббар Худжани, который был хатибом в Худжане. Был он человек, сведущий в законах и хороший писатель, проворный писец, величайший хитрец, муж верного совета и на всякое дело мастер.

Эмир Буали привез его из Худжана, сделал личным секретарем, дал ему полную власть в делах, и не было ни одного дела без его совета, ибо был он человек изрядно способный.

А Ахмад ибн Рафи ал-Якуби был писцом при эмире Хорасана. Был он человек очень образованный и почтенный, и все управление Мавераннахром было ему подчинено. А этот Ахмад-и-Рафи дружил с Абдулджаббаром Худжани, поддерживали они дружбу путем переписки. Как-то раз везир эмира Хорасана сказал эмиру Хорасана: «Если Абдулджаббар Худжани не был писцом Буали Симджура, то Буали можно было бы осилить, ибо вся эта непокорность Буали [зависит] от способностей Абдулджаббара. Нужно написать Буали письмо, что если ты мне повинуешься и мой слуга, то нужно, как только придет к тебе письмо, без промедления, отослать голову Абдулджаббара с этим самым гонцом к моему двору, чтобы мы знали, что ты нам покорен. Ведь нам известно, что бы ты ни делал, все делаешь по его совету. Если же нет, то я, эмир Хорасана, вот, иду на [тебя] своей особой, готовься».

Когда надумали это, сказали: «Во всяком случае письмо это нужно написать рукой Ахмада ибн Рафи, ибо Ахмад-и-Рафи – друг Абдулджаббара, безусловно, он пошлет кого-нибудь и сообщит об этом, и Абдулджаббар бежит».

Эмир Хорасана призвал Ахмада ибн Рафи и приказал, чтобы он написал по этому поводу Буали письмо, и сказал: «Когда ты напишешь письмо, то хочу я, чтобы ты в течение трех суток не выходил из этого дворца, и никто ниже тебя званием не должен к тебе приходить. Ибо Абдулджаббар – твой друг, если не попадется он [нам] в руки, то я буду знать, что ты его уведомил в этом своем сообщении».

Ахмад-и-Рафи ничего не мог сказать. Он плакал и говорил про себя: «О если бы я никогда не становился писцом, дабы не был убит моей рукой друг, обладающий такими совершенствами и положением. Не знаю я, как и помочь в этом деле».

В конце концов вспомнился ему такой стих из Корана: ан йукатталу*, т. е. «если будут убивать и распинать...» Сказал он про себя «Хоть и не знает он этой загадки и не поймет этой тайны, но все выполню я то, чего требует от меня дружба». Когда он написал письмо и сделал заголовок, он на краю письма приписал тонким каламом а с другой стороны – нун [буквы «а» и «н»], т. е. ан йукатталу.

Письмо поднесли эмиру Хорасана, никто на заголовок не взглянул: когда они прочитали письмо, то запечатали и дали его своему лично гонцу. Его об этом деле не известили, а сказали ему только: «Ступай, отвези это письмо Буали Симджуру, то, что тебе дадут [там], возьми привези». А Ахмад-и-Рафи трое суток не ходил к себе домой и [сидел во дворце], и сердце его обливалось кровью.

Когда гонец прибыл в Нишапур, пришел к эмиру Буали Симджуру и передал письмо с соблюдением [всех] обычаев, Абуали встал, взял письмо, поцеловал и сказал: «Как здоровье эмира Хорасана?» А Абдулджаббар хатиб сидел [тут же]. Он дал ему письмо и сказал: «Сломай печать и прочитай приказ», Абдулджаббар взял письмо и взглянул на адрес прежде чем сломать печать. Увидел он, что на одном краю письма стоит алиф, а на другом – нун. Тотчас же вспомнился ему этот стих: ан йукатталу. Понял он, что письмо о его казни. Отложил он письмо и поднес руку к носу, что у меня, мол, из носу кровь идет. Сказал он: «Я схожу, вымою и вернусь». Вышел он от Буали так, держась за нос, а когда вышел из дверей, скрылся

куда-то. Некоторое время его ждали. Абуали сказал: «Позовите ходжу!» Искали повсюду, не нашли. Сказали: «На коня он не садился, так пешком и ушел. Но и домой он не ходил, и никто не знает, куда он ушел».

Буали приказал: «Позовите другого дабира». Его позвали и письмо прочитали в присутствии гонца. Когда дело выяснилось, все поразились, кто же, мол, ему сказал, что написано в этом письме.

Эмир Буали, хоть и радовался, но перед гонцом немного погневался. Приказал глашатаю возвестить [об этом] по городу. А Абдулджаббар тайно послал кого-то [сказать], что я, мол, сижу там-то, скрываясь. Буали этому порадовался и приказал: «Оставайся там, где находишься».

Когда прошло несколько дней, гонцу дали хороший подарок и написали, что дело обстоит так-то, и поклялись, что мы, мол, об этом ничего не знали.

Когда гонец вернулся и все стало известно, эмир Хорасана стал в тупик и послал письмо с собственной печатью, что я его простил, но на том условии, что он скажет, каким образом узнал, что написано в том письме.

Ахмад-и-Рафи сказал: «Пощадите мою жизнь, и я скажу». Эмир Хорасана обещал пощадить, и он сказал, как было дело. Эмир Хорасана простил Абдулджаббара и потребовал обратно свое письмо, чтобы посмотреть на тот тайный знак. Письмо привезли, он взглянул, было именно так, как сказал Ахмад-и-Рафи. Никто не мог постичь, как [можно было догадаться о такой уловке].

Другое условие для писца – то, чтобы ты все время был возле повелителя, хорошо запоминал, быстро соображал, не забывал и вникал во всякое дело. Веди реестр всего того, что тебе прикажут и не прикажут, будь осведомлен о делах всех сотрудников дивана и действиях всех должностных лиц, расследуй и изучай все дела; если тебе это сразу и не пригодится, то настанет время, когда пригодится. Но тайны этой никому не говори, разве что без этого нельзя будет обойтись.

Явно за делами везира не следи, но втайне будь осведомлен о всех делах. Будь тверд в отчетности, ни мига не сиди без дела, хозяйственных распоряжений и писания деловых писем. Все это – добродетели для писца, но лучшая добродетель писцов – держать язык [за зубами] и хранить тайны своего повелителя и осведомлять господина своего о всех делах.

Если ты будешь искусен в почерках и всяким почерком, стоит тебе лишь взглянуть на него, сможешь писать, то такое умение крайне прекрасно и достохвально, но только всякому [встречному] этого не открывай, а то станешь известен как обманщик, доверие благодетеля к тебе пропадет, и если кто другой совершит подлог, то, раз не будут знать, кто сделал, припишут тебе. Ради безделок почерк не подделывай, может быть, со временем тебе это понадобится и великие выгоды тебе будут, если ты так сумеешь это сделать, что никто тебя не заподозрит. Ведь многие совершенные и уважаемые писцы погубили ученых везиров поддельными письмами, как приходилось слышать.

Рассказ. Раби ибн Мутаххар ал-Кусри был уважаемым и образованным писцом в диване Сахиба. Он подделывал почерки, и весть об этом дошла до Сахиба. Сахиб опешил и сказал: «Жалко было бы погубить такого человека». Ибо это был крайне образованный и совершенный человек. Не смог он также раскрыть ему, [что знает] это, и все думал, что бы с ним сделать.

Случайно в это время Сахиб занемог, и люди ходили навестить его. Пришел и Раби ибн Мутаххар, сел около Сахиба и, как полагается, спросил: «Какое питье пьете?» Сахиб ответил: «Такое-то». Спросил: «Какую пищу едите?» Осветил: «Такую, как ты делаешь», т. е. музаввара*.

Писец понял, что Сахиб узнал об этом, и сказал: «О господин, клянусь головой твоей, больше я этого делать не буду». Ответил: «Если перестанешь, то я простил тебе то, что ты уже сделал».

Потому-то знай, что такая подделка – великое дело, и остерегайся.

И о всяком ремесле и занятии я полностью все нужное изложить не могу, ибо речь затянется и цели я не достигну. Не могу я, одна-

ко, и оставить невысказанным. Потому о всяком разделе я скажу несколько слов то, что необходимо, дабы тебе это стало известно. Ведь уже о всяких видах кое-что мы сказали. Если послушаешь от сердца, сам сможешь сделать выводы, ибо от одного светильника можно зажечь много светильников.

Если пошлет тебе господь всевышний такую милость, что от должности писца ты достигнешь сана везира, то надо тебе знать и условия везирства, ибо это и есть почетнейшая должность и [высшее] звание.

Об условиях везирства при падишахе

Знай, о сын, что если станет так, что попадешь ты в везиры, то умей отчитываться, разбирайся в делах и народах. Умей хорошо вести дела с повелителями своими будь правдив, воздавай должное благодетелю своему. Не желай все [забрать] себе, ибо говорят, что кто желает всего, тот все и утратит. Всего тебе не дадут. Если на время тебе и дадут, то потом с тебя стребуют. Если вначале [малое] спустят, то потом не спустят.

Потому оберегай добро господина своего и, если будешь проедать, ешь двумя пальцами, чтобы не застряло оно у тебя в горле. Но одним разом руки чиновников от добра не отталкивай, ведь если пожалеешь жира на огонь, то жаркое будет сырым. Если не оставишь другим даника, не сможешь сам проесть дирхем*. Если же проешь, обездоленные молчать будут и не позволят этому остаться скрытым.

И если будешь ты справедлив к благодетелю своему, то к войску подданным будь еще справедливее, жалких подачек им не давай, ибо мясо, которое вытащишь между зубов зубочисткой, брюха не насытит. Дать подачку – важнее всякого барыша, а малой подачкой озлобишь войско и озлобишь подданных против господина своего. Если хочешь проявить способности в собирании богатства, то увеличивай дары умножением благоустройства. Возделай все запущенные земли страны, чтобы дары умножились в десять раз и не оставил ты творения господа всевышнего без пропитания.

Рассказ. Знай, что один из правителей Парса прогневался на везира, отставил его, приставил к везирству другого, а отставленному сказал: «Выбери себе другое место, чтобы я тебе его подарил и ты поехал туда с добром своим и свитой своей и было бы там твое житье». Везир сказал: «Не хочу я богатств, все, что у меня есть, подарил я господину. Не хочу я, чтобы дарил он мне возделанные земли. Если будет он мне милосерд, пусть подарит из [всего] шахства [одну] разоренную деревню на праве собственности. Поеду я туда с моими приближенными, сделаю ее процветающей и там поселюсь». Правитель приказал: «Дайте ему столько разоренных деревень, сколько он пожелает».

Обыскали все шахство, ни одной разоренной деревни, одной пяди запущенной земли не нашли, чтобы можно было ее дать ему. Известили шаха. Везир сказал: «О шах, я знал, что по всей стране, вверенной мне в управление, нет ни одного разоренного места. Теперь, когда взял ты у меня страну, дай ее такому человеку, чтобы, когда бы ты ее от него ни потребовал, он вернул ее тебе такой, какой вернул ее я».

Когда стали эти слова известны, шах попросил извинения у отставленного везира и вернул ему везирство.

Потому в должности везира будь устроителем и справедливым, дабы язык и руки твои всегда были длинными и не нужно было [тебе] бояться за жизнь. Если войско взбунтуется против тебя, господину поневоле придется укоротить твою руку, чтобы оно не укоротило руку самого господина. Значит, [будучи] несправедливым, ты учинишь несправедливость не только для себя самого, но и для войска, для господина и для себя, и эта [жалкая] подачка станет оплошностью в твоем деле.

Потому поощряй господина, чтобы он благодетельствовал и войску и подданным, ибо падишах процветает подданными и войском, а деревня – дихканом. Следовательно, если ты стараешься о процветании, стремись к расширению власти, а расширение власти становится возможно при посредстве войска, а войско можно держать золотом, а золото добывается благоустройством, а благоустройство достается справедливостью и правосудием. Потому не пренебрегай справедливостью и правосудием.

Если бы даже ты не питал коварных чувств и был осторожен, всегда опасайся падишаха. Никому не надо так страшиться падишаха, как везиру.

И если падишах будет юным, не считай его юным, ибо царевичи – наподобие утят, а утят учить плавать не надо. Не пройдет много времени, как он уже разберет твои дурные и хорошие стороны. Итак, если падишах взрослый и совершенный, то может быть только два случая: или он мудрый, или же невежественный. Если он мудр и не стерпит предательство твое, он каким-нибудь благовидным способом укоротит твою руку. Если же он невежествен и глуп, то, хотя прибегаем к Аллаху, он самым безобразным образом отстранит тебя. От мудрого, может быть, спасешь жизнь, а от невежественного и глупого никак не избавишься.

А затем, куда бы падишах ни поехал, не оставляй его в одиночестве, дабы твои враги не воспользовались случаем оговорить ему тебя и не изменили бы его отношение [к тебе]. Не упускай все время

осведомляться о настроении благодетеля и имей сведения о его настроении. Пусть его близкие будут твоими шпионами, чтобы тебе было известно всякое дыхание его и для каждого яда у тебя было готово противоядие.

Будь осведомлен о правителях окрестных стран, и нужно, чтобы во всех странах друг и враг твой не могли выпить глотка воды без того, чтобы их люди не уведомили тебя. О их государстве будь так же осведомлен, как о шахстве своего падишаха.

Рассказ. Слыхал я, что в дни Фахруддавла Сахиб Исмаил ибн Аббад* два дня не приходил во дворец, не заседал в диване и никого не принимал. Доносчик сообщил об этом Фахруддавла. Тот послал кого-то [сказать]: «Слыхал я, что ты обижен. Если есть причины твоей обиды в стране, сообщи, чтобы мы могли взяться за устранение их. Если же есть у тебя обида на меня, то скажи, чтобы мы могли извиниться». Сахиб ответил: «Избави Аллаха, может ли быть у раба обида на господина? Дела же страны в порядке. Пусть господин предается утехам, эта обида раба скоро будет устранена».

На третий день он пришел во дворец в обычном настроении, довольный Фахруддавла спросил: «От чего была обида?» Ответил: «Мой доносчик писал из Кашгара, что хакан совещался с таким-то сипахсаларом*, а я не мог узнать, что он ему сказал. У меня хлеб в горло не проходил от обиды; зачем же это нужно, чтобы хакан Туркестана что-то сказал, и мы этого здесь не знали? Сегодня пришло другое письмо, [сообщают], в чем там дело. Вот я и доволен».

Потому-то и нужно, чтобы ты был осведомлен о делах повелителей мира и излагал их дела господину своему, дабы ты был в безопасности от друга и недруга и способности твои стали известны.

И какую бы должность ты ни давал, давай тому, кто ее достоин, из алчности мир притеснителям не отдавай, ибо Бузурджмихра спросили: «Был на службе у дома Сасана и заведовал делами их такой, как ты, почему же дела их запутались?» Отвечал: «Потому, что в великих делах искали они поддержки у малых гулямов, вот и пришло их дело в такое состояние».

Нищему чиновнику должности не давай, ибо, пока он не получит для себя выгоды, твоими выгодами не займется. Разве ты не видел, что, когда поливают посевы и грядки, если ведущий к посевам и грядкам арык влажен, то вода быстро попадает на грядку, так как влажное место не много впитывает воды. Если же арык сухой и давно не получал воды, когда пустят в него воду, пока он сам не пропитается водой, он воду на посевы и грядки не пропустит. Вот нищий чиновник вроде сухого арыка, сначала заботится о себе, а потом уже о тебе.

Приказ свой считай важным и не позволяй, чтобы его кто-нибудь нарушил, ни под каким видом.

Рассказ. Так слыхал я, что Абулфазль Балами дал Сахлю Худжанди* должность сахибдивана* Самарканда. Написали маншур*, скрепили [его], и дал он ему халат. В тот день, когда он собирался уехать, он пошел во дворец ходжи попрощаться и испросить указаний. Когда он совершил прощальный поклон и помолился о благе и сказал те речи, которые при всех хотел сказать, он попросил дать ему переговорить с глазу на глаз. Ходжа приказал [всем] покинуть комнату. Сахль сказал: «Да продлится жизнь господина, когда раб уедет и приступит к работе, конечно, отсюда пойдут приказы. Пусть господин даст рабу знак, какие дела надо продвигать, чтобы раб знал, которые из приказов выполнять, а которые выполнять не надо». Абулфазль Балами ответил: «О Сахль, хорошо ты сказал, и знаю, что ты это долго обдумывал. Нам тоже нужно подумать, чтобы надумать. Сразу ответ дать нельзя. Подожди несколько дней».

Сахль Худжанди пошел домой. Сулейману ибн Яхье ас-Самгани дали должность сахибдивана Самарканда и отправили его с халатом и маншуром*. Сахлю же он приказал: «Нужно, чтобы ты год не выходил из дому». Сахль год просидел у себя в доме, заключенный. Через год он позвал его и сказал: «О Сахль, когда ты видал, чтобы я давал два приказа, один правильный, а другой ложный?» Великих мира мы учим покорности мечом. Приказ у нас один. Что за глупость ты видел во мне, что мы можем учить подчиненных непокорству? То, что мы хотим видеть исполненным,

то мы приказываем, чего не хотим делать, не приказываем. Мы никого не боимся и не страшимся и в делах не бессильны. То же, в чем нас заподозрил, – дело беспомощных. Раз ты счел, что мы в делах пешки, и мы тебя в должности сочли пешкой, [нельзя] чтобы ты поехал на работу с такими мыслями, что мы можем что-либо приказать, а ты это не выполнишь. Ни у кого не хватит смелости не выполнять наши приказы».

Потому, пока ты жив, не давай ложной скрепы, а если твой чиновник не исполнит приказа, основательно накажи. Если ты при жизни скрепу свою не сделаешь прославленной и действительной, после тебя никто не будет выполнять скрепленного тобой приказа, как теперь выполняют приказы, скрепленные везирами прошлого.

Падишахам и везирам надлежит иметь один приказ и приказ решительный, чтобы сохранилось [к нему] уважение и дела шли.

А вина не пей, ибо от питья возникает беспечность, вялость, грех, упаси нас Аллах от всякого везира и амил* я беспутного!

И когда падишах займется питьем вина, да еще и везир займется, быстро беда проникнет в страну. Так ты предашь и себя, и главу своего. Будь таким, как я сказал, ибо везиры – стражи страны, а очень это безобразно, если стражу нужен еще другой страж.

Ну, а если не случится тебе быть везиром и станешь ты сипахсаларом*, то соблюдай условия сипахсаларства. А вспомоществование от Аллаха.

Об условиях и обычаях сипахсалярства

Знай, о сын, что, если будешь ты сипахсаларом, будь благодетелем для войска и подданных. И от себя делай добро, и от [имени] господина своего и испрашивай милости для подданных. Будь всегда величавым, а способы изучения войска и построения боевых рядов знай основательно. В день, когда случится бой, на правое и левое крыло посылай полководцев опытных, испытанных в бою и видевших мир. Самого смелого полководца с лучшими людьми поставь позади войска, чтобы эти люди заднего отряда были в тылу войска. Если бы

даже враг был слаб, не считай его слабым и того слабого остерегайся так же, как и сильного. В бою не будь отчаянным, ибо от отчаянности погубишь войско, но не будь и особенно опасливым, ибо своей опасливостью ты вызовешь поражение своего войска.

Не упускай случая послать лазутчика. В день боя, когда будешь смотреть на вражеское войско и оба отряда будут строиться друг против друга, смейся и своему войску говори: «Кто они, каково их происхождение, вот сейчас мы их истребим». Сразу же войско вперед не двигай, посылай отделение за отделением и полк за полком, конных. По одному назначай саларов* и сархангов* [говоря]: «Эй, такой-то, ты ступай со своими людьми!» Того, кто годится для нападения на эмира, держи подле себя. Всякого, кто хорошо бьётся и кого-либо выбьет, или ранит, или возьмет конного, или приведёт коня или принесет голову и окажет похвальную службу, ты за эту службу уважь халатом или прибавкой в оплате. И в это время имущество не захватывай и не сквалыжничай, чтобы твое намерение осуществилось. Когда это увидят, всему войску захочется сражаться, и никто в бою не оплошает, и достанется тебе та победа, которую ты хочешь.

Если твое желание таким образом осуществится, то и прекрасно и великолепно, ты только не торопись, оставайся на своем месте и в бой не вступай, ибо, когда бой дошел до сипахсалара, дело плохо. Потому, когда бой дойдет до тебя, крепко бейся, о бегстве не помышляй и бейся до смерти, ибо, кто приготовился к смерти, того с места не сдвинешь. Смотри, не будь таким сипахсаларом, о которых говорит Асджади, [описывая] завоевание Хорезма султаном Махмудом:

Сипахсалар, не разбивающий войско,
от которого в конце концов
Было разбито войско,
но только их же войско.

Когда добьешься победы, бегущих долго не преследуй, ибо при внезапном обращении назад может случиться много бед и нельзя знать, как обернется дело. Великий эмир, отец мой, да

смилуется над ним Аллах, никогда не гнался за бегущими и никому гнаться не позволял, а правил ведения войн никто лучше него не знал. Султан Махмуд тоже этого придерживался и говорил: «Беглецы, когда истомятся, дойдут до исступления, остановятся и, уж если они снова повернут [на тебя], с ними биться не следует, чтобы беды не случилось». Когда идешь в бой, волей-неволей видишь своими глазами путь, которым входишь, но нужно также и внутренними, и внешними очами видеть и выход, ибо, может быть, бой сложится не так, как ты того хочешь. И еще это слово не забывай, хоть я его и сказал в другом месте, но снова повторяю. Когда случится бой, хотя бы тебе было тесно, а, к примеру, на шаг позади тебя будет просторное мес-то, смотри, и одного шага назад не отступай. Ибо стоит тебе отступить на пядь, как тебя сейчас же обратят в бегство. Старайся все время продвигаться вперед и ни на шаг назад не ступай.

И так надо, чтобы войско твое все время клялось твоей жизнью и головой твоей. А ты к войску будь щедр. Если нельзя одарить его халатами и подарками, не скупись на хлеб и вино и ласковые речи. Ни куска хлеба, ни кубка вина без войска своего не вкушай, ибо то, что хлеб делает, того золото и серебро и халат не сделают.

Войско всегда поддерживай веселым; если хочешь, чтобы они не жалели ради тебя жизни, не жалей ради них куска хлеба.

Хотя все дела и зависят от предопределения Аллаха, да возвысится слава его, однако ты сделай все, чего требует предусмотрительность, правильным путем, ибо то, что предопределено, все равно случится.

Ну, а если господь всевышний смилуется над тобой и даст тебе шахскую власть, ты соблюдай условия царствования и веди достохвальный образ жизни и держись великих помыслов и будь независимым.

Об обычаях и условиях царствования

Знай же, о сын, что если будешь ты падишахом, то будь праведен и отвращай глаза и руки от чужого гарема и блюди свою чистоту, ибо чистота нравов – чистота веры. Во всяком деле следуй разуму, в каждом деле, которое собираешься сделать, советуйся с разумом, ибо лучший из везиров – разум.

Пока видишь возможность медлить, не торопись. При всяком деле, в которое хочешь вступить, рассчитай сначала, как из него выйти, и, пока не увидишь конца, на начало не смотри. Во всяком

деле соблюдай мягкость и, если дело удается при помощи мягкости, иначе как мягкостью его не продвигай....

Не одобряй неправосудия и на все дела и речи взирай оком справедливости, чтобы суметь различить во всяком деле истину от лжи, ибо, если падишах не раскрывает око разума, истинный и ложный пути перед ним не откроются.

Всегда говори правду, но говори мало и мало смейся, дабы младшие с тобой не обнаглели. Ибо говорят, что худшее дело для падишаха – наглость подданных и непокорность приближенных.

Если будешь раздавать дары, давай их достойным. Будь величавым на вид, дабы не унизиться в глазах войска и подданных. Обещаний своих не нарушай, а к творениям господа всевышнего будь милостив. Но к безжалостным не будь милостив, прощать их в обычай не бери, а будь к ним грозен, в особенности к своему везиру.

Перед своим везиром простодушия не выказывай и не нуждайся все время в его советах. Что бы везир ни сказал о ком-нибудь, какой бы путь ни указал, выслушай, но сразу же ответа не давай. Скажи: «Посмотрим, а там прикажем, как будет нужно». Потом прикажи расследовать то дело, ищет ли он в нем твоего блага или выгоды для себя. Когда выяснишь, тогда и дай ответ так, как сочтешь правильным. Тогда он не будет считать, что ты без его совета обойтись не можешь.

Кому бы ты ни дал должность везира, в этой должности дай ему полную власть, дабы дела, и работа, и страна твоя не пострадали. Стар ли ты будешь или молод, но везиром держи старика, молодым этой должности не давай, ибо по этому поводу сказано:

Полустишие:

Пусть никто не будет полководцем, кроме старика.

Если ты сам будешь стар, то некрасиво, чтобы юноша давал советы старцу, а если сам будешь молод, да и везир молод, огонь юности у вас обоих сольется, и от этих двух огней сгорит страна.

Нужно, чтобы везир был благообразен, старик или зрелый муж, в полном обладании силы, мощного сложения, с большим животом, а у везира тощего, малорослого и чернобородого нет никакой

представительности. Везир должен быть длиннобородым в полном смысле слова.

Рассказ о том, как захотел султан Туграл-бек* дать должность везира кому-нибудь из везиров Хорасана. Выбрали одного мудреца, а у того мудреца борода была до пупа, крепко длинная и широкая. Вызвали его и передали весть от султана, что мы, мол, назначили тебя своим везиром, должен ты взять в руки управление нами, ибо не вижу я никого, кто лучше тебя подходил бы для этой должности везира.

Мудрец ответил: «Скажите господину мира, да продлится твоя жизнь тысячу лет. Должность везира – это такое занятие, для которого нужно много разных свойств, а из всех этих свойств у раба, кроме бороды, ничего нет. Пусть господин не ослепляется бородой раба, воссылающего за него молитвы, и соблаговолит пожаловать эту службу кому-нибудь другому».

Ему и близким его оказывай благодеяния и не плошай в назначении кормления и в милостях. Но родных и близких его на должности не назначай, ибо нельзя все сало сразу отдавать кошке. Ведь ни под каким видом не будет он требовать настоящего отчета от близких своих и ради твоего добра свою родню не обидит. А кроме того, родственники везира именем везира сотни несправедливостей причинят людям, каких чужой и одной не сделает. Везир из рук родни подпишет, а от чужого нет.

Разбойников не милуй, прощать убийц дозволенным не считай, ибо, если ты простишь того, кто заслужил казни, ты за его преступление тоже ответишь в день воскресения мертвых, а кроме того, если не будет кары твоей, то у всякого найдется смелость пролить кровь.

К слугам своим будь милосерден и охраняй их от зла, ибо господин, словно пастырь, а младшие – как стадо; если пастырь будет безжалостен к своему стаду и не охранит его от хищников, то оно скоро погибнет.

Если ты у кого-нибудь найдешь незаконную наживу, то на него не полагайся, но все же давай ему поручения и должности у него не отнимай, может быть, тот доход, который он получит от своей

должности, соединится с его незаконной наживой, и будет он жить безгрешнее, и тебе меньше придется о нем заботиться. Службу давай сообразно [способностям] человека. Но когда даешь слуге какую-нибудь службу, то хорошенько присмотрись и дай ему службу подобающую. Тому же, кто службы не достоин, ничего не поручай. Например, тому, кто годится в виночерпии, должность фарраша не давай, а того, кто годится в казначеи, не делай хаджибом. Не всякое дело можно поручить любому человеку, ибо говорят, что для каждой должности – свои люди. Иначе хулители будут злословить о тебе и в делах будет ущерб. Ведь, если ты поручишь слуге какое-либо дело, а он этого не умеет, он ради выгоды своей ни под каким видом не скажет, что не умею, мол, а будет его делать, но дело-то будет испорчено. Потому поручай дело тому, кто умеет его делать, тогда избавишься от докуки.

Прошу в молитве вспомоществования тебе, дабы
Работу ты поручал только тому, кто умеет ее делать.

И потому, если будет у тебя благосклонность к кому-либо и захочешь ты его уважить, без поручения должности можно дать ему всяких благ и богатств, не поручая ему неподходящей работы, дабы не доказать своего невежества.

И, царствуя, не допускай, чтобы кто-либо презирал твой приказ, иначе он и тебя будет презирать. Ведь отрада шахской власти – повелевать, а если бы не это, облик-то у падишаха и у подданного тот же самый, а разница между падишахом и подданным та, что он приказывает, а подданный повинуется.

Рассказ. О сын, слыхал я, что в дни деда твоего, султана Махмуда, был у него амиль, звали его Абулфатх Бусти*. Ему дали в управление Нису. Он схватил человека из Нисы, богатство у него отнял, поместья конфисковал, а самого бросил в зиндан*. Потом этот человек ухитрился бежать из зиндана, поехал в Газну, нашел путь к султану и потребовал правого суда. Султан приказал, чтобы ему дали из дивана грамоту. Тот поехал в Нису и предъявил грамоту. Амиль сказал: «Этот человек в другой раз в Газну не поедет и султана не увидит». Земли он ему не вернул и по грамоте ничего не сделал.

Человек вторично пустился в Газну. Когда он приехал в Газну, он каждый день ходил к воротам дворца султана Махмуда, пока, наконец, как-то раз султан возвращался из сада; тот человек, [увидев его], поднял крик и стал жаловаться на амиля Нисы. Султан снова приказал дать грамоту. Человек сказал: «Я уже раз ездил, грамоту привез, он ее не выполняет». А султан был в это время чем-то занят, в задумчивости он сказал: «Мое дело давать грамоты, а если он не повинуется, то что же мне делать? Ступай и посыпь себе прах на голову». Человек спросил: «О падишах, амиль твой не повинуется твоему приказу, а мне нужно посыпать прахом голову?» Султан ответил: «Нет, ходжа, я ошибся, мне нужно посыпать прахом голову».

Тотчас же он назначил двух дворцовых гулямов, чтобы они поехали в Нису и вызвали шахна* области. Грамоту эту прицепили на шею Абулфатху и повесили его в деревне, а глашатаю поручили кричать: «Вот как карают того, кто не выполняет приказы господина своего». После того ни у кого не хватало смелости не выполнять приказы повелителя, они стали действительными, а люди нашли покой.

Рассказ. Знай, о сын, что когда сел на трон Масуд*, он вступил на путь смелости и мужества, но управлять государством он совсем не умел и вместо того, чтобы царствовать, предпочитал развлечения с рабынями. Когда войско и чиновники увидели, чем он занят, они стали непокорными, и все дела у людей запутались, а войско и подданные обнаглели. Пока как-то раз не приехала из рабата Фараве обиженная женщина и не пожаловалась на амиля того вилаята. Султан Масуд дал ей грамоту, амиль приказа не выполнил и сказал: «Эта старуха в другой раз в Газну не поедет». Старуха поехала вторично в Газну, пошла в приказ, где принимали жалобы, потребовала доступа [к султану] и правосудия. Султан Масуд приказал дать ей грамоту. Старуха

сказала: «Я уже раз ее возила, он ее не выполняет». Султан сказал: «Что же мне делать?» Старуха ответила: «Держи вилаят так, чтобы приказ твой там выполняли, или же откажись от него, чтобы его смог взять тот, чьи приказы будут выполнять, а ты продолжай предаваться утехам, тогда рабы господа всевышнего не будут истерзаны притеснением твоих амилей».

Масуд крепко устыдился и приказал, чтобы права старухи были восстановлены, а амиля того повесили на воротах. Затем он проснулся от сна небрежения и уже ни у кого не хватало смелости оплошать с выполнением его приказов.

Итак, падишах, приказы которого не имеют хода, – не падишах. Как между ним и людьми есть разница, так должна быть разница между его приказом и приказом других, ибо порядок в стране зависит от исполнения приказов, а исполнение приказов связано со строгостью. Итак, не плошай и будь строг, чтобы приказы [твои] выполнялись и дела не знали ущерба.

А затем блюди войско и не давай ему власти над подданными, как соблюдаешь выгоды войска, так соблюдай и выгоды подданных. Ибо падишах словно солнце: не годится, чтобы одному он светил, а другому не светил. А подданных можно удерживать правосудием, и подданные от правосудия процветают, ибо доход ведь получается от подданных. Потому не допускай в стране несправедливости, ибо справедливостью держится дворец падишаха и держится долгие годы, дворец же несправедливых быстро уничтожится. Ведь справедливость – процветание, а несправедливость – запустение. Процветание создавать дольше, но оно долго и длится, а что покоится на запустении, то быстро и рухнет. Как говорят мудрецы: «Источник радости для мира – справедливый правитель, а источник скорби – правитель несправедливый».

Не допускай, чтобы рабы господа всевышнего страдали. Не уединяйся слишком много, ибо, если тебе общество людей и войска будет неприятно, то и войску ты станешь неприятен. В оказании благодеяний войску и подданным не плошай, ибо, если оплошаешь, эта оплошность будет наградой для врагов.

Не держи войско из одного племени: каждый падишах, у которого войско одноплеменное, всегда в плену у войска и всегда перед ним бессилен. Ибо одноплеменники сплочены между собой и их нельзя [применять, чтобы] наказывать друг друга. Когда войско из разных племен, то это племя из страха перед другим и другое из страха перед этим не сможет ослушаться и твоя власть над войском будет крепкой. Господин, дед твой, султан Махмуд держал четыре тысячи тюркских гулямов и четыре тысячи индийцев и постоянно наказывал индийцев при посредстве тюрков, а тюрков – при посредстве индийцев, таким образом, оба племени были ему покорны.

Постоянно приглашай войско на хлеб и вино и осыпай их милостями, [давая] халаты, и подарки, и обещания, и знаки внимания. Но, если захочешь сделать кому-нибудь подарок и он будет мал, собственными устами при всех [об этом] не говори, скажи кому-нибудь тайно, чтобы он был посредником, дабы не показалось это отсутствием великодушия: во-первых, то, что даришь что-то, правителям неподобающее, а затем – то, что становишься ты известным всем людям как не имеющий великодушия. Я восемь лет был в Газне надимом султана Мавдуда*, а трех вещей от него никогда не видел: первое – то, что о подарке, который был меньше двухсот динаров, он при всех не говорил, а [передавал его] через посредника; второе – никогда не смеялся так, чтобы были видны зубы; третье – когда гневался, никогда никого не бранил. Эти три обычая очень хороши. Слышал я, что и царь Рума держится этих обычаев. Но есть у них обычай, какого у правителей персидских и арабских нет. Если цари Рума ударят кого-нибудь своей рукой, то уже ни у кого не будет смелости ударить того человека, пока он жив. Говорят: «Его побил царь своей собственной рукой, чтобы его ударить, нужно такого же царя, как тот».

А теперь вернемся к нашей беседе о щедрости. Я тебе не могу сказать: «Будь через силу щедрым»; если не можешь ты побороть природы своей, то хотя бы, как я сказал, не показывай своих помыслов перед всеми. Ведь, если ты не будешь щедрым, люди начнут питать к тебе вражду. Если сразу же не смогут ничего тебе

сделать, то, когда будет у тебя враг, жизнью своей ради тебя не пожертвуют и подружатся с врагом твоим.

Старайся не опьяняться вином шахской власти и не плошай в шести свойствах и блюди их: грозность, справедливость, щедрость, памятливость, терпеливость и правдивость. Если правитель отбросит одно из этих шести свойств, то он близок к опьянению властью, а всякий правитель, который опьяняется властью, тогда отрезвеет, как власть от него уйдет.

Царствуя, не пренебрегай осведомлением о положении повелителей мира. Нужно так, чтобы ни один правитель не мог вздохнуть без того, чтобы это не стало тебе известно.

Рассказ. Я слыхал от покойного эмира, отца моего, да помилует его Аллах и да продлит твою жизнь, сынок мой, слыхал, что Фахруддавла бежал от своего брата Азудаддавла и нигде не мог найти пристанища. Пришел он ко двору деда моего, шаха Кабуса, просил о пощаде. Дед мой обещал ему безопасность и принял его, был к нему много великодушен и дал ему мою тетку, и на той свадьбе беспредельно веселились, ибо бабка моя была теткой Фахруддавла, а отец мой и Фахруддавла были оба сыновьями дочерей Хасан Фирузана.

Потом Азудаддавла прислал посланника к Шамсалмаали и дал ему письмо и после прославления [Аллаха] в письме сказал: «Азудаддавла посылает много приветов и говорит: брат мой, эмир Али, туда приехал, а ты знаешь, каковы между нами и вами дружба и братство. Наши оба рода – одно, а этот брат мой – враг мой, нужно, чтобы ты отослал его ко мне, и тогда я в награду за это из моей страны любую область, которую ты пожелаешь, тебе предоставлю и дружба наша еще укрепится. Если же ты не хочешь, чтобы пал на тебя этот позор, то там же дай ему яду. Тогда и мое желание осуществится и тебе позора не будет и достанется тебе та область, которую хочешь».

Эмир Шамсалмаали сказал: «Великий Аллаха! Что может заставить столь уважаемого человека говорить такому, как я, эти слова? Ведь невозможно, чтобы я сделал дело, позор которого ляжет мне на шею до самого дня воскресения мертвых».

Посланник сказал: «О господин, не делай этого, не оскорбляй Азудаддавла ради эмира Али, т. е. Фахруддавла. Ибо наш падишах любит тебя больше, чем единокровного брата своего», и клялся он и так и этак, что: «В тот день, когда падишах дал мне письмо и отправил меня, посреди беседы как-то он сказал: – Аллах ведает, как я люблю Шамсалмаали. Вплоть до того, что, когда я услышал, что в такую-то субботу, когда прошло столько-то дней от такого-то месяца, Шамсалмаали пошел в баню, в средней комнате поскользнулся и упал, я тогда огорчился и сказал: «Неужели после сорока семи лет он так состарился, и силы его сдали?»

А цель у посланника была та, чтобы Шамсалмаали знал, как осведомлен о его делах их господин, и этому научил его Азудаддавла.

Шамсалмаали сказал: «Да продлится жизнь его, мы очень обязаны ему за эту любезность, но только извести его, что я еще более скорблю [о следующем]: в тот вторник, когда он тебя посылал, было такое-то число месяца, в ту ночь он в такой-то комнате пил вино и там-то лежал, уединившись с кравчим Ануштегином. В полночь он оттуда вышел и направился в женский покой, поднялся на крышу и пошел в худжру Хайзуран Аваде* и с ней тоже уединился.

Когда он спускался с крыши, нога его поскользнулась и он упал с лестницы. Я тоже все думал о нем и говорил: человеку сорок два года, неужели же рассудок его так пострадал? Зачем же пить столько вина, чтобы даже не мочь спуститься с крыши, и зачем посреди ночи менять ложе? Вот тогда и случается такая беда!»

Так он известил посланника о том, что и ему все известно.

И подобно тому, как ты будешь иметь сведения о правителях мира, нужно, чтобы ты и о стране своей и о состоянии войска и подданных тоже все знал, каково оно.

Рассказ. Знай, о сын, что в дни дяди твоего Мавдуд ибн Масуда я поехал в Газну. Он меня почтил и уважил. Когда прошло столько-то времени, он меня повидал и изучил и дал мне должность личного надима, а личный надим – это такой, который никогда не отсутствует на пирах и беседах. Потому мне всегда нужно было присутствовать во время еды и питья, были ли при этом другие надимы или нет.

Как-то раз, ранним утром, он совершал утреннюю попойку и так, нетрезвым, дал войску прием. Люди пришли, поклонились и ушли. Вошел великий ходжа Абдурраззак ибн Хасан ал-Майманди*, он был его везиром. Он тоже получил доступ. Когда прошло некоторое время, вошел дворцовый соглядатай, поклонился и передал слуге Али ибн Раби записку, а слуга подал ее султану. Тот прочитал ее, потом обернулся к везиру и сказал: «Прикажи проучить этого доносчика сотней палок, чтобы он в другой раз писал доносы подробнее. Здесь написано, что вчера в Газне в двенадцати тысячах домов застали азартную игру, а я не знаю, в чьих это домах и в каких кварталах было. Как хочешь, так и делай». Везир ответил: «Да продлится жизнь господина, он сократил это для облегчения. Если бы он все подробно изложил, получилась бы книга, и в один–два дня нельзя было бы прочитать. Может быть, господин будет милостив и простит его, а я скажу, чтобы в другой раз он писал подробнее». Ответил: «На этот раз я прощаю, но другой раз пусть пишет так, как говорит ходжа».

Потому-то нужно, чтобы ты был хорошо осведомлен о положении войска и подданных и не был лишен сведений о своей стране, в особенности же о своем везире, и нужно, чтобы ты знал, стоит твоему везиру выпить хотя бы глоток воды. Ибо весь свой дом ты вручил ему и, если будешь невнимательным к нему, будешь невнимательным к своему собственному дому, а не только к везиру. С окрестными правителями, если они ровня тебе, если дружишь, то не будь полудругом, а если враждуешь, враждуй явно. Если можешь враждовать явно, то с родней своей тайно не враждуй, ибо я слышал.

Рассказ, что Искендер шел на войну со своим врагом. Ему сказали: «О царь, этот человек, враг твой – беспечен, надо неожиданно напасть на него ночью». Искендер ответил: «Тот не правитель, кто ворует победу».

Царствуя, привыкай творить великие дела, ибо правитель – больше всех, и нужно, чтобы и речи, и дела его были величавее всех. Тогда он добьется славы, ибо великую славу добывают великими делами и речами. Как сказала эта проклятая собака Фараон*, проклятие Аллаха на нем: «Я – господь ваш высочайший». И до дня воскресения будут читать этот стих Корана и почитать его имя из-за сказанного им великого слова.

Потому будь таким, как я сказал, ибо у незаботливого правителя славы не будет. Подпись свою чти и всяких безделок не подписывай, только если даришь великий дар или великую область, или великий корм. Если подписал, подписи своей не нарушай, разве что по очевидной причине. Ибо нарушение обещаний для всех непохвально, а правителю еще непристойнее.

Вот условия шахского ремесла. Хоть это и высокое ремесло, но я, согласно порядку книги, рассказал и написал [и о нем]. А если случится у тебя другое занятие, как дихканство, и другое какое дело будешь делать, нужно, чтобы и его правила ты соблюдал, дабы всегда распорядок и устройство дел твоих процветали. А вспомоществование от Аллаха.

О правах и обычаях дихканства и всякого другого дела, которое ты умеешь

Знай, о сын, что если ты будешь дихканом, то будь знающим [нужное] время. Что бы ты ни задумал посеять, не пропускай положенное на то время. Если посеешь на десять дней раньше времени, то это лучше, чем посеять на один день после срока. Держи наготове орудие и упряжку волов. Волов покупай хороших и хорошенько корми сеном. И нужно, чтобы у тебя в стаде всегда была запасная хорошая упряжка волов, чтобы не сорвалась у тебя работа и не прошел срок твоего посева, если у вола приключится какой-нибудь недуг.

Когда настанет время жатвы и посева, ты неустанно перепахивай землю и о посеве будущего года заботься в этом году. Сей всегда на такой земле, которая себя саму одевает, тогда она и тебя оденет. А такая земля, которая себя не одевает, не оденет и тебя. Действуй так, чтобы всегда заниматься устроением хозяйства, тогда от дихканства получишь прибыль.

Если же будешь ремесленником из числа ремесленников на базаре, то, каким бы ты делом ни занялся, работай быстро и тщательно, чтоб было много покупателей. Работу делай лучше, чем твои соседи, и довольствуйся незначительной прибылью. Чем получить за один раз десять на сто, лучше получи два раза по пять на сто. Не отпугивай покупателей запрашиванием и препирательством из-за цены, тогда ремесло тебя прокормит и больше людей будет иметь с тобой дело. Чтобы продать что-нибудь, говори с покупателем, [называя его] милым, другом, братом и [поминая] господа творца, в смирении не плошай, ибо при ласке и любезности у тебя что-нибудь купят, а путем хмурости, неприветливости, глупости цели не добьешься.

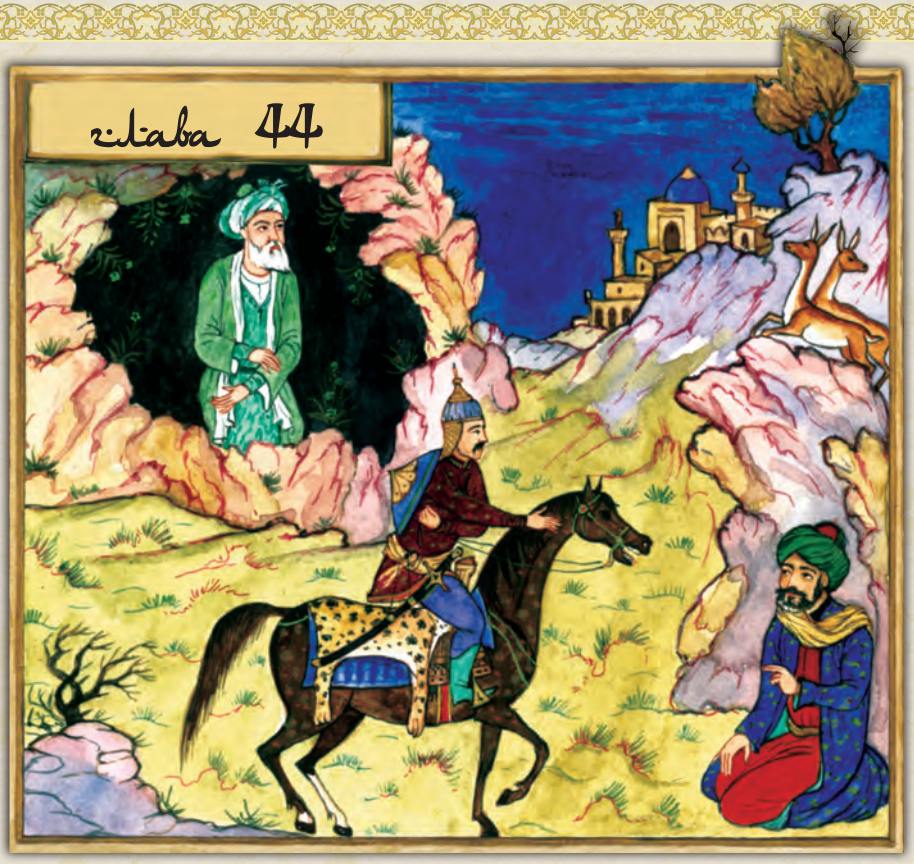
Если будешь так поступать, то будет у тебя много покупателей, и поневоле будут тебе завидовать другие ремесленники, и станешь ты самым известным и знаменитым среди всех ремесленников.

Всегда держись привычки говорить правду, особенно о том, что продаешь. Остерегайся скупости, но соблюдай выгоду. Тем, кто ниже тебя, дари, а перед тем, кто выше тебя, заискивай. Не пользуйся слабостью других, в сделках с женщинами и детьми лишних выгод не ищи. С чужестранца не запрашивай, с застенчивым слишком не торгуйся. С достойным обращайся хорошо. С падишахом будь честен, но не стремись к нему на службу. С военными не общайся. С суфиями* будь и сам чистым суфием. Весы и гири держи правильные. С семьей не будь двоедушным, доходов для нее не отделяй. Товарищей не обманывай, в изделиях, которые изготовляешь, и для знатока и для неопытного, работай одинаково и будь честен.

Если будет у тебя возможность, пользуйся случаем давать в долг. Ложных клятв не давай, а только правдивые. Избегай брать процен-

ты и не будь слишком жестоким в сделках. Если дашь нищему или неграмотному, то, раз ты знаешь, что средств у него нет, не требуй все время и не будь слишком настойчив. Будь чист сердцем, дабы видеть удачу, чтобы господь всевышний благословил заработок твой.

Каждый ремесленник, который так поступает, благороднее всего благородного. У ремесленников, у всякого цеха в их работе есть путь джавонмарди*. То, что является [необходимым] условием для ремесла, уже было сказано, в последней главе я расскажу о джавонмарди всякого цеха по мере своих сил, если даст Аллах всевышний.



Об обычаях джавонмарди

Знай, о сын, что если будешь ты действовать как джавонмард, то сначала узнай, что такое джавонмарди и откуда происходит оно.

Итак, знай, что есть три вещи из свойств человеческих. Не найдешь ты ни одного человека, который бы сам о себе засвидетельствовал, что у меня этих [трех свойств] нет. И мудрый, и неразумный, и разумный – все благодарят за это господа всевышнего, хотя господь всевышний очень мало кому дал все эти три вещи, а у кого эти три

вещи есть, тот из числа избранников господа всевышнего. Первое – разум, второе – правдивость, третье – человечность.

Если ты присмотришься по существу, то никто из людей, притязающих на разум, правдивость и человечность, не высказывает ложного притязания, ибо нет такой твари, в которой не было бы этих трех свойств, но вялость, тупость и порывистость основной путь этот для большей части людей закрывают. Господь всевышний создал людей как целое из разъединенных частей, назовешь ли ты их макрокосмом или микрокосмом, все равно. Ведь в теле человека есть часть природных сил, и небосводов, и звезд, и материи, и элементов, и формы, и души, и разума. Все это – раздельные миры, различающиеся по степеням, не вступающие в соединение, а люди составлены из этих миров и являют их целое.

И творец все это установил в связи и связал их друг с другом. Как ты можешь видеть, в этом большом мире существует связь небосводов, звезд и природных сил – они зависят друг от друга, хотя и различны по субстанции. Например, огонь и вода по всем качествам противоположны друг другу, противоположны друг другу и земля и воздух. Тогда земля стала посредником между водой и огнем, стала связью. У земли по сухости есть связь с огнем, а по холодности с водой; у воды – по холодности с землей; а по мягкости с воздухом; у воздуха – по мягкости с водой, а по теплоте с огнем; у огня – по субстанции с эфиром; а у эфира – по пламенности с солнцем, которое царь звезд и небосводов; у солнца – по субстанциальности с материей, по принятию им воздействия от материи, ибо солнце из субстанции пятого элемента. У материи оказалась связь с душой по высшей эманации, а у души – с разумом. Итак, у пассивных явлений возникла связь с активными по материи и потенции, и, если пассивные явления не получают от активных материю и потенцию через ту связь, которая между ними установлена, они разрушаются. И так же активные силы – от небосводов, а небосводы – от материи, а материя – от души, а душа – от разума. Далее суди по аналогии.

И все, что собиралось в человеческом теле из темноты и тяжести, собралось от природных сил. И формы, и лицо, и жизнь, и сила, и

движения собрались от небосводов. Пять телесных чувств, как слух, зрение, обоняние, вкус и осязание собрались от материи, а духовные чувства, как память, решение, размышление, воображение и речь собрались от души. Все же то, что в человеческом теле величавее всего, для чего источников нет и места ему указать нельзя, как человечность, мудрость и совершенство и благородство, основой чему является разум, [все это] появилось в теле от эманации высшего разума.

Следовательно, тело живо жизнью, а жизнь – душой, а душа – разумом. Если видишь у кого двигающееся тело, то там неизбежно должна быть жизнь, а кого видишь говорящим, там неизбежно есть душа, а где душа – там неизбежно разум. Это есть у всех людей, но когда между телом и жизнью появляется завеса болезни, связь равновесия слабеет, от жизни в тело прилива сил не поступает, т. е. движения сил. У кого между жизнью и душой становится завесой тяжесть формы, у того не поступает притока сил от души в жизнь совсем, т. е. пяти чувств. У кого между душой и разумом становится завесой темнота и непонимание, там не поступает приток от разума к душе, т. е. мысли, решения, человечности и правдивости.

Следовательно, поистине, нет тела без разума и человечности, но высшая эманация закрывает духовный приток. Притязание находилось, а сути нет. Потому-то нет никого в мире, кто бы не притязал на человечность. Но ты, о сын, старайся не быть таким, как другие, не делай лишенных сути притязаний и держи открытым духовный приток для высшей эманации путем изучения и вникания, дабы стать сплошь сутью без притязаний.

Но знай, о сын, что мудрецы изготовили фигуру из человечности и разума, на словах воплощенную. У этой фигуры было тело, жизнь, чувство и духовные свойства, как человечность. Сказали они, что тело этой фигуры – джавонмарди, жизнь ее – правдивость, молодость ее – мудрость, духовная сущность – свойства. Та группа, которой в удел досталось тело, это – айяры, воины, люди базара, которым дали прозвание джавонмард. Та часть, которой достались тело и жизнь, – обладатели внешних знаний и нищие – суфии, которых

люди называют познавшими и смирившимися. Та часть, которой достались и тело, и жизнь, и чувства, – мудрецы, и пророки, и святые, которых люди считают самыми мудрыми. Та же часть, которой достались и тело, и жизнь, и свойства, – это ангелы, а среди людей – посланники.

Итак, те люди, которым в удел досталось джавонмарди, связаны с этой группой, если знать истинную связь. Как говорят: «Основа джавонмарди – три вещи: первое – что говоришь, то и делай, второе – не поступай против правды, третье – будь терпелив». Ибо всякое свойство, имеющее отношение к джавонмарди, покоится на этих трех вещах.

Итак, о сын, если это тебе трудно, я разделю эти три свойства по этим группам и выявлю основу и меру каждого из них, дабы ты знал.

Отступление. Знай, что благороднейший айяр – тот, у которого несколько добродетелей: то, что он смел и мужествен, терпелив во всяком деле, держит обещания, целомудрен, чистосердечен, никому не причиняет вреда, допускает вред себе ради выгоды друзей своих, на пленников не посягает, нищих одаряет, злых удерживает от злых дел, говорит правду, правдивое слушает, воздает должное, за тем столом, где ел хлеб, зла не творит, за добро злом не отплачивает, ведет добрые речи, в беде видит благо. Если присмотришься, то все это восходит к трем вещам, которые я помянул, как передают в рассказе.

Рассказ. Слыхал я, что однажды в Кухистане сидела компания айяров. Вошел какой-то человек, сказал селам и молвил: «Я гонец от айяров Мерва. Они прислали вам привет и говорят: в Кухистане есть такие-то и такие-то айяры. Один из нас придет к вам. Есть у нас вопрос. Если вы на тот вопрос дадите правильный ответ, который нас удовлетворит, мы признаем ваше старшинство, а если правильного ответа не дадите, старшинство – наше». Ответили: «Говори». Сказал: «Пусть скажут, что такое благородство и что такое неблагородство и в чем разница между благородством и неблагородством. И если айяр будет сидеть на дороге и пройдет мимо него человек, а немного спустя, следом за ним, пройдет другой человек с мечом,

собираясь убить того, и спросит айяра, проходил ли здесь какой-то человек, какой ответ должен дать айяр? Если скажет, будет донос, если не окажет, будет ложь, а и то, и другое айярам неуместно». Когда услышали айяры Кухистана этот вопрос, поглядели они друг на друга. Был среди них один человек по имени Фазль Хамадани. Он встал и сказал: «Я отвечу». Сказали: «Говори!» Молвил: «Основа благородства – в том, чтобы делать то, что говоришь. А разница между благородством и неблагородством та, что ты терпишь. А ответ айяра таков, что он отодвинется на один шаг в сторону от того места, где сидел, и скажет: «С тех пор, что я здесь сижу, никто не проходил»; тогда он скажет правду».

А если ты будешь знать эти речи, тебе станет ясно, что такое благородство.

Свойство воинов. Итак, это благородство, о котором мы упомянули у айяров, воинам тоже обязательно поступать этим же образом, но еще полнее. Ибо воинское звание – это более совершенное айярство. Но у воина к этому должны еще прибавиться великодушие, гостеприимство, щедрость, благодарность, чистота одежды и хорошее вооружение. Но пристрастие к женщинам, себялюбие, готовность служить и заносчивость у воина – добродетель, а для айяра – порок. Благородство людей базара тоже имеет свои условия, но об этом мы уже говорили в главе о ремесленниках.

Свойство богословов. Те люди, которым от фигуры человечности достались тело и жизнь, это, как мы уже сказали, обладатели религиозной науки и нищие суфии, их благородство называют знанием и смирением. У этих людей благородства больше всего, ибо благородство – тело фигуры, а правдивость – жизнь ее, а у них есть и жизнь, т. е. правдивость. Потому не нарушай вежливости по отношению к этим людям, так как они обладатели познаний богословских, как благородные улемы. Тот, кто обладает этими свойствами, ведет смиренные речи и достохвальные, и точно так же и действия его смиренны и достохвальны. В делах веры они пристрастны, далеки от лицемерия, никогда ни на кого не гневаются, кроме как в делах веры, никогда ради лицемерия не разглашают никаких тайн

и не дают фетвы*, пока не смогут подтвердить ее клятвой о разводе, фетвами людей они не донимают и, если у кого-нибудь в каком-либо деле случится ошибка и у них есть средство исправить ее, они не скупятся и без всякой алчности поучают его [что делать]. Веры за мирские блага они не продают, свой аскетизм людям напоказ не выставляют, если они известны доброй славой, то все же грешника грехами его не попрекают, особенно на людях.

Если они дают кому-либо совет, то делают это тайно от людей, ибо давать людям совет при всех – это словно попрек и притеснение. Никогда они не решаются пролить чью-либо кровь и разрешения на это не дают, хотя бы даже знали, что тот человек достоин казни, так как мертвый не воскреснет. Для них обязательно не называть человека кафиром из-за пристрастия к иному толку, ибо куфр – противоположность веры, а не противоположность толка. Неизвестных ему книг и наук он не отрицает и [не говорит, что то], что ему неизвестно, – неверно. Не дерзает он совершить проступок, но не теряет надежды на милосердие господа всевышнего.

Всякий законовед и набожный человек, обладающий такими свойствами, – и человек и джавонмард.

Свойства суфиев. Но условия суфизма и правила и благородство этих людей сами мастера их изложили, особенно устод имам Абулкасим Абдалкарим Кушайри* в книге «Послание о правилах суфизма», и шейх Абулхасан ал-Мукаддаси в «Изложении чистоты», и Абумансур ад-Димишки в книге «Величие», и Али Вахиди* в книге «Изложение о раскрытии очевидного». Я полностью не могу изложить правил тариката в этой книге, это изложено в книгах других шейхов, ибо моя цель в этой книге – дать совет и добиться для тебя успеха. Однако условие напоминания все-таки выполнено для того, чтобы, если придется тебе водиться с этими людьми, ни ты бы не был им неприятен, ни они тебе.

Я изложу тебе условия благородства этих людей, ибо никому из людей не достанется столько скорби в жизни, которую они [стремятся вести] чисто и богобоязненно. Они считают себя лучше всех людей. Слыхал я, что первый, кто открыл этот путь, был пророк

Узейр, мир над ним; он достиг таких пределов в чистоте «времени» своего, что евреи назвали его сыном Аллаха, прах им в уста!

Слыхал я также, что в дни пророка было двенадцать «людей суффе», отдававших рубище. Пророк часто с ними уединялся и очень их любил. Потому-то благородство для этих людей труднее, чем для других людей. Благородство у них двух видов: одно свойственно нищим суфиям, другое – влюбленным. Я упомяну и то, и другое. Знай, что совершеннейший дервишизм в том, чтобы ты ничего не имел, ибо отсутствие имущества и учение о единстве и есть самая суть суфизма.

Рассказ. Так слыхал я, что как-то раз шли вместе два суфия, у одного ничего не было, а у другого было пять динаров. Тот, у которого ничего не было, шел смело, не страшась, и, куда бы ни приходил, чувствовал себя в безопасности, спал в опасных местах и валялся, как сердце его желало. Обладатель пяти динаров от страха не решался спать, но все же сопровождал его. Как-то раз пришли они к колодцу, место было страшное, на скрещении нескольких дорог. Суфий без имущества поел и сладко заснул, а обладатель пяти ди-

наров не смел заснуть. Он все говорил: «Что мне делать? У меня пять динаров золотом, место это страшное, ты заснул, а меня сон не берет, т. е. спать не смею и уйти не смею». Суфий без имущества сказал: «Дай мне [эти] пять динаров». Тот отдал их ему, и он швырнул их в колодец и сказал: «Вот ты и избавился! Спи спокойно или сиди, ибо нищий – в медной крепости».

Итак, по согласию всех шейхов, суфизм состоит из трех вещей: отсутствие имущества, вручение себя Аллаху и твердая вера. Если ты на все смотришь единым взором, далек от зла и во всех своих делах препоны не имеешь, то у тебя уже и есть сущность тариката. Итак, дервиш всегда должен проявлять смирение перед Аллахом, никогда не должен ни одному из братьев раскрывать свои мысли, кроме как о другом брате или себе самом. Ревность его должна быть всегда направлена на то, что почему мой брат не лучше меня, а себялюбие он должен изгонять из головы. Не должен он иметь личных целей, должен отложить их в сторону, должен смотреть взором отречения и подтверждения, а глазом двойственности ни на что не должен глядеть, от своих взглядов, предположений и несогласий должен отказаться. Ибо взор без предположений и есть подтверждение. Никто ему не будет противиться, ибо суть истины – отрицание двойственности, а суть искренности – отрицание противоречия.

Знай, о сын, что если кто-нибудь с полной искренностью ступит на воду, вода под его ногой окрепнет. И если будут говорить об этом, с точки зрения разума это приемлемо, хотя и невозможно. Раз ты узнал истинную искренность, не отрицай и принимай на веру, ибо искренность – это такое явление, которое ни разумом, ни силой нельзя вложить себе в сердце иначе, как по дару господа, всевышнего и преславного, если она будет вложена в тело.

Дервиш – тот, кто смотрит взором искренности, страх не делает привычкой, и снаружи, и внутри одинаков. Сердце его не бывает пусто от размышления о единстве, но в помыслах своих он предпочитает некоторую медлительность, дабы не сгореть в огне размышлений. Ибо люди тариката признали размышление огнем, водой для которого служит утешение. Потому-то веселие, танец, и пение

они ввели как средство утешения, а если дервиш не будет склоняться к пению и чтению нараспев, он всегда будет гореть в огне размышления. Тот же, кто не помышляет о единстве, тому слушать музыку и пение нельзя, ибо они еще умножают его омрачение.

Шейх Ахи Зангани* под конец жизни воспретил музыку и сказал: «Музыка – вода, вода нужна там, где есть огонь, лить же воду на воду умножает помутнение и осадок. Если там, где есть пятьдесят человек, один с огнем, то нельзя умножать помутнение сорока девяти человек ради одного, от этого одного можно потребовать терпения, как от остальных – искренности».

Если у дервиша внутреннего духовного воспитания нет, то нужно иметь хотя бы внешнее воспитание, чтобы из этих двух он был украшен хотя бы одной внешней формой.

Итак, дервиш должен быть набожным, красноречивым, безобидным, скрывающим порочность, выявляющим смирение, носящим чистое платье, снабженным всеми принадлежностями дервишей для путешествия и пребывания на месте, как посох, чаша для подаяния, кувшин для омовения, молитвенный коврик, веер, гребень, иголки, ножик для подрезания ногтей, он не должен нуждаться в шитье и стирке, а, напротив, оказывать эти две услуги братьям.

Он должен любить странствия, но один в странствие не должен ходить.

В ханаку* он не должен входить один, ибо от одиночества возникают грехи, а когда вступит в ханаку, не должен препятствовать благу, т. е. никого не должен удерживать от приближения [к цели]. Он должен сначала разувать левую ногу и обувать правую ногу. Подпоясанным выходить наперед он не должен. Садиться он должен там, где положат его коврик, а, садясь, должен испросить разрешения и по разрешению выполнить два ракъата [намаза]. Когда он входит или выходит, произнесет ли он приветствие или нет – безразлично, только утренний привет пусть не опускает.

Пусть водится с добрыми людьми и остерегается запретных деяний. Если не умеет он добиваться откровений, то пусть заучит слова откровений, дабы стать более любимым, тем дольше он пробудет

в ханаке. Пусть насильно не добивается общения с кем-либо, пусть уважает старцев, ибо уважение к ним – обязательное предписание, а общение – необязательно. Пусть все, что делает, делает с согласия и по приказу всего общества. Если общество его попрекает, то, хотя бы он был невиновен, пусть не противоречит обществу, пусть просит прощения и несет кару.

К людям пусть крепко не придирается, дабы к нему самому так же крепко не придрались. Пусть редко отлучается со своего молитвенного коврика, лишний раз на базар пусть не ходит. Если он захочет предпринять какое-нибудь дело, по какой бы то ни было надобности, или захочет осуществить какое-нибудь свое дело, пусть делает это с разрешения всего общества. Если наденет халат или скинет его, пусть попросит разрешения у общества или у старца общества. На коврике пусть не сидит, скрестив ноги или прислонившись к чему-либо. Тайком от людей пусть хырки* не разрывает и тайно от людей пусть ничего не ест, даже если бы это была одна миндалина, ибо это считают низостью. Пусть не называет вещей по их внешним признакам, а только так, как все общество их называет. Пусть среди общества много не говорит. Если наденут хырку, пусть и он делает то же, если снимут, – точно так же. Если может, то пусть ничью хырку не разрезает на куски и не собирает пищу, ибо для этих двух дел есть условия, которые не всякий может выполнить. Пусть пользуется всяким случаем омыть руки, пусть не кладет ноги на чужой коврик или чью-нибудь хырку. Посреди общества торопливо пусть не ходит и перед обществом взад и вперед не проходит, на чужое место не садится и не бывает обидчивым.

Когда поют или разрывают хырку и открывают голову, пусть не встает, ни с кем не говорит, ненужных танцев не пляшет. Когда одежда на теле будет разорвана, пусть сейчас же снимет и положит перед старцем. Если дервиш его укорит или похвалит, пусть поблагодарит уста его и предложит ему что-нибудь. Если дервиш даст ему хырку, пусть возьмет, скажет, что следует, поцелует, а затем вернет ему. Если он выполнит для дервиша какую-нибудь работу, сошьет ему одежду или вымоет, пусть без благодарности ему

не возвращает. Если будет от него дервишу какая-нибудь неприятность, пусть поскорее исправит и отплатит. Если же будет удовольствие, пусть скорее поблагодарит и воздаст должное. Себе же, пока может, пусть должного никогда не требует, особенно от дервишей. Исфаханцы сами требуют, к другим не воздают, хорасанцы не требуют, но и не воздают, табаристанцы не требуют, и не воздают, жители Парса и требуют, и воздают. И я слыхал, что суфизм прежде всего возник в Парсе.

Дервиш в молодости должен считать труд сокровищем, а в старости избирать медлительность. Во время принятия пищи он не должен отсутствовать от стола, дабы люди его не ждали, раньше всех руку к еде не протягивать и не должен кончать еду первым, а только в согласии со всеми. Он не должен желать большего, чем то, что ему досталось, никому без разрешения своей доли не уступать. Если он не может есть по болезни, он должен извиниться прежде, чем накроют скатерть. За едой он не должен говорить. Если он постится и накроют к еде, он не должен говорить о своем посте и может нарушать его. Омовение он не должен совершать без разбору, не должен становиться на молитвенный коврик, не должен совершать омовение по разным обрядам.

Условия благородства у суфиев таковы, как я сказал. Условия же влюбленных в том, что они не должны отрицать экстатические изречения суфиев, а просить о разъяснении их. Их пороки [влюбленный] должен считать добродетелями, например, неверие их считать верой. Тайны их он никому не должен говорить, о похвальных делах хорошо отзываться, а непохвальные стараться исправить.

Когда он идет к ним, он должен надевать чистое платье, сидеть почтительно, хырку, если выпадет она ему на долю, уважать и надевать, и прикладывать к голове, на землю не класть, на низкое дело ее не применять. Пока только может, он должен творить добро. Если он увидит, что суфии сняли хырку, пусть и он снимет. Если же эту хырку сняли от веселья, то пусть откупит ее за обещания или за пищу, возьмет и, поцеловав, вернет хозяину. Если же эта хырка упала от раздора, пусть никоим образом в это не вмешивается, а

предоставит это пиру. Пусть никогда не входит, если у суфиев раздор, а если случайно попадет, то пусть сидит на месте и ничего не говорит. Пусть они сами уладят свои дела.

И среди суфиев нет доверенного Аллаха, который говорил бы: «Пришло время намаза», или: «Вставайте, совершим намаз», никто не понуждает их к служению Аллаху, ибо они в этом не нуждаются, и никто им этого не приказывает.

Пусть он в их среде много не смеется, но и не делает постного кислого лица, такого человека называют «туфлей». Если он достанет какую-нибудь сладость, хотя бы мало, пусть снесет им и извинится, что мало: хоть и мало было, но не хотел я прийти с пустыми руками, сладость больше подходит для суфиев.

Я – суфий, а твое лицо – единственное среди всех красавиц,
Все знают, стар и млад, женщины и мужчины,
Что твои алые губы по сладости – халва,
А халву нужно дарить суфиям.

Если ты будешь таким, то целиком и как следует выполнишь обязанности друга суфиев, ибо правила благородства и правдивости друзей таковы.

Но те люди, которым от фигуры человечности достались тело, жизнь и чувства, т. е. благородство, правдивость и мудрость, – это пророки.

Если только эти три свойства в нем объединятся, то это, несомненно, ниспосланный пророк или мудрый хранитель, ибо в нем есть оба толкования: и физическое, и духовное. Физическая добродетель – правдивость и знание; духовная добродетель – мудрость. И если от тебя сокрыто, почему мудрость поставили выше знания и почему мудрость предпочли знающему, то я это затруднение тебе разрешу. Знай, что знание [марифат] по-персидски значит познание, а познавать означает, что ты что-либо от порога познавания перевел в степень узнания. Мудрость [дониш] же по-персидски – знание [илм], когда ты знакомое и чужое полностью различаешь, по знакомству и чуждости, чтобы выявить степени добра и степени зла. И знай, что полнота знания в пяти разделах*. Что? и каково? и сколько? и поче-

му?, т. е. что ты такое? каков ты есть? и почему ты? и сколько тебя?

И на вопрос: что ты? ответ таков, что ты скажешь: «Я знаю о том-то, что это такое или кто это такой». Это и есть знание, и звери это знание с людьми разделяют, ибо они признают свою пищу и своих детенышей, и человек точно так же, но так как у человека прибавилась еще и мудрость, то он может знать и что, и как, и сколько, и почему. Разве ты не видишь, что если поджечь пастбище зверей, то, пока они головы в огонь не сунут и не почувствуют боли от огня, они не удалятся, ибо они расценивают огонь через что, а не через как, а человек познает и что, и как. Так стало очевидно, что мудрость выше знания.

Потому-то я и сказал, что у кого есть совершенство мудрости, тот – пророк, ибо пророки настолько выше нас, насколько мы выше зверей. У животных есть знание что и только, а у человека и сколько, и как, а у пророков, которые наиболее совершенны среди людей, и как, и сколько, и почему и до конца. Звери знают только, что огонь жжет, человек знает, как он жжет, а совершеннейший знает, что жжет, и как жжет, и почему жжет, и по какой причине он жгуч.

Совершеннейший из людей – тот, у кого полнота благородства, а полнота благородства – в том, что у него полнота знания, а это только у пророков. Пророки полностью духовны, ибо у людей нет степени выше пророческой степени. И, следовательно, людьми, которым от фигуры человечности достались тело, жизнь, чувство и свойство, могут быть только пророки. И когда, поистине, кому-либо досталась полная доля от фигуры человечности, то описать его можно только, как «чистого», и выше его только ему подобный, и познание его – через общение, речью и опытом. Ибо тот, у кого чистота, един в себе и от него в нем и им, и в нем от него через него, он от него через него и он с ним. Вода его чиста, цели его – без личных помыслов и искательства, свободен он от страха, чист от себялюбия и удален от разрыва. Его бытие в небытии, от небытия через небытие он вечен, в небытии при бытии существует. В чистоте он чист без определения. Он видит себя вне себя, а то, что он вне себя, без себя не видит. Он взирает на сущность оком лишенного сущности. Потому,

если степень этих людей велика, и они достойны уважения, то это приемлемо.

Итак, о сын, старайся, каким бы ты ни был, быть впереди и сблизиться с благородством, чтобы быть избранником мира. К какому бы разряду ты ни относился, если хочешь вступить на путь благородства, не будь неосторожен и всегда три вещи держи закрытыми: глаз, руку и язык от того, что не следует видеть, не следует делать и не следует говорить. Три же вещи держи развязанными для врага и для друга: дверь дома, углы скатерти и завязки кошеля.

Насколько только можешь, не лги, ибо основа неблагородства – говорить ложь. И если кто-либо доверяет твоему благородству, то если бы ты сам был славнейшим человеком и самого дорогого для тебя человека убили бы, и был бы это злейший враг твой, если он только сдался тебе и признал свою слабость и из всех людей доверился именно тебе, если бы даже погибла жизнь твоя в этом деле, дай ей погибнуть и не бойся, но до последней капли крови старайся ради него, тогда у тебя будет благородство.

А затем, пока ты жив, не мсти за прошлое и не задумывай предательства, ибо это не входит в правила благородства.

Но знай, о сын, что эта улица – длинная, и, если я раскрою благородство всех слоев населения [с пояснением], как и почему [оно так складывается] у каждого слоя, речь моя затянется. Скажу я кратко, и все, что я сказал, вытекает из этого слова: знай, что совершеннейшее благородство в том, чтобы ты считал свое добро своим, а чужое – чужим и не жаждал добра других людей. Если у тебя что-либо есть, должен ты давать долю людям, но на чужое добро не рассчитывать. То, что ты не клал, не бери; если не можешь людям сделать добро, ты хоть обереги их от зла, ибо в этом величайшее благородство. Кто будет так жить, как я сказал, тому достанется и этот мир, и мир будущий.

Знай, о сын, что в этой книге я в нескольких местах говорил о нетребовательности. Еще раз повторяю: если хочешь никогда не знать докуки, всегда будь нетребователен и не будь завистлив, тогда сердце твое всегда будет весело, ибо основа огорчений – зависть, и в этом поражает людей доброе и злое действие небосвода.

Учитель мой говорил: «Человек должен быть предусмотрителен, но перед действием небосвода должен склонять шею и открывать рот, дабы, если слабость постигнет его от неба, поднять ее на шею, а если достанется вкусный кусок, положить в рот». Как говорит господь, великий и преславный: «Бери то, что я дал тебе, и будь из числа благодарных*».

Действие небосвода только этих двух видов и бывает. Если ты ступишь на этот путь, твое свободное тело никогда не станет рабом.

Не давай алчности места в сердце своем. Как тебе случится так, будь это добро или зло, тем и довольствуйся. Знай, что все разряды людей, сколько бы их ни было, – рабы господа всевышнего и преславного, все они – сыны Адама, мир над ним, один не меньше другого. Когда человек выбросит алчность из сердца и возьмет себе правилом нетребовательность, он не нуждается более во всем мире.

Если ты отгонишь алчность, о сын, все станет легко,
Стоянки твои от нетребовательности будут процветающими.

Итак, почтеннейший человек в мире тот, кто ни в ком не нуждается, а наиболее жалкий и низкий тот, кто нуждается в людях и не стыдится этого и ради золота, и серебра служит себе подобному.

Рассказ. Слыхал я, что однажды Шибли*, да помилует его Аллах, пошел в мечеть, чтобы выполнить два раката намаза и отдохнуть. В мечети были школьники. Случайно было как раз время их завтрака, и двое ребят уселись около Шибли, да помилует его Аллах. Один был сын богача, а другой – сын нищего. Стояли у них две корзинки. В корзинке богача были хлеб и халва, в корзине сына нищего – пустой хлеб. Сын богача ел хлеб с халвой, и сын нищего попросил у него халвы. Сын богача сказал: «Если я дам тебе кусок халвы, ты будешь моей собакой?» Ответил: «Буду». Сказал: «Полай, чтобы я дал тебе халвы». Тот несчастный стал лаять, а сын богача давал ему халвы. Несколько раз он сделал так, а шейх Шибли, да помилует его Аллах, смотрел на них и плакал. Муриды спросили: «О шейх, что с тобой случилось, что ты плачешь?» Сказал: «Смотрите, что делает алчность и отсутствие нетребовательности с человеком. Что было бы, если бы этот ребенок довольствовался своим сухим хлебом и не

жаждал халвы того ребенка? Не пришлось бы ему тогда и быть собакой у себе подобного!».

Потому, о сын, будешь ли ты отшельником или блудником, будь всегда нетребовательным и довольным, дабы стать величайшим и чистейшим в мире.

Знай, о сын, что в этих сорока четырех главах этой книги я рассказал тебе о всех науках, которые знал, как мог, и в отношении всего дал тебе несколько слов назидания и совета, кроме как в отношении разума. Ибо никак не могу я тебе сказать: «Будь насильно умным, ибо силой разуму научиться нельзя».

И знай, что разум двух видов: один – разум природный, а другой – благоприобретенный. Благоприобретенному можно научиться, но природный – это подарок господа преславного и всевышнего, обучением ему не научишь. Если только даст тебе господь, преславный и всевышний природный разум, – великое это счастье для тебя, старайся тогда о разуме благоприобретенном, научись ему и соедини благоприобретенный с природным, станешь тогда диковиной своего времени. Если же природного не будет, ни я, ни ты, никто тут ничего сделать не может. Тогда не оплошай хоть с благоприобретаемым, сколько можешь, учись, чтобы, если не станешь ты одним из мудрецов, не быть по крайней мере и одним из глупцов. Ведь если из этих двух будет у тебя один, это лучше, чем ни одного не иметь. Ибо сказано, что если нет отца, то нет никого лучше отчима.

Теперь, если хочешь быть разумным, учись мудрым изречениям, ибо при помощи мудрых изречений можно научиться разуму.

Как спросили мудреца Аристотеля: «В чем сила разума?» Ответил: «У всех сила от пищи, а у разума – от мудрых изречений».

Теперь, о сын, знай, что все, что мне было в привычку, я объединил в книгу и о всякой науке и искусстве и всяком ремесле, которое знал, поместил я по главе в сорока четырех главах этой книги. И знай, о сын, что с детства и до старости был у меня такой обычай, и таков я был и шестьдесят три года моей жизни я провел таким образом и при таком поведении. И книгу эту я начал в четыреста семьдесят пятом году. И после этого, если подаст господь жизни,

буду я таким же, пока буду жив, и то, что считал я хорошим для себя, считаю хорошим и для тебя. Если ты найдешь обычаи и свойства лучше этого, будь таким, как тебе лучше, если же нет, то вникай этим моим советам и увещаниям ухом сердца и повинуйся им. Если не послушаешь и не примешь, нет на тебя насилия, тот, кого Аллах сотворил счастливым, прочтет и поймет, ибо все это – признаки счастливых в обоих мирах.

Господь, да святится и возвысится он, да помилует меня и тебя, и пусть моя благосклонность подействует на тебя, во имя Мухаммеда избранника и семьи и ради его, чистого, и да благословит его [Аллах] благословением великим, и слава Аллаху, господу миров.

ПРИМЕЧАНИЯ

Аббас – дядя пророка Мухаммеда.

Абисгун – морская гавань Джурджана, находившаяся при впадении реки Гургена в Каспийское море, вероятно, у позднейшего селения Гюмюштепе.

Абуали (Вуали) Симджур – один из вельмож Саманидов, правивший некоторое время Хорасаном.

Абубакр Дулаф ибн Джахдар Шибли Хорасани – один из «отцов» суфизма (861—946). Род его был из Уструшаны, но деятельность протекала в Багдаде. Он был близким другом первого «мученика» суфизма Хусейн ибн Мансура Халладжа.

Абубакр Мухаммед ибн Закарийя ибн Яхья Рази (28.8.865, Рей – 25.10.925, там же) – великий персидско-таджикский философ и врач. Часть жизни провел в Мавераннахре и имел связи с его научными кругами. Автор целого ряда научных трактатов, в т. ч. 60 – по медицине. Главнейшие из них – «Китоб-ул-Хови» («Всеобъемлющая книга по медицине») и «Китоб-ул-тиб-ил-Мансури» («Мансурова медицинская книга»), переведенные уже в XII в. на латинский язык, в течение многих веков служили практическим руководством для врачей Запада. Рази был также естествоиспытателем, астрономом и математиком.

Абулкасим Абдалкарим ибн Хавазин ал-Кушайри (986—1074) – известный суфийский шейх, в своем «Послании» пытавшийся примирить суфийские учения с основными положениями ашъаритского схоластического богословия.

Абулмуайяд Балхи (гг. рожд. и смерти неизв.), персидско-таджикский поэт и ученый X в., автор прозаических произведений «Чудеса стран» или «Чудеса мира» и «Шахнаме» (один из ее разделов известен также под названием «Гар-шаспнаме») и поэмы на библейско-коранический сюжет – «Юсуф и Зулейха»; (два последние сочинения не сохранились). До нас дошли его стихи в основном лирического характера.

Абулфазль Мухаммед ибн Убайдуллах Балами (ум. 940 г.) – ученый, государственный деятель, везир эмира Наср ибн Ахмада Саманида (914—943).

Абулфатх Бусти – не следует смешивать его с известным поэтом: поэт умер в 1011 г., а амиль, по указаниям Бейхаки, был еще жив в 1038/39 гг.

Абулхасан Али ибн Ахмад Вахиди Нишапури (ум. в 1075/76 гг.) – известный богослов, собиратель хадисов и комментатор Корана.

Абумуслим (727—755) – предводитель восстания против Омейядов в Хорасане (747—750), приведшего к падению Омейядов и воцарению Аббасидов.

Абупаср Ахмад ибн Абдассамад Мишкан – начальник придворной канцелярии Махмуда и его сына Масуда. Мастер эпистолярного стиля и знаменитый каллиграф. Известный историк Бейхаки – его ученик и помощник – сообщает о нем в своей истории много ценных сведений. Умер в 1039/40 гг.

Абушукур Балхи (915 – г. смерти неизв.), персидско-таджикский поэт, современник Рудаки. Получил известность благодаря поэме «Офариннаме» (947). С. Нафиси, разыскивая произведения современников Рудаки, собрал из тазкира (антология), фарханг (толковый словарь) и др. литературных источников более 500 его бейтов и высказал уверенность, что, кроме «Офариннаме», написанной размером мутакариб, Абушукур Балхи является автором еще трех поэм (в размерах хазадж и хафиф). Писал стихи о жизни и любви, человеческой судьбе, науке и обучении. Многие его бейты переведены на арабский язык.

Азра и Вамик – герои из популярной любовной поэмы персидско-таджикской литературы. Первым ввел в обращение эту тему, заимствовав ее из греческого источника Сахль ибн Харун (ум. 830 г.). Ее переложил в стихи в размере мутакариб известный персидско-таджикский поэт Унсури (ум. 1050 г.).

Азхар Хар – т. е. Азхар по прозвищу Хар – осел.

Айяз – раб султана Махмуда Газневидского, который, якобы, благодаря необычайной преданности своему господину и зрелому уму достиг степени везира. Превратился в образ литературного героя, широко встречающийся в таджикской литературе и фольклоре.

Айяр – так называли находчивых, бывалых, хитроумных людей. Из них же формировали добровольческие отряды.

Аквад – конь, верблюд и т. д., у которого слишком длинная шея.

Али – четвертый халиф (656—661), двоюродный брат и зять Мухаммеда.

Алид – т. е. шиит, поклоняющийся Али.

Ал-Каим Ви-Амри Ллахи – 26-й персидский халиф, правил в 1031—75 гг.

Ал-Мутасим – 8-й халиф из династии Аббасидов, правил в 833—842 гг.

Амид Абубакр Али ибн Хасан Кухистани – известный писатель и надим султана Махмуда.

Амил – арабский термин, обозначающий сборщика податей и управителя.

Амр ибн Лейс (гг. рождения и смерти неизв.), правитель государства Саффаридов. В 870—900 гг. правил Хорасаном.

ан Йукатталу, т. е. если будут убивать и распинать... – Коран, V, 37.

Асджади Абуназар Абдулазиз ибн Мансур Мервези (г. рожд. неизв. – 1041), персидско-таджикский поэт. Подобно Унсури и Фаррухи, в основном писал панегирические касыды, отличавшиеся высокими художественными достоинствами. Касыда «Сомнат», воспевающая поход султана Махмуда в Индию, вызвала подражания поэтов последующих веков.

Афлатун – Платон.

Ахмади Фаригун – эмир из династии Феригунидов, правивший областью Гузганан с городами Шапуркан и Фарьяб (между Балхом и Мерверрудом).

...Бери то, что я дал тебе, и будь из числа благодарных – Коран, VII, 141.

Боа, чарг, шахин – хищные птицы из семейства соколиных, которых использовали для охоты как ловчих птиц.

Вузурджмихр – арабизованная форма древнего Буаургмихр. Легендарный везир Сасанида Ануширвана, на которого были перенесены черты всех сказаний об идеальных шахских советниках.

Бурок – сказочное животное, на котором, по легенде, Мухаммед совершил свой мирадж, т. е. ночной полет на небо.

Бус-Сувар (или Абу-л-Асовар) Шавур (или Шапур) ибн Фазл – 8-й везир из династии Шеддадидов, правивших в Арране и Армении (ок. 951—1199).

Гуштасп – имя одного из мифических героев иранских народов. В «Шахнаме» Фирдовси – сын Лухраспа. Весь этот рассказ тесно связан с преданием о поездке царя Гуштаспа в молодости в Византию, которое подробно изложено в «Шахнаме».

Дабир – государственная должность, секретарь, писарь, редактор в диване.

Данг – единица веса, которая в разное время в различных местах имела разный вес и цену; 1/6 дирхема.

Дахма – специальное здание, где трупы, которые, по зороастрийским верованиям, нельзя ни погребать, ни сжигать, выставлялись под действием воздуха и на расхищение коршунам до тех пор, пока не превращались в кости; иногда употребляется в значении гробницы, мавзолея.

...Дед твой... – Кейкавус был женат на дочери султана Махмуда.

Джавонмарди – букв.: «благородство, рыцарство», арабский эквивалент этого термина – футувва. Джавонмардами называли себя члены тайных ремесленных обществ, боровшиеся за свои права против феодальной эксплуатации. Общества эти имели в известной степени религиозную окраску и поддерживали связь с некоторыми течениями суфизма.

Диван – канцелярия, присутственное место.

Динар – золотая монета стран мусульманского Востока. Ее начали чеканить с VII в.: вес – около 2,4 г золота.

Дирхем – древнейшая серебряная монета арабов весом 2,97 г чистого серебра. Ее начали чеканить с 695 г. для торговли с другими государствами.

...Доброе же то, что ты добудешь себе умением... – Здесь автор играет на двойном значении слова, прямом – «имя» и переносном– «добрая слава, репутация, именитость».

Дубейт – один из древнейших жанров таджикского стиха, встречавшийся еще до ислама. Состоит из четырех строк разнообразных по содержанию (дидактика, философия, любовь, суфизм и т. п.). От рубаи отличается по своему стихотворному размеру (хазаджи мусаддаси махзуф, т. е. ушестеренный усеченный ха-задш), рифмовка: ааба, аааа, аабб и абвб.

Дулъдуль – имя коня, по преданию, принадлежавшего имаму Али–зятю Мухаммеда.

Если возблагодарите, умножу я вам – Коран, XIV, 7.

Зиндан – подземная тюрьма, клоповник.

Зулкарнейн – прозвание Александра Македонского (букв.: «Обладатель двух рогов»).

Ибн Мукла Абуали Мухаммед ибн Али ибн Хусейн ибн Мукла Ширази (853, Багдад—940, там же), каллиграф, языковед и ученый. Был везиром у Аббасида Муктадира (908—932), затем у Кахира (932—934) и Рази (934—940). При нем в 936 г. попал в тюрьму, где ему сначала отрубили правую руку, а в 938 г. вырвали язык. Умер в заключении.

И не ввергайте себя своими руками в опасности... – Коран, II, 191.

И не говори им тьфу и не отталкивай их... – Коран, XVII, 24.

И не расточайте, ибо не любит он расточителей – Коран, VI, 142 и VII, 29.

Ирок, ушшок, зерафканда, бусалик, сипахан, наво, баста – названия различных напевов, входящих в состав классической музыки.

Искендер – Александр Македонский.

Кабала – расписка, удостоверение в чем-либо, часто также купчая крепость.

Каламдон – пенал.

Камари Тургани Абулкасим Зияд ибн Мухаммед – один из поэтов второй половины X в., современник Кабуса Вушмгира. Из его наследия сохранилось всего 20 бейтов.

Карун – библейский Корей, богач, о котором повествует Коран, XXVIII, 76, XXIX, 38, ХЬ, 25. Его богатства были столь велики, что ключи от них не могли перенести с места на место несколько сильных человек. За неверие и вражду к пророку Мусе (Моисею) был поглощен землей.

Каса – чаша для жидких блюд, известная еще со времени каменного века. В Средней Азии найдены расписные касы из керамики, относящиеся ко 2 тыс. до н. э.

...кто учит добру, как бы сам его делает... – Известный хадис.

Лабиби (гг. рожд. и смерти неизв.) – персидско-таджикский поэт XI в. Из его стихов дошло очень мало. Лабиби также писал поэмы, от которых сохранились только отдельные бейты.

Мавдуд Шихабаддавла (1041—48) – 10-й султан из династии Газневидов, сын Масуда и внук Махмуда.

Мамун – 7-й халиф из династии Аббасидов, правивший в 813—833 гг., сын Харун-ар-Рашида.

Мансури – по-видимому, был особенно крупный формат писчей бумаги.

Маншур – распоряжение, приказ.

«Марзбаннаме»— дидактическое произведение; написано в X в. на мазан-деранском диалекте не Марзбан ибн Рустам ибн Шарвином, а Марзбан ибн Рустам ибн Шахрияр ибн Шарвином. Мазандеранский оригинал «Марзбаннаме» до нас не дошел, но сохранились две новоперсидские редакции этой книги, одна под названием «Равзат-ал-укул» («Сад разумов»), принадлежащая Мухаммед-гази Малтави, почти вдвое увеличившего ее объем. Автор второго перевода, более сложного по стилю – Саадуддин Варовини.

Масуд – сын султана Махмуда Газневидского, правил в 1030—41 гг.

Минбар – род кафедры в мечетях, с которой говорят проповедники.

Муавийя – первый халиф из династии Омейядов, правил в 661—680 гг.

Мугелон – вид колючего растения.

Муджтахид – богослов или законовед, принимающий решения по вопросам религии и мусульманского права самостоятельно, а не повторяющий решения до аналогичному делу, уже вынесенному кем-либо другим.

Музаввара – калорийный и питательный суп, приготовляемый для больных, но в то же время значит и «подложный». Сахиб, мастер игры словами, показал, что знает тайну Раби.

Мурид – лицо, поступившее под начало к «старцу» (пиру, шейху, муршиду), отказавшееся от собственной воли, обязавшееся выполнять только приказы «старца». По утверждению самих суфиев, мурид перед шейхом подобен «трупу в руках обмывателя трупов».

Мутаваккилъ – 10-й персидский халиф, правивший в 847—861 гг.

Мутриб – музыкант и певец.

Муфти (араб.) – «дающий фетву» – заключение на запросы судьи или частного лица, основанное на законах шариата.

Мы сотворили небеса и землю... – Коран, XI., IV, 38—39.

Новруз – древний и традиционный праздник иранских народов (позднее получил распространение и среди неиранских народов), который приходится на день начала солнечного летоисчисления, первое число месяца фарвардин (халал), или 21 марта нынешнего летоисчисления. Появился примерно 3 тыс. лет тому назад благодаря развитию сельского хозяйства и считается праздником весны и весеннего сева. При Ахеменидах стал традиционным официальным праздником иранцев.

Надим – собеседник, сотрапезник падишахов и эмиров.

Наука проницательности – наука физиогномики или учение о том, как по чертам лица человека можно узнать его характер и даже его сокровенные мысли.

...Научил он человека тому, чего тот не знал... – Коран, ХСУ1, 5.

Нуширавaн – искажение прозвания Хосрова I (531—579) Аношакравдна (обычно в ново-перс. Ануширван – имеющий бессмертную душу). Подавив восстание Маздака, оказал иранской аристократии великую услугу, за что прославлен официальными хрониками как образец справедливости.

Память и мышление вне места... – По схоластической физиологии, память и мышление не могут быть локализованы в организме, поэтому они «вне места», прочие же чувства локализованы: зрение – в глазу, слух – в ухе и т. п.

...Передачи, передаваемой по непрерывной цепи, не избегай. – Речь идет о хадисах и ряваятах, передаваемых обычно с так называемым иснадом, т. е. цепочкой имен передатчиков: сказал такой-то со слов такого-то и т. д.

...Писать ее не учи. – Это предписание интересно, ибо, по свидетельству Бейхаки, у его современников – газневидских эмиров – женщины, в противоположность этому, отличались хорошей грамотностью. По-видимому, в этом пункте новая тюркская аристократия отступала от старых иранских традиций.

Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и повелителю вашему. – Коран, IV, 62.

Пять разделов – хотя речь идет о пяти разделах (гуна), но пояснено только четыре.

Пять скрытых, как-то... – Как известно, мусульманская наука, помимо пяти внешних чувств, признавала внутренними чувствами перечисленные автором пять способностей.

Рави («передатчик» преданий, декламатор), лицо, исполнявшее стихи поэтов. Рави должен был обладать гибким приятным голосом и хорошей дикцией.

Разве ты не видишь, что сделал господь твой с обладателями слона? – Коран, СУ, 1. .

Раият – подданный, лицо податного сословия.

Ратль – мера веса, равная 144 дирхемам, или 450 г.

Рахш – боевой конь богатыря Рустама, воспетого Фирдовси в «Шахнаме».

Рум – Византия.

Сайида – вдова Бунда Фахраддавла (967—997).

Салар – начальник.

Салман Фариси – мифическое лицо.

Сарханг – командир.

Сахибдиван – начальник дивана, т. е. приказа. Сахибдиван в каком-либо городе ведал всеми поступлениями, всей отчетностью и имел очень большой вес.

Сахиб Исмаил ибн Аббад – знаменитый везир Буидов.

Сипахсалар – военачальник.

...Слышать рассказ не то, что видеть своими глазами... – Известный хадис: «весть не то, что видение воочию».

Султан Махмуд сын Насираддина – т. е. Махмуда Газневида.

Суфий (суфи) – последователь мистического течения в исламе – тасаввуфа, зародившегося в VIII в. на территории современного Ирака и Сирии. В те века название аскетов и проповедников, носивших власяницу (суф).

Сухраб – витязь, сын Рустама, знаменитого героя «Шахнаме» Фирдовси, трагически погибший в бою с отцом, которого он не знал в лицо, так же как не знал его и отец.

Табтаб, или табтаба – нечто вроде ракетки для игры в мяч.

Тарикат (араб, путь, направление, религия) – обозначение мистического направления, имеющего целью духовное самоусовершенствование, чаще под руководством «старца» (шейха, пира).

Тарана – песня и мелодия в народной музыке.

Тасудж – 1/24 часть дирхема.

Тафсир – толкование на Коран.

Тимиан – ароматное растение, распространенное в Европе, Азии и Сев. Африке.

Тугралбек Рукнаддин Абуталиб (993—1063)—основатель государства Сельджуков. В 1038 г. захватил часть Хорасана и в Нишапуре был провозглашен султаном.

Тутия – препарат, применявшийся в качестве лекарства от глазных болезней.

Умар-и-Хаттаб – второй правоверный халиф. Правил в 634—644 гг.

Усули – ригористическая группа мусульманских богословов.

Фазлун-и-Мамлон – один из правителей Азербайджана, о династии которых сведений крайне мало.

Факих – законовед, знаток законов шариата и исламской религии.

Фалак-ал-Маали – сын Манучехр ибн Кабуса.

Фараон – по Корану, царь амалекитов, согласно суре XXVIII, 38, приказавший поклоняться себе как Аллаху.

Фарраш – букв.: «расстилатель ковра», слуга.

Фатима – дочь Мухаммеда, жена Али.

Фетва – шариатское заключение и постановление, которое выносится главой мусульманской общины муфтием по различным религиозно-правовым и социально-политическим вопросам.

Фирузан – правитель Дейлема, убит в бою с войсками Саманида Исмаила в 901 г. у Фаласа.

Фука – приятный напиток, приготовляемый из ячменя или риса.

Хаббз – букв.: («зерно»), мелкая мера веса.

Хаджиб – придворный чин, лицо, ведавшее допуском к носителю власти, церемониймейстер.

Хан – скатерть, расстилаемая на полу, на которую ставится угощение.

Ханака – дервишеский монастырь, обитель, странноприимный дом, где жили и молились шейхи и дервиши.

Харун-ар-Рашид (763 или 766, Багдад – 809, Тус) – 5-й халиф (786—809) из династии Аббасидов. Во времена его правления развивались сельское хозяйство, ремесло, торговля и культура (в основном литература), но наблюдались и признаки упадка (восстания в Византии, Сирии и др. областях). Принимал непосредственное участие в подавлении антихалифатских восстаний. Хотя в «Тысяче и одной ночи» изображен справедливым и прославленным халифом, на самом деле он был невежественным и жестоким.

Хафиз – почетное прозвание человека, заучившего Коран наизусть.

Хирка (хырка) – власяница, которую носили дервиши. При радениях, когда дервиши впадали в исступленное состояние, было принято рвать хирку в клочья, причем верующие миряне старались заполучить такой клочок как нечто, якобы, несущее благодать.

Ходжа Абдурраззак ибн Ахмад ибн Хасан Майманди – сын школьного товарища султана Махмуда, Ахмеда Майманди, которого Махмуд заключил в одном из замков в Индии. Абдурраззак делил заключение с отцом, а после его освобождения и нового возвышения стал везиром Мавдуда.

Худжра – келья, маленькая комната, чулан.

Човган – широко распространенная на Востоке игра, до известной степени соответствующая европейскому поло. Две команды, состоящие из нескольких всадников с клюшками, загоняют деревянный шар в ворота друг друга.

...Что посеешь, то и пожнешь – перевод буквальный и к русской поговорке не подгонялся.

Чтобы вы возвращали доверенное вам владельцам его – Коран, IV, 61.

Шабдиз – конь царевны Ширин, героини сказания о Хосрове и Ширин, подаренный ею Хосрову Парвизу.

Шамс-ал-Маали – т. е. Кабуса.

Шариат – совокупность всех религиозно-правовых и обрядовых норм ислама.

Шахна – арабский термин, обозначающий лицо, следящее за порядками в городе, градоначальник.

Шахрбану – дочь последнего Сасанида Йездигерда, убитого во время завоевания арабами Ирана в 637 г. н. э.

Шейх Абусаид Фазлуллах Абулхайр Махнаи (967—1049, Хорасан), поэт, мыслитель, один из столпов суфизма. В своих четверостишиях он, наряду с философско-суфийскими мыслями и взглядами, выступал поборником таких прекрасных человеческих качеств, как доброта, преданность и искренность, правди-

вость, честность и т. п. Вел постоянную переписку с Ибн Сино. Взгляды Абусаида Махнаи оказали большое влияние на произведения Абулмаджда Санои, Фаридаддина Ат-тара, Джалолиддина Руми.

Шейх Ахи Фаррух Зангани – известный шейх, с именем которого связывают имя великого азербайджанского поэта Низами, хотя хронологически это и невозможно.

ГАБУСНАМЭ